

Вещь

2(6)/2012

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Проза

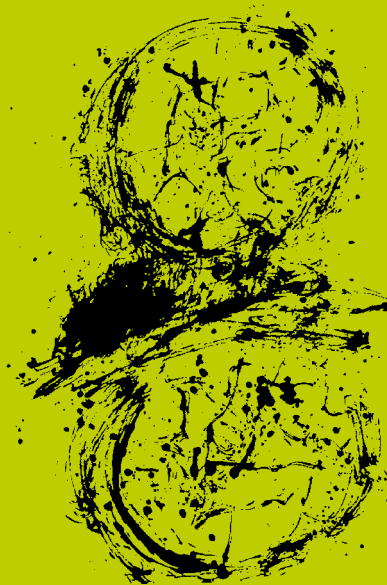
Анатолий Субботин

Роман Юшков

Поэзия

Антон Бахарев-Черненко

Современная литовская литература

Вещь

2(6)/2012

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРМЬ 2012

Содержание

- 3Анатолий Субботин *Статуи, Любовь манекена (два рассказа)*
- 7Антон Бахарев-Черненко *Среди обыденных вещей (поэзия)*
- 20Антон Бахарев-Черненко *Стихи — как гробницы для отживших срезов души (интервью)*
- 24Роман Юшков *Делеция-12 (фрагмент романа)*
- 48Современная литовская литература: **Томас Чепайтис, Индре Валантинайте, Марюс Бурокас, Юлюс Саснаускас, Юлюс Келерас** *(поэзия, проза, драматургия)*
- 76Ирина Лебедева *В границах комнаты привычной (поэзия)*
- 79Сергей Сенковский *Гайдар шагает в... (фрагмент книги)*
- 94Керим Волковыский *Лодка (поэзия)*
- 97Евгения Князева *20-летние: поиск собственной поэтической идентичности (критика)*
- 104Владимир Пирожников, Марта Шарлай, Кристина Суворова, Екатерина Симонова, Александра Сырбачева, Ольга Ловцова *Рецензии («Псоглавцы», «Комьюнити», «Смотреть на бегемота», «Назовите меня Христофором», «Каменские элегии. Часть третья», «Мэбэт», «От времени вдогонку», «Стихотворения»)*
- 123Авторы номера

Проза / Рассказы

Анатолий Субботин
Статуи

Я вижу их почти каждый день, проезжая мимо — на работу и с работы. Они стоят на моем пути в город, а я живу на его окраине. Он и она. Летчик и парашютистка. Трамвайную линию и автостраду разделяет пешеходная дорожка с деревьями по бокам. В этой аллейке они и стоят. Не рядом. Между ними метров 30. Они смотрят в одну сторону, на город, на север, но видят они не совсем одно и то же.

Как я счастлива, что живу в такой стране, что нужна партии и народу! Идет борьба за светлое будущее. Идет стройка. И многое уже построено. Осталось освоить север. Вот

где я сумею помочь и пригодиться. Север дик и труднодоступен. Белые медведи до сих пор не читали товарища Ленина. Он отгородился от мира холодом и бездорожьем. Как мелкий собственник, отгородился он. Но я зайду к нему с неожиданной стороны. Я выучилась прыгать, и запрыгну на него сверху. Кстати, на севере светло даже ночью. Это от обилия снега. В самом деле, города и села зимой выглядят светлее, коммунистичнее. Значит, нужно устроить постоянную зиму. Сегодня же напишу письмо в ЦК. Пусть дадут ученым задание, чтоб они работали над похолоданием. Нужен второй ледник. И маме

напишу. Мама, как я завидую мамонтам, ведь они жили при коммунизме!

Счастлива ли я? Да, потому что в моей жизни есть цель. Но какая муха мешает мне думать и идти вперед, щекоча мой затылок? Это чей-то взгляд. О, я знаю эти взгляды! Они посягают на цельность моей природы, от них можно забеременеть. Стоит только обернуться. Ни за что не обернусь! Ведь тогда я не смогу прыгать, не смогу осваивать север, а я хочу быть полезна целой стране, а не одному мужчине. Сейчас не время. Может быть, потом, в светлом будущем.

Однако где же самолет? Где аэродром? Сколько ни иду — никак не выйду за черту города. Либо он разросся, либо я заблудилась. Надо спросить у прохожих. Но они так мельтешат, что и рта открыть не успеваешь. Черт с ними! Меня ничто не остановит. Не будет самолета — дойду до Арктики пешком. А парашют перешью в палатку.

Футболка, шальвары, грубые ботинки и рюкзак за плечами. Всякий ли поймет, что видит перед собой парашютистку? Ах уж этот соцреализм с его эквивоками! Я тоже сначала принял ее за простую туристку, но потом обратил внимание на высоко поднятую грудь и гордо вскинутую голову. Нет, сказал я себе, в рюкзаке у этой девки не крупа и котелок, а кое-что, имеющее отношение к небу, и это птица высокого полета.

Вася, что с тобой происходит? Ведь ты же здоровый мужик, заваливший однажды в рукопашной медведя. В тебе два с половиной метра роста, шея и ноги твои как столбы. Ты летчик-ас, первый в отряде, способный достичь любых горизонтов, совершить по указу партии любой пируэт, начиная со штопора и кончая мертвой петлей. И вот все горизонты тебе заслонила женская задница! Боже... отставить, бога нет... товарищ Сталин, помоги мне взять себя в руки. И командир уже заметил. Что-то, говорит, Василий, голова у тебя полегла, в облаках витает, причем, отдельно от тела. Вижу, говорит, какие слова ты выписываешь, пользуясь самолетом как авторучкой. Да, пишу. Ни вылета без строчки:

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ МАША!

А когда у нее прыжки, я готов оставить штурвал и прыгнуть за ней следом. Без парашюта, который не положен по инструкции, чтобы, значит, пилоты не бросали своих машин при малейшей опасности. В пустоте она ЗАМЕТИЛА бы меня, стирающего к ней руки, и увидела бы силу моих чувств, и дала бы себя обнять, а то и вовсе отдалась бы. Как это, наверно, здорово — любить в свободном падении! Прежде чем разбиться, они успели кончить. Стоп-машина! Не туда занесло. Надо договориться на берегу, надо объясниться на земле. Пока не поздно. Вот сейчас догоню ее и скажу все, что о ней думаю! Маша! Ведь вас Машей зовут? Не отпирайтесь, я слышал, как вас окликали подружки. Да, я летчик. Но речь пойдет о моем брате, тоже летчике. Понимаете, он вошел в штопор и никак не может из него выйти. Нет, он не пьет. Он стоит на пороге великой измены, измены делу партии и народа. Он готов изменить и собственной жизни. Как при чем тут вы! Ведь изменяет-то он с вами... вернее, из-за вас. Вы украли у него голову, и округа уже темнеет от ужасных слухов. Было несколько писем с требованием прекратить опасные летные испытания и впредь не доверять дорогостоящие аппараты безголовым роботам. Командир грозит трибуналом, обвиняя брата в разгильдяйстве. Еще, говорит, раз забудешь голову дома, прикажу ее сжечь, как кожу царевны-лягушки. Полетишь тогда у меня напрямиком к кощей смертному! Вы разбили брату сердце, и если срочно не вмешаетесь, может треснуть все тело. Выходите, пожалуйста, за него замуж, иначе он плохо кончит. А с вами он кончит хорошо, по крайней мере, естественно. Это ничего, что вы в глаза его не видели. Он очень похож на меня, вылитый я. Да, и зовут нас одинаково! А как вы догадались?.. Ну вот что, влюбленный близнец, впредь советую не раздваиваться. Я принимаю твоё предложение. Но не потому что воспылала к тебе страстью или, скажем, пожалела тебя. Просто я не выношу разгильдяйства и не потерплю государственной измены. И я делаю этот шаг из ПАТРИОТИЧЕСКИХ соображений... Маша, Маша! Я кричу, а она не слышит — почему?

Почему я и сам не слышу себя? Если бы я оглох, до меня бы не доносились никакие звуки, а мне шумно от пронсящих мимо авто и трамваев, я улавливаю трепет птичьих крыл и тихие всплески эфирного моря. Нет, я не оглох. Значит, дело в моем голосе. Это похоже на сон, когда хочешь крикнуть и не можешь. И просыпаешься. А я не просыпаюсь, следовательно, не сплю. И вот еще странность: между нами не меняется расстояние. Я ускоряю шаг — и она ускоряет шаг, я останавливаюсь — и она останавливается. Короче, между нами все те же 30 метров. Я подумал бы, что она играет со мной, если бы не был уверен, что она не слышит и не видит меня (она ни разу не оглянулась). И все-таки, все-таки... Возможно, есть другие чувства, и возможно, она улавливает меня своей антенной-позвоночником. Улавливает не как Маша Васю, а первородно — как самка самца.

Я бросился за ней что было сил, но и она пустилась во весь дух. Мы неслись сквозь ключие кусты и высокие травы, разбрызгивая в разные стороны перепуганных зверей и птиц, в кровь царапая свои обнаженные тела. Она визжала, я орал как зарезанный. Впрочем, почему как? Стрела амура (только попадись мне, щенок, все крылья повыдергаю!) глубоко проникла — не достать — и больно колола сердце. Боль придавала мне злости, злость придавала мне сил. В моих рогах свистел и путался ветер. Мои копыта высекали искры из подвернувшихся под ноги камней. Стой, сука, оглянись и смотри, до чего ты меня довела! Я, покровитель лесов и их обитателей, не обидевший никогда прежде и мухи, раздавил, гонясь за тобой, гнездо, зашиб олененка и сбил с ног медведя. От моих искр возгорелось пламя, и за нами начинается пожар. Но и это меня не останавливает. Эх жаль, нет под рукой самолета: живо бы ее догнал. Самолеты изобретут только через три тысячелетия. Эти люди — такие тугодумы! Стой, дура! Я знаю, ты влюблена в этого недоделанного Нарцисса. Но он никого не может любить, кроме себя. Его удел — онализм, потому что у него нет главного. То, что у него есть — это насмешка над мужским

достоинством. Красивую оболочку ты приняла за сущность, а надо зреть в корень. Ты дура, потому что девственница. Остановись, и я сделаю тебя умницей. Я открою тебе ворота в мир НАСТОЯЩЕЙ любви. Знаю, тебя напугали, привели в священный трепет размеры моего ключа, но поверь мне, девочка, на слово: это ОБЫКНОВЕННЫЙ ключ, ну может, самую малость больше нормы. Просто ты не знаешь своей глубины и явно себя недооцениваешь. Дай мне шанс, и то, чего ты боишься, станет твоей любимой игрушкой, которую без конца ты будешь поднимать с пола (с пылу — с жару) и прятать в укромные места, и восторженно хлопать в ладошки при виде бьющих перламутровых струй. И ты будешь спрашивать себя: как я могла любить этого пустоцвета Нарцисса!? И мои козлиные ноги покажутся тебе верхом совершенства. Смотри, я бегу за ТОБОЙ, а за мной гонится толпа вожделяющих нимф. Одна другой моложе и красивее. Они устраивают драки за право принадлежать мне. Я работаю, как бык-производитель, но мне с ними скучно. Честно говоря, я не хочу тебя. Зачем же я бегу за тобой? Так, знаешь ли, по традиции, по инерции... Мне нравится, что ты меня не любишь. Это такая роскошная редкость в моей жизни! Возможно, я хочу, чтобы ты любила меня по-другому, не как эти нимфы, не за крайнюю плоть, а за душу поэта, как, возможно, ты любишь Нарцисса. Я зову ее, а она не слышит, и между нами все те же 30 метров.

Сколько летчика ни корми, он на север смотрит! И доказательством тому — толстый свитер, кожаная куртка, подбитая мехом, и унты на ногах. Да и небо всегда оказывает прохладный прием. Но отчего это у нашего героя очки на шлем полезли? Неужели увидел впереди северное сияние? Нет, до сияния еще далеко. Горизонты задернуты мраком. Где ж ты, где ж ты, моя Сулико? Неужели в созвездии Рака? А-а! Вот ты куда, голубь, смотришь. Что ж, вкус у тебя есть. Хороша девка, особенно со спины, а тебе ничего другого и не видно. Ну ладно, некогда мне тут с вами! Вы стоите, прохладжидаетесь, а меня работа ждет. И так всегда: я езжу на

работу, а они стоят, я еезжу, а они стоят. Но ведь должно что-то измениться в этом мире. Да, я изменюсь, я умру. Следовательно, они оживут.

Он подошел к ней тяжелым шагом командора и гулко шлепнул ее по заднице, так что голуби слетели с ее плеч. «Чего вы себе позволяете!» — воскликнула она возмущенно. «Брось, Машенька, — сказал он. — Давай лучше выпьем и трахнемся. Все равно нам больше ничего не остается. Вот ты ждешь самолет, а самолета нет и не будет. Заводы и фабрики встали. Рабочий класс, давно не получавший жалования, разжалован в лоточники и обжалованию не подлежит. Ты помнишь, как все начиналось? Правильно: с мешков и продрозверстки. С чего начали, тем и кончили. Мы стоим на месте. А жизнь ушла далеко вперед. Наши идеи мертвы. Скажу больше, только дай слово, что не испугаешься. Он взял ее за руку и шепнул на ушко: Видишь ли, нас ТОЖЕ нет! Человек жив своим внутренним содержанием, и если из него этот мотор достать, что останется? То-то! Не веришь? Ударь меня в грудь. Мы звеним, как пустые бочки. Снаружи мы каменные, а внутри пусты. Время стоит, и единственное, что мне нравится в этом тотальном застое, это то, что стоит у меня в штанах. Помнишь крылатую фразу: мир спасет амур? Поэтому перестань ломаться и давай будем спасаться. Ну и что, что среди бела дня и люди смотрят. Ведь мы же мертвы, а с мертвых какой спрос! Это как во сне, где все можно, где все проходит безболезненно и без последствий. Хочешь — трахайся, не предохраняясь, хочешь — пусти себе пулю в лоб. Все как с гуся вода. Ты ничем не рискуешь. Да-да, Машенька, мы не реальны, мы снимся друг другу, мы спим, так уж давай спать по-настоящему!»

И он-таки овладел ей. Ничего подобного мне видеть не приходилось. Это была **МОНУМЕНТАЛЬНАЯ** любовь. Камень о камень. Стоял страшный грохот, от которого лопались пионерские барабаны и осыпались буквы политических лозунгов. А город подумал (три раза подумал): учения идут. Даже люди, находящиеся поблизости, не

могли уяснить себе истинную причину шума, поскольку любовников тактично укрывало плотное белое облако летящей с них многолетней известки. Лишь бывшего вождя бывший соратник, который стоял чуть впереди и правее, на при заводской площади (потому что завод носил его имя), разглядел в своем пенсне (прибор заоблачного видения) такое дело и скрипуче взвизгнул: «Скоты! Вы творять такое в общественном месте! Куда смотрит милиция! При товарище Сталине вам живо бы дали по 100 лет одиночества!» А дерзкий летчик не спеша завершил свой полет, поблагодарил бортпроводницу поцелуем в шею и только тогда ответил человеку, еще недавно большому и почитаемому: «Старый козел, в тебе говорит зависть. Ты всегда был импотентом и лечился кровью младенцев. Но и это тебе не помогло. Что же касается общественного места, то кто не знает о твоей жуткой извращенности. Сделать женщине куннилинг — сам бог велел, но лизать задницу мужчине, пусть первому человеку в стране — это уж вы, батенька, хватили! Да вы просто порнозвезда какая-то, выражаясь современным языком! Взгляни на него, Машенька: ноги согнуты в коленях, одной рукой опирается на тумбу, другую пытается приподнять (вперед, мол, к победе коммунизма). И такие люди стояли у руля. Мы считали их полубожествами, думали, что они из другого теста, а они отличаются от нас только краской. Сколупни с них позолоту, и там тот же камень, та же пустота. Нет, чтобы в этой стране произошли перемены к лучшему, нужен качественно иной мозг, и я голосую за инопланетянина».

«Ненавижу, ненавижу! — вдруг расплакалась Машенька. — Они отняли у меня все. Я шла за ними, я им верила, я на них рассчитывала. А теперь у меня ничего нет. Прохвост! Сейчас я вырву твою козлиную бороду и пушу ее по ветру».

«Что ты, что ты! — испугался летчик. — Не делай этого, не подливай масла в огонь. Мы и без того живем в **КОЗЛИНЫЕ**, сатирические времена. И потом, в бороде у дедушки — вся сила, без нее он рассыпется, а он должен стоять как вечный памятник нашему

идиотизму. Пусть он себе стоит, а мы пойдем куда глаза глядят».

И они отправились, обнявшись и утешая друг друга. Я хотел последовать за ними, чтоб узнать, куда же глядят их глаза, но не

смог двинуться с места. В ужасе я обнаружил, что нахожусь на пьедестале и каменею. И во рту моем застыл крик.

1996

ЛЮБОВЬ МАНЕКЕНА

*Ты без страха и боли
превращаешь камни в молодые души,
и я на глазах становлюсь все лучше.*

Павел Кашин «Мим»

Передо мною за тонкой прозрачной стенкой лежит пешеходная дорожка, по которой ходят туда-сюда люди. Далее — шоссе, где снуют безумные машины. И за ним — деревья парка, над которыми время от времени взлетают и кружат стаи птиц.

Картина не меняется, и когда бы не люди, авто и птицы, она была бы спокойной, как я.

Я невозмутимо смотрю на всё это. Мне дела нет, что у людей разные лица и одежда, а у машин разная расцветка, — для меня они все одинаковы. Они сменяют друг друга; вездесущий свет солнца сменяется раздробленными огнями фонарей, окруженными тьмой; дождь, заливающий стенку, от чего картина делается мутной и почти невидимой, уступает место снегопаду. Я стою и смотрю. Равнодушен, неподвижен, неизменен...

Это случилось летним солнечным днем. Проходящая мимо девушка повернула ко мне голову и улыбнулась. Ну и что? Такое было и прежде: люди оборачивались в мою сторону, некоторые даже останавливались. Но никогда еще никого из них я не провожал взглядом. А тут я удивленно заметил, как мои зрачки скозились девушке вслед.

Что в ней особенного? Почему я выделил ее из толпы? Я не знаю. Только с этих пор со мной стали твориться странные вещи; какой-то сладостный и одновременно

страшный процесс начался во мне; словно ледник в горах стал подтаивать и неизбежно должен рухнуть.

Я стою и смотрю на проходящих мимо людей. Внимательно смотрю. Я ишу глазами ЕЕ. А вдруг она больше не появится? От этой мысли мне делается холодно. А между тем я различаю, что люди разные, очень разные. Вот легкой походкой идут два юноши; один другому что-то сказал, и они рассмеялись. Вот подъехала «тойота», и из нее вышел плотный господин средних лет. Этот уже не так беззаботен: работа, семья, хлопоты. Он целеустремленно направился в магазин купить что-нибудь из одежды. Вот, сгорбившись, прошаркала мимо старушка. В наш магазин ей не нужно: не по карману. Ей уже вообще мало что нужно. Почему же выражение тревоги не покидает ее лица? В моей груди что-то защемило при ее виде. И еще при виде плачущего мальчика лет пяти, который бежал вслед за рассерженной матерью... Но чу! (как говорили в старину). Я затрепетал. Она прошла, слегка наклонив вперед голову, о чем-то задумавшись, и на этот раз не взглянула на меня. Темно-русые волосы до плеч, прямой нос, рука, придерживающая сумочку, весь ее облик, даже простые джинсы на ней — всё показалось мне таким милым.

— Смотри! — услышал я за спиной голос продавщицы.

— Что? — спросила ее напарница.

— Манекен голову повернул!

— Который?

— Саша.

Я понял, что речь идет обо мне, и принял обычное положение. Все равно девушка уже ушла. Оказывается, меня зовут Саша, а я и не знал.

— Ты что, Ленка, с похмелья!?

— Нет... просто показалось.

Когда продавщицы отвлеклись, я осторожно огляделся. Справа от меня стоит молодой человек, а слева — молодая особа. Они невозмутимо смотрят перед собой. Как я раньше. Но я уже не тот.

Раньше я не задумывался над тем, что я здесь делаю. Теперь я знаю: я жду ЕЕ появления. Она проходит не каждый день, но все-таки довольно часто. И всякий раз жаркая волна пробегает по мне сверху донизу, и в груди что-то начинает стучать. Жаль только, что она почти меня не замечает; лишь иногда бросит беглый взгляд, да и то не на лицо, а на одежду. После одного такого ее взгляда я и сам полюбостыствовал, во что одет. На мне был спортивный костюм. Эх, подумал я, если бы я был одет как джентльмен! Я не люблю, когда парни и даже мужчины ходят в спортивных штанах и шортах. В этом чувствуется плебейский недостаток культуры.

Вскоре мое желание исполнилось. Два грузчика по приказу директора магазина подняли меня и понесли на стол для переодевания. Когда продавщица Лена обнажила мое тело, я вдруг, несмотря на то, что со мной такое проделывали не впервые, испытал необычное чувство. Щеки мои словно загорелись. Заметив это, Лена хотела было крикнуть, но сдержалась; видимо, подумала, что ей все равно не поверят и, мало того, сочтут за больную, и начнутся проблемы с работой. Может быть, она даже засомневалась, здорова ли она в самом деле?.. А ведь Лена тоже девушка, думал я, но в ней чего-то нет, что есть в ТОЙ. Чего именно, я не знал.

Джентльменский вид (классическая пара, рубашка и галстук) не помог. Она скользнула по мне равнодушным взглядом, будто коньком по льду. Оно и понятно, ведь не за платье же (во всех ты, душенька, нарядах хороша!) я ее полюбил.

День сменяется ночью, лето постепенно переходит в зиму. Прохожие облачились в пуховики и шубы, а деревья в парке, напротив, разделись, скинув листву. Странные деревья! Или им не холодно? А вот птицы мерзнут. Вчера я видел (я теперь стал видеть далеко) на ветке двух съжившихся синиц. Вдруг одна из них упала в сугроб. Вторая полетала над ней, полетала, да что поделаешь!.. Говорят, всё живое умирает. Значит, и моя девушка когда-нибудь... Но не хочется об этом думать. Почему я назвал ее «моей»? Разве она моя? Как же не моя, если я жду ее, мечтаю о ней!? Она моя мысленно.

Как ты прекрасна! — мысленно обращаюсь я к ней. — Твои глаза — два малахита на снежной белизне. Сквозь них сияет ум, любопытство и озорство, а иногда — грусть. Улыбка твоя — оазис в пустыне, ожививший меня, придавший моей жизни смысл. А какое чудо твоя походка! Движения твои легки и грациозны. И даже шубка не мешает почувствовать, сколь гибко и упруго тело твое. Глядя на тебя, хочется идти за тобой. Но пока я только головой могу пошевелить.

Сегодня она — с другой девушкой, вероятно, с подругой; я их вижу иногда вместе. Обе в коротких платьях (теперь снова лето) тихо идут и беседуют. Напротив меня она останавливает подругу и, взглянув мне в лицо, отчего я краснею, говорит:

— Ужасно, что манекены делают по человеческому подобию. Порой мне кажется, что они живые. Например, вот этот... Это дьявольская путаница. Будь моя воля, я бы запретила.

— Но тогда нужно запретить всякое искусство, — сказала подруга. — И потом, как прикажите демонстрировать одежду?

— Что если убрать головы?.. Нет, пожалуй, будет еще страшней.

Подруга рассмеялась, затем серьезно:

— Кстати, насчет живых ты тоже не обольщайся.

— В каком смысле?

— А в таком, что всякий человек представляет собой только то, о чем он думает. А поскольку многие сосредоточены на материальном, то и получается, что бывают люди-машины, люди-дачи и даже люди-сковородки.

— Кошмар какой!.. Испортил тебя, Марина, твой философский факультет.

Девушки ушли, а я словно остолбенел. Чувства мои смешались. С одной стороны, я впервые услышал ее голос, и это слегка картавящее произношение подбросило хворосту в огонь моего обожания. С другой стороны, я понял, что никогда, никогда она меня не полюбит! Ибо я мертв. Я не знал, что манекены отличаются от людей настолько!

Но как же так!? Я живой! — хотелось крикнуть ей вслед. Быть может, прежде я и был неподвижен, как мои коллеги, что стоят справа и слева, но теперь ты изменила меня. Посмотри внимательно в мои глаза — разве они пустые!? Я уже ворочаю головой, а если бы ты поверила в меня, я бы стал тебе подобным и пластичным. Я бы разбил прозрачную стенку, которая зовется стеклянной витриной, и шагнул к тебе!

Я хотел крикнуть, но не мог. Я ничего не смогу, пока она меня не полюбит, а она не полюбит меня.

Стрелки часов за моей спиной бегут по кругу. Бегут долго и монотонно. Существование времени также однообразно, как мое существование. Времени не вырваться из своего заколдованного круга. Но у меня есть ОНА!

Я жду ее. Впрочем, я жду ее только днем; ночью, я знаю, она не придет. Когда часы бьют двенадцать, когда прохожие становятся редки, я смыкаю глаза и грежу. Мне кажется, что каким-то чудом тело мое делается человечески гибким и подвижным. И я схожу с помоста и осторожно, чтобы не потревожить охранника, крадусь к выходу. Я иду мимо его комнаты, где открыта дверь, включен свет и работает телевизор. Как я ни

осторожен, железный засов на входной двери предательски стучит. Охранник покидает кресло и спешит на звук. Но я уже легко, свободно, радостно бегу по ночному городу.

Город, о котором я много слышал, огромен. Найти в нем ее — все равно что иголку в стогу сена. Ведь я не знаю ее адрес, я даже не знаю, как ее зовут. Но я ищу. Я хожу и заглядываю в освещенные окна домов и заведений. Некоторые люди смотрят на меня подозрительно, а то и начинают гнаться за мной. Впрочем, я легко от них убегаю...

Сегодня мне показалось, что я нашел ее. Я приблизился к ней... Но тут раздался стук и я открыл глаза. Это дворник Семен случайно задел метлой о стекло витрины. Он метет, а листья трех лип, растущих перед магазином, срываемые порывами ветра, все падают. Опять заморосило. Обзор постепенно мутнеет и почти исчезает... Как давно не видно ее! Два или три месяца. Что это — затянувшийся отпуск?

Я смирился с мыслью, что она не полюбит меня. Разве обязательно обладать красотой? Не достаточно ли просто созерцать ее? «Ласки не требую, счастья не надо. Лаской ли грубой тебя оскорблю»? Да, довольно с меня созерцания. Пусть только она проходит иногда мимо! Пусть проходит со своим избранником (я уверен: он мне понравится), потом со своими детьми. Пусть только она проходит иногда мимо!

Я увидел ее. Но, открыв глаза, понял, что это был сон. Передо мной — ничего, кроме привычной картины, заштрихованной сегодня снегопадом. Эта картина сделалась вдруг такой невыносимой для меня! И я понял, что ОНА не придет. Не придет НИКОГДА! Где она? Уехала? Умерла? Комок подкатил к моему горлу. Снежинки, скользкие по стеклу, вдруг превратились в капли дождя. Всё поплыло. И дождь, чего прежде не бывало, попал на мои щеки.

— Смотри! — закричала продавщица Лена своей товарке, с которой они наряжали ёлку. — Смотри, манекен плачет!

Они подошли ко мне, глядя испуганно и удивленно.

— Ничего себе! — сказала товарка. — И глаза как живые... Пойду, позову директора.

Пришел директор и, взобравшись на помост, потрогал мои глаза и щеки.

— М-м-да, — произнес он неопределенно, — придется его заменить. Обмяк он что-то.

И когда с меня сняли костюм, я ощутил некоторое облегчение, ибо страшно осоз-

навать, что ты — лишь форма для показа одежды и ничего более. А когда два грузчика, размахнувшись, бросили меня в большой мусорный бак, что-то стало катастрофически меняться во мне. Я подумал: это смерть! И в этот момент сравнялся или почти сравнялся с человеком.

2008-2009

Поэзия

Антон Бахарев-Черненко

Среди обыденных вещей

В окне беснуется листва.
Как будто слышно там, снаружи,
Что обещают ноль-плюс два,
И дальше — хуже.

А я в незыблемых стенах,
Где и паук в углу недвижим,
Осенний впитываю страх
Черешен, вишен.

Но часто кажется мне, что
Я сам с деревьями качаюсь —
И превращаюсь в этот шторм,
И прекращаюсь.

Всё хорошо — но грустно.
Да и заняться нечем...
Этаким сухогрузом
Херес заходит в печень.

Грузчики матерятся —
Тут на три дня работы.
Я изошёл румянцем —
И обещаю льготы.

И забираюсь выше —
Где в голубом озоне
Баржи, фантомы вижу,
Парус на горизонте.

Как вишерское дно, не вылазеешь память,
Что всю земную тьму беспомощно хранит;
Встаёшь, как истукан, и круглыми зубами
На солнышке стучишь, и пережат шумит...
Когда застряла снасть, и шаришь так, вслепую,
То из глубин глядит вогульский самострел;
И хариус туда проносится, как пуля —
И выплываешь вверх среди морёных тел.

Но это не беда — случайная кручина,
Родная мне вода прозрачней и быстрее;
В ней сросшийся навек мой ножик перочинный
И глиняные лбы, калёные в костре.
Но в ней же различу отбеленные кости,
Кривые пузырьки из пьяного огня...
Я не был здесь давно, и вдруг явился в гости —
А все вокруг скорбят, никто не ждёт меня.

Тогда, забрав ружьё, меня проводит Коля.
Я буду в забытии шагать поперек воды.
Потом приду в себя, потом глаза открою —
И обернусь, но все течением следы
Размыло — и «Отец!» повисло в полумраке,
И Бахтияров-сын пропал среди камней,
А водоросли, как дырявые рубахи,
Полощутся в реке и тянутся ко мне.

И день такой... как будто мальчик
Встаёт рассказывать стихи —
В костюме грозного команчи,
Двенадцать строчек чепухи,

Которой вовсе не бывает,
И потому он каждый раз
Начнёт — и тут же забывает,
И смотрит ясными на нас.

А мы его наперебой
Зовём, подсказывая слово,
И он ревёт, яркоголовый,
И с мамой просится домой...

Потом не вспомнит ничего,
Лишь на полу оставит перья.
И пропадёт во тьме империй,
Играя жизнью кочевой.

Бывало, сижу с конструктором,
Как со словарём стихоплёт,
Кирпичиками орудую —
И дом под руками растёт.
Гляжу в темноту за окошками —
И вижу внутри людей...
Опять не пошёл в «художку» я,
Мне неинтересно в ней.
«Художка» моя, на Репина,
Обшарпанная кругом,
Всего-то великолепия —
Рябина с репейником.
И помню, как выйдет красная
Быстрее других гуашь —
Оставишь затеи с красками,
И шепчет своё карандаш.
И сонные эти мамочки
Проходят мимо моих
Прекрасных цветов, и бабочек,
И ягод графитовых.

Бегу от пафоса, не смея
Из детства делать истый рай...
Послушно небо пламенеет,
Под ним сгущается сарай,
Старуха Симка пилит шпалу,
Смешно выпячивая зад,
И мужики у сеновала
Друг друга громко матерят.

Их плохо видно из окошка.
Но вот один слетает в грязь,
Другой идёт — и прямо в бошку
Ему ногами: хрясь да хрясь,
А тот встаёт, неубиваем,
И, размахнувшись, палку — хлоп! —
Которой мы в чижа играем —
Ломает надвое об лоб.

Визжат мамыши, плачут дети.
Меня уводят от окна.
Но расцепить безумцев этих
Ни друг не может, ни жена.
И снова катятся, в запале,
Под горку и в соседний двор,
А я смотрю на них из спальни,
Украдкой, в щёлочку из штор...

Потом один лежал в больнице,
Другой хромал, черней угля...
Мне перестало это сниться
Лишь накануне сентября.
И мы показывать ходили
Всем салажатам во дворе —
Пока дожди его не смыли —
Кровавый сгусток на траве.

«Меня по отчеству не звали,
Я семь десятков просто Любка,
Мы, как приехали с Алупки —
Всё на Урале, на Урале...
И я почти не помню моря,
Ну, что округлое — и только...
А мне пора уже на дойку —
Стою, вот, видишь, руки мою...»

«Любовь Ивановна, у вас же
Телята лучшие в районе —
И о секретах в рации
Никто подробней не расскажет!
...Ну что вы плачете, не стоит,
Любовь Ивановна!..» А Любка,
Подолом вылинявшей юбки
Закрыв лицо, тихонько воет.

«Пережила детей и мужа,
Всё время здесь, а дома — страшно.
Я говорю с животным каждым,
А что ещё теперь мне нужно...»
...И чётко, словно фотоплёнка,
То, что не схватится душой,
Вмещает чёрное большое
Глазное яблоко телёнка.

К сияющему вокзалу выползает поезд заиндеветший.
Из вагона выходит человек с распахнутым воротом.
Оглядев толпу, он бормочет — словно здороваясь с городом.
Щурится от мороза и прожекторов, держит вещи.

Его не встречают, он исчезает в круговерти дыма и снега.
Ты протягиваешь проводнице билет с паспортом.
Она говорит: «Подождите, перестелю», отвечаешь: «Запросто».
И понимаешь, что это место того самого человека.

Потом погружаешься в стылую ночь — ни огня за окошком.
А он едет в твоём такси, разговаривая по мобильнику.
Шофёр даст ему сдачу твоим полтинником.
А ты отнесёшь проводнице забытую им ложку.

И через двести лет,
если не сгинет мир,
Будут снимать жильё,
будут жильё сдавать.
«Нет ли недорогих
комнат или квартир?»
«Есть — на окраине.
Тумбочка, стол, кровать».

Что же, устроился.
 Тихая, так, семья:
 Шепчутся за стеной.
 Котик игрив и тощ.
 «Вот вам тарелочки.
 Это комплект белья...»
 А у хозяйки-то
 милая, в общем, дочь...

А за окном стоит
 солнечная листва.
 И тополиный пух
 катится по ковру.
 Кажется — вот, сейчас
 век пролетит, и два,
 Два пролетят, а я —
 я никогда не умру.

Рождённый в угольной Губахе,
 Из Бахарей в Бахчисарай
 Приехал я в одной рубахе,
 Когда заканчивался май.

С поэтами на фестивале
 Я пил, и пачкался вином.
 Мы днями что-то там читали,
 А по ночам бабахал гром.

С утра замёрзнув до икоты,
 По травам вымокшим скользя,
 Забрал я найденную кофту,
 А Пушкина с собой не взял.

Стихи валялись под ногами,
 Но я запомнил только вот
 Зажатый каменными лбами —
 И посиневший — небосвод.

Таганрог

О бедный, бедный Таганрог,
 Перекасти худое море,
 Своих русалок за кормою
 Пересчитай по пальцам ног.

Где обезвожена вода,
 Там солнце валится от жажды,
 И каждый день, и вечер каждый
 Торгует влагой сволота.

Да что-то крысы не бегут,
 А даже радуются крысы:
 Ночами вылезут на крышу —
 И карасей в звезде пекут,

Бездомных рыб... И как в беде,
 Огнями этими живыми
 Весь окружён, усеян ими,
 Далёкий берег в темноте...

Хорошо никем не быть —
 Знать соседа и соседку,
 Телевизору грозить
 И выписывать газетку.

Подходить по всем статьям
 К происшествию любому,
 Улыбаться незнакомым,
 Говорить, что Бог судья.

Хуже быть почти никем —
 Знаться с этими, не с теми,
 Думать много важных тем
 И молчать на эти темы.

На миграцию копить —
 И, мечту свою лелея,
 Не любить ментов и геев,
 Только Родину любить.

Невеста

У невесты под белым куполом
Сердце в пятках, в пятках душа —
В колокол, дрожа, тукают...
Она идёт не дыша.

А что в бронзовых, от мизинчиков,
Мурашках ноги её —
Холодостойким язычникам
Невдомёк.

Они поклоняются — женщине.
Сыплют крошками изо рта.
А она уже не вещественна,
В лифчике — пустота.

Остаётся столпотворение.
Звон таинственный. Чистый свет.
Которые с течением времени
Сходят на нет.

Ты осталась той,
За которой я
С головой пустой
В темноту нырял,

Где тебя домой
Провожал Роман,
Одноклассник мой...
Это всё обман,

И в обнимку вы
Не стояли с ним
Посреди листвы
Под окном твоим —

Просто так стекал
Полнолунный свет
По ветвям цикад,
По стволам комет.

И душа моя
Утопала в нём,
Потеряв края,
Обретя объём.

Ещё не темень — только синь,
И мышь летучую не носит,
Она ещё мешочком с ночью
На чердаке моём висит.

И там же, спрятанная в хлам,
Бумажка бабочки носатой —
Как будто памятка на завтра
Лежит, согнувшись пополам.

Ещё не топчется луна,
К домам прикладывая ухо,
И тихо взвизгивает муха
Из перекрестия окна...

Пожалуй, в этот час ничей
Печально и великолепно
Проходит время человека
Среди обыденных вещей.

Антон Бахарев-Чернёнок:

«Стихи — как гробницы для отживших срезов души»

О детстве

Сам я с верхней Губахи — города-призрака, в котором теперь почти никто не живёт. Дед по маминей линии был жестящиком и вроде бы шахтёром, но я не уверен. Дедушка умер, когда я был очень мал, тогда это не было мне интересно. В 1992 году мы с мамой забрали бабушку в Таганрог. Её не стало в конце двухтысячных. Лежат с дедом в двух тысячах км друг от друга. А в Таганроге сейчас живет моя мама с сестрой.

Вторая моя родина — Вишера, деревня Бахари, где у меня живёт отец. Там же — бабушка, которая побаливает, глуховата, но ещё бойкая — на вёслах через речку, огородец у неё, грядки. Несколько лет назад она заблудилась в лесу и без спичек три дня ходила по тайге. Вышла в шестнадцати километрах от нашей деревни. Три дня питалась брусникой, с тех пор больше её не ест.

Вообще у меня одни «бах» какие-то: ГуБАХа, БАХарев. Недавно добавил ещё один «бах» — Бахчисарай.

О путешествиях

По пути в Бахари я увидел село Тохтуево. Но там никогда не был. Все, что написано о нем, — поэтический вымысел. Я зацепился за это название. «Тохтуево» — сочное словечко. У меня оно стало как бы нарицательным, определяющим многие населенные пункты...

Когда я приезжаю к маме и сестре, я чувствую, что это моя семья. Но надолго меня не хватает. Я вообще не могу находиться на одном месте. Только, пожалуй, в Перми. Поехал на юг — погрелся, потом — вернулся.

О первых стихах

В третьем классе нам дали задание написать стихотворение. Помню, я был в шоке от этой процедуры, получилось вот что: «Мохнатенькие ножки / Бежали по дорожке / Два крылышка, два глаза / Фу, гадина, зараза (таракан — отгадка)».

Позже друг попросил написать ему стих, что я и сделал. Тогда я был абсолютно далёк от поэзии — ничего о ней не знал и никого из поэтов не читал. У меня всегда были проблемы с соблюдением объема сочинений: нужно было сдать страниц на 6, а я выговаривался на полтора. Потом оказалось, что стихотворные сочинения могут быть гораздо меньшими по объёму. В 11 классе мама помогла мне написать про «Войну и мир»: мы «забахали» сочинение о гениях и злодеях. Оно наивное, смешное — я его открыл через несколько лет. Тем не менее, учительница читала его последующим поколениям школьников.

Следующее возвращение к написанию стихов у меня было в студенчестве. Когда хочешь погулять с одногруппницей после пар и пишешь ей что-то в стихах, так бы она, может, и не согласилась, а тут умиляется и идёт.

О песнях

Потом я выучился кое-как играть на гитаре и резко начал писать песни. Опять же, я мечтал, что я сижу где-нибудь в центре села Покровского, подходят девушки — «самые лучшие девушки» села, и все мои. Песни эти были что-то вроде русского рока, писал я их по три в день, играл совершенно неумело. Друзья показывали на меня пальцем и говорили: «У него триста песен». Я напишу ещё десять, месяц спустя они говорят: «У него 500». Цифра в байках дошла до 1000. Потом я послушал Григория Данского и понял, что не научусь так же играть на гитаре. И стал писать стихи без гитары.

Сейчас музыка отдельно, поэзия отдельно. Можно, конечно, петь стих под музыку, хотя это уже совершенно другая форма. Поэзии музыка не нужна. Это — то же самое, что включить Шопена и Баха одновременно, получится какофония. Спеть хороший стих под очень хорошую музыку — это уже перебор. Хотя есть ведь популярные есенинские песни — всем нравится. Если всем это нравится, значит ли это, что стих херня? Должно пройти время, чтобы поэзия обкаталась. Когда она станет обыденной, будет как галька на берегу — её можно петь. Это хороший способ вернуть к жизни полумёртвые стихи.

О творчестве

То, что мне сейчас нравится, я начал писать в году 2007-08. Это произошло спустя 10 лет после моих первых гитарных опытов. Сейчас меня устраивает то, что я пишу, но где-то около одного дня. Если стихотворение любят другие, оно мне нравится дольше. Я смотрю на свои написанные несколько лет назад стихотворения, и ничего к ним не чувствую. Обиднее всего, что я не совсем помню, что именно я хотел в них сказать. В стихах я остав-

ляю множество тайничков. Смотрю на стих двухлетней давности, и он для меня уже закрыт. Ну ничего, это хорошо, это такие шкатулочки. Стихи — как гробницы, гробики для отживших срезов души. Душа развивается, а то, что оказывается под землёй, уже археологи с кисточками раскопают.

Если у меня часто встречается какой-то определённый образ, это ещё не говорит о какой-то систематичности и предпочтениях. Чаще всего всё происходит само собой. Я показываю то, что меня трогает — когда дзынкает в груди. Если этого не происходит — миссия невыполнима. Иногда и бытовые мотивы можно показать интересно. За плечами любого прохожего из серой толпы можно увидеть яркую и трагичную судьбу. В общем — серо, а по отдельности — блестит.

Мне нужна какая-то деталь, от которой всё пойдёт. Это может быть необычное звучание слова, как «Тохтуево». Или — какой-то человек, который меня зацепит. Эта деталька — слово, событие, картинка — как маленький спусковой крючок, от неё всё и идёт. Случается, что мне расскажут историю и из неё получается стих.

О вдохновении

Сначала меня вдохновлял Урал. Наверное, я писал о нем, потому что больше нигде не был. Не так давно стал ездить в Крым — пишу о Крыме и, конечно, Таганроге. Вот приехал я туда и сразу написал «О, бедный, бедный Таганрог». Там в городе есть какая-то проблема.

Мне нравится в Перми. Хотя то, что я употреблял это слово в стихах, ещё ничего не значит. Все стихи о Перми написаны в угоду городу, вроде как «Пермь, я твой». Наверное, я его даже люблю, но писать о нем не хочу. Сейчас я бы ни за что не употребил это слово в стихотворении. Люблю этот город, но я ведь не могу писать Перми как Петрарка Лауре. Если бы Пермь была для меня каким-то знаковым местом, я бы употреблял это название в тексте. Хотя дело не в Перми даже, это касается многих городов.

Когда-то я гордился тем, что пишу о Перми, а сейчас мне от этого даже немного не по себе. Тохтуево — это знаково, нарицательно. Таганрог, с выброшенными на берег карасями, где киснет море: мелкое, зелёное, горячее. Вроде бы приморский город-курорт, при этом ущербный. Подумать только: морской город-курорт, а купаться там запрещено. Это город-инвалид.

Я не нахожу в Перми чего-то проблемного, чтобы о нем писать, а жить мне здесь нравится.

Об уральской поэзии

Меня называют пермским поэтом. Это лучше, чем быть уральским поэтом: пермский — это такой крепкий середнячок, российский — прекрасно, мировой — вообще трындец, а уральский... Давайте скажем ещё «великий поэт средней полосы». Пусть называют пермским, но не уральским.

О женской поэзии

Женская поэзия — это другое отношение к миру. Есть одно — мужское и другое — женское. Если кто-то относится к женской поэзии предвзято — это их проблемы.

О слэме

Поэтический слэм — просто шоу, игра. В 2009 году, когда я победил на слэме, я ещё думал, что это такая форма поэзии. Ну, я выхожу: и читать не умею, и смыслы мои никому не нужны. У меня, конечно, произошла некоторая ломка, но я принял правила игры. В шоу не нужно ни на что рассчитывать — нужно просто играть.

У меня есть исключения из обычного «серого» ряда стихов. Людям тоже нужно иногда подкидывать сладкий кусочек, чтобы не казаться очень унылым. Есть стихи про Путина и Медведева. Написал я их, конечно, со злости. Я впечатлительный. Ну что ж, закрыты мне пути к президентским премиям.

О стране

В России ситуация полного упадка. То, что называют русским народом, — всё сельское население и большинство городского — вырождается. Нравственно и физически. Раньше я переживал, что умирает моя деревня, потом — что в крае дела плохо, потом о стране, потом о планете Земля. Потом прошло: страна старенькая, а все старенькие когда-нибудь умирают.

О современниках

Из современных поэтов мне нравится Борис Рыжий. Некоторые старые стихотворения Юрия Беликова и Владислава Дрожащих. Некоторые новые стихотворения Юрия Асланьяна.

Вообще, что значит поэт? Это человек, который регулярно что-нибудь пишет. Если человек уже десять лет ничего не писал, то он уже не поэт — он был поэтом. Сегодня в Перми одни писали когда-то, другие — пишут несерьёзно. В Перми с поэтами напряженка.

Записала Марта Пакните

Роман Юшков

Делеция-12

Публикуемое произведение «Делеция-12» развивает линию «проблемного романа», раскрывающего острые вопросы, стоящие перед современным обществом. Главный герой — биолог Родион Светлов, выступающий в роли правдоискателя, пытается научно обосновать причины надвигающегося вырождения русской нации, признаки которого приведены с пугающей широтой. Ученый приходит к выводу: причина кризиса — генетическая мутация, так называемая «делеция», ведущая русский народ к неизбежному вымиранию и замещению инородцами. Пытаясь предать гласности свое открытие, Светлов наталкивается на «заговор молчания» научных кругов, журналистов и чиновников, обвиняющих его в расизме. Потерпев поражение в борьбе, герой вынужден покинуть родной город.

... Можно всё сердце
посвятить борьбе,
можно всё сердце
подарить тебе,
можно плыть в белом
по чужой судьбе,
можно просто
быть смелым...

... Можно знать звёзды,
можно знать стихи,
можно быть взрослым,
не уча алхимию,
лить золотые звёзды
четырёх стихий,
можно просто
быть трезвым...

Павел Кашин «Утопия»

В один из первых дней весны, когда её признаки было ещё нелегко опознать среди кружащей позёмки, Светлов пришёл на кафедру пораньше, до лекций, и сразу пошёл в лабораторию. Нужно было отдать Лидии на анализ новый набор волос, собранных у опрошенных накануне студентов. Но у самого входа в лабораторию перед ним выросла лаборантка Анжела. Впрочем, она была уже не лаборантка, а работала теперь где-то в деканате, а с нею рядом был новый замдекана, стриженный бобриком маленький мужчина с большими залысинами, Светлов плохо его знал.

— Извините, Родион Арсеньевич, — сказала Анжела, вначале отведя взгляд, а потом, видимо, набравшись мужества и посмотрев ему прямо в глаза, — извините, но вам сюда нельзя.

— Как это нельзя? Почему? — засмеялся Светлов от неожиданности и неправдоподобности ситуации. Из дверей лаборатории вышла Лидия.

— Что случилось? — спросила она в волнении.

— Вот, пожалуйста, почитайте и распишитесь об ознакомлении, — сказал замдекана сухо и протянул Светлову листок с ручкой. На листке был отпечатан приказ ректора о том, что, начиная с сегодняшнего дня доценту биологического факультета Светлову Р.А. запрещается вход в лабораторию кафедры биологии человека и социальной экологии и какое-либо использование оборудования данной лаборатории.

— Значит, вход воспрещён. Что ж, яснее некуда, ознакомился, — сказал Светлов и расписался на приказе. — Растёте, Анжелочка? — обратился он к ней. — Стали агентом по особо важным поручениям?

Та хмыкнула.

— Нет, ну это просто потрясающая наглость! — вмешалась в разговор Лидия. Светлов послал ей глазами сигнал замолчать, но она от возмущения ничего не могла воспринимать. — А мне, значит, можно пока сюда входить, да, пока разрешается?! — кричала она обоим визитёрам.

— А тебе какое дело? Ты-то здесь вообще при чём? — спросил её Светлов как ни в чём не бывало. В ту же секунду его правую щёку обожгло кипятком, и в правом ухе задорно

зазвенели ночные цикады. Это Лидия дала ему крепкую звонкую пощёчину.

— Ты что, охренела, что ли?! — он потёр физиономию. Она бросилась к нему, остановилась, не смея прикоснуться и заглядывала ему в глаза снизу вверх, жалобно и гневно. Парочка из деканата переглянулась, потопталась ещё несколько секунд и удалилась своей дорогой.

— Прости, Родечка, я не поняла тебя, — сказала Лидия. Её огромные чёрные глазщи сверкали каким-то нехорошим истерическим огнём. Она бессознательно тёрла левой рукой свою правую ладонь, которой только что дала ему оплеуху. — Мне показалось, что ты меня предал.

— Дурища ты полная, — сказал он ей в сердцах, — сейчас ещё помимо прочего все будут уверены, что мы с тобою любовники.

— Прости, — она потупилась, — прости... чего мы в коридоре, давай зайдём...

— Мне туда, знаешь ли, нельзя с некоторых пор, я вот даже расписался за это, — с каким-то злорадством сообщил он ей. — Ладно, забыли. Вот тебе генетические образцы, работай. А я на лекцию свою пошёл.

Она стояла и жгла ему спину своим взглядом, пока он не повернул за угол коридора.

Надька изо всех сил худела к весне. Она хотела быть в идеальной форме к моменту, когда надо будет надевать платья и туфли на каблучках. Но это давалось ей нелегко. Она сразу резко и жёстко ограничивала себя в пище, безжалостно строжила свой организм, не позволяла себе лишнего куска ржаного хлеба, ужасно страдала и плакала от мучений. Так продолжалось день, два, три, редко неделю. А потом, в минуту слабости, она срывалась, объедалась купленными в соседней кулинарии пирогами и заедала полубанкой сгущёнки. Обьевши, лежала на кровати, плакала от досады на себя и своё безволие и снова отчаянно пускалась в полнейшую аскезу.

В один из тех дней, когда весна впервые робко обозначила своё присутствие в

замороженном зимой городе, Светлов направился домой к профессору Гуслину. Они давненько не общались, только здоровались на кафедре и всё. В январе Светлов оставил ему в столе распечатку своей так и не опубликованной статьи. Гуслин ограничился короткой благодарственной запиской. И вот он сам неожиданно передал через Лидию, что хотел бы поговорить. Светлов устал от того, что в последнее время многие коллеги и знакомые обходили его стороной, так что был рад приглашению.

— Ну что ж, взгляд не потухший, браво, — сказал ему Гуслин, пожимая при входе руку и всматриваясь в лицо.

— Нас не потушат, — сказал Светлов. И добавил для пущей убедительности очень бодро, — не потухнем, не протухнем, а ещё... ещё на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!.. — и сам заметил с неудовольствием, что получилось не очень-то остроумно и зажигательно.

— Проходите, садитесь, — Гуслин провёл его в комнату, заставленную по периметру полками с книгами и папками бумаг, — яблоки ешьте, — он кивнул на вазу на столике. Светлов выбрал самое большое и вонзил в него зубы до упора, как будто загнал кинжал по рукоятке в грудь врага.

— Вы мне скажите, Родион, зачем же вы тему гомосексуальности педалировать начали? Ведь вы же себе этим приговор подписали. Зачем было самому голову в петлю-то вставлять? Вы же видите, что гомосексуалисты всюду победили и командуют. Уже даже легально и вполне открыто. Вон, мэры всех трёх главных европейских столиц, Парижа, Лондона и Берлина — официальные гомо. Не говорю уже о всяких Сан-Франциско...

— Ну как я мог это обойти, Аркадий Петрович? У меня получается, что это важнейший критерий. Одно из самых распространённых последствий делеции высокого уровня. Я так понимаю, что если в социокультурную плоскость мои результаты экстраполировать, то это тоже один из ключевых признаков. Если гомосексуальная культура считается в обществе нормальной, если это легитимный и всеми приемлемый элемент, значит, обще-

ство находится в сильной степени вырождения. Легитимизировавшийся гомосексуализм — это самый яркий и неременный атрибут вырождения исторических цивилизаций перед их закатом, и Греции, и Рима. Да чего я вам-то это объясняю...

Гуслин вздохнул, помолчал, поворочался, устраиваясь в кресле поудобнее.

— Статью я вашу прочёл, — сказал он. — При иных обстоятельствах она была бы, вероятно, признана значительным вкладом в науку. Мне лично ваши результаты помогли кое-что понять глубже.

— Что именно, Аркадий Петрович? — с интересом спросил польщённый Светлов.

— Природу некоторых исторических явлений, — Гуслин со вздохом прошёл взглядом по книжным полкам и вернулся к Светлову, — вот возьмём середину третьего тысячелетия до нашей эры. Начинается экспансия арийских народов. Предки кельтов вторгаются в Европу, пра-ахейцы — в Грецию, хетты — на Ближний Восток, племена санскрита — в Индию. Арийцы уступали местным во всём: и в знании военного искусства, и в техническом оснащении. Они были типичные варвары-завоеватели. То есть они шли по полупустой земле и только лишь сносили остатки давно переживших себя культур...

Светлову вспомнились заброшенные поля вокруг города, на которых стеной стоял борщевик выше человеческого роста.

...— Как я сейчас понимаю, арии сметали глобальную цивилизацию, — продолжал Гуслин, — в которой произошло глобальное же вырождение. Арии-индоевропейцы в том процессе участия не принимали, их организованные общности возникли как раз в период окончания цивилизационного цикла. И они малыми, но здоровыми силами разнесли остатки вырожденных народов той мировой цивилизации. Различия, культурные и, как я сейчас благодаря вам понимаю, биологические, были настолько велики, что арии абсолютно не понимали и никак не воспринимали культуру своих противников. И именно поэтому стремились нанести завоёванным системам максимальный ущерб, просто смести их с лица земли.

— И потом с Римом всё было примерно так же?

— Да, примерно так же. Рим был позже, от него гораздо больше осталось, он великолепно изучен. Поэтому по нему видно всё. И всё, что уже свершилось с нашей цивилизацией, и то, что ещё свершится, имеет аналоги в римской хронологии и историографии. Россия, Америка, Европа — все мы повторяем путь Римской империи. Человечество накопило множество исторической информации о гибели цивилизаций.

— Да, я знаю, что для историка лучшее утешение во всех бедах — это найти аналогии в прошлом и сказать, что всё это уже было. Но, может быть, стоит попытаться всё же хоть что-нибудь сделать, Аркадий Петрович?

— Например? — грустно улыбнулся Гуслин. — Предложите!

— Да хотя бы всерьёз законодательно стимулировать белых, чтоб детей рожали! — выпалил Светлов. Гуслин сонно полуприкрыл набрякшие веки, помолчал и заговорил:

— Когда римское население стало заметно вырождаться, пришедшие к власти военные, будучи людьми, как вы выражаетесь, биопозитивными, тоже решили спасти ситуацию. В первом году нашей эры они привели к власти императора Октавиана Августа. Он издал законы, по которым граждане, имевшие трёх детей и более, ставились в привилегированное положение. А люди, не вступающие в брак, ограничивались в имущественных и общественных правах. Аморальное поведение замужних женщин каралось конфискациями и ссылками. Даже дочь и внучка самого императора Августа были наказаны, представляете, Родион, какой был принципиальный правитель? Даже своего любимого поэта Овидия в восьмом году нашей эры сослал из Рима в провинцию за написание порнографической поэмы. Ему наследовал император Тибериус, ещё более суровый. Сократил число зрелищ, начал широко применять пытки к преступникам. А позже появился знаменитый Калигула. Развёл чудовищные оргии на самом

высоком уровне. Это при том, что Август ещё 20 лет назад самоотверженно боролся за здоровье и нравственную чистоту общества, в том числе, в собственной семье. Военные не выдержали такого паскудства и, как вы знаете, убили Калигулу вместе с семьёй. И поставили Клавдия, кстати, моего коллегу, историка, хотя он вовсе не рвался к трону. А следующим уже был Нерон, легендарный выродившийся шизофреник, развратник и убийца. И дальше уже, в общем, полная безнадёга с небольшими и бесперспективными просветами.

Гуслин встал лицом к книжной полке и смотрел на неё, как в экран или в окно с далёкой перспективой.

— И знаете, Родион, социальные симптомы распада абсолютно те же. Если в третьем веке до нашей эры все римляне считают карфагенян презренными, трусливыми и бессовестными торгашами, то лет через 300, в середине первого века нашей эры, сами римские аристократы становятся такими же циничными и жадными торговцами. Раньше римские богачи сами за свой счёт строили корабли для войны с Карфагеном. А при поздних нападениях варваров римские олигархи того времени были уже абсолютно равнодушны к судьбе своей страны. Это была уже не их страна. Она была уже ничья. Где-то начиная с середины второго века нашей эры Рим превращается в новый Вавилон. Сюда едут в поисках доходов с Ближнего Востока и из всех колоний. Говоря нынешним языком, мигранты из третьего мира. В Риме расцветает культурное заимствование, в основном, грекофильство. Кстати, борьба за сохранение собственно римской культуры тоже велась, но ничего не получилось. Изначальная римская культура была полностью размыта и погибла ещё до нашествия варваров, ещё до гибели самой нации. И, кстати, большинство императоров провозглашали политику восстановления культурных устоев. Но все эти попытки провалились. Как я сейчас понимаю, потому что была разрушена биологическая основа культуры. Вы мне вот что скажите, Родион, — он повернулся к Светлову. — Я не

буду вас ругать за то, что вы направились своим путём и сделали всё то, от чего я вас всеми силами предостерегал тогда, в июне прошлого года. Вы свой путь честно прошли. Но скажите мне, чего вы хотите в результате? Исследованиями вам дальше заниматься не дадут, это понятно. Но многое вы уже и так осознали и многого достигли. Я сейчас не о вас лично. Скажите, вы видите хоть какой-то практический, прикладной смысл в ваших исследованиях? Хотя бы в идеале?

— Я не могу сказать точно, я ведь не администратор и не политик, — Светлов отчаянно взлохматил волосы. — Мне казалось, что у нас есть ещё шанс. Сформулировать какие-нибудь «Десять заповедей выживания» и следовать им неукоснительно на государственном уровне...

— Какой вы наивный идеалист, Родион, несмотря на все ваши злоключения! Десять заповедей... — Гуслин скривил губы, — все своды правил навряд ли десяти заповедей пишутся в моменты свершающихся культурных переломов. Когда здоровому поведенческому стереотипу ничего не угрожает, о нём нет смысла писать и трубить, он и так всем известен и понятен. До Августа в Риме не было никаких законов о спасении общества и о защите нравственности. Потому что её защищал здоровый культурный поведенческий стереотип. А когда стереотип изменился, стали издавать законы, чтобы его возратить. Но в таких случаях всегда поздно, Родион. Надо смотреть правде в глаза. Как я сейчас благодарю вас окончательно понимаю, все цивилизации погибали в результате вырождения своего вырождения, но это бывает слишком поздно. И вернуться, говоря вашими терминами, к биопозитивным принципам существования цивилизация не может, поскольку это было бы отказом от слишком глубоко укоренившихся свойств этой цивилизации. То есть отказом от собственно цивилизации, от всего, что ей представляется ценным и в чём она видит смысл своего существования. Все попытки пресловутого «возврата к корням» никогда, вы слышите, Родион, никогда не приводили к положительным результатам.

Они помолчали.

— Ну что ж, спасибо большое, Аркадий Петрович, за этот разговор, — Светлов встал и выбросил в пустую пепельницу яблочный огрызок, который он всё это время неосознанно сжимал пальцами.

— Так что вы собираетесь теперь делать, Родион? — Гуслин посмотрел ему в глаза. — Идти и дальше до упора?

— А куда мне сейчас? — улыбнулся Светлов. — Я уже слишком далеко зашёл. Как наша цивилизация. Сейчас только вперёд. На малом полном.

...А весна уже наступала несмотря ни на что. Сугробы начинали ужиматься. За окном истерично и радостно орала воробья, деля барышень. Студентки робко заигрывали, улыбались и, поймав ответную улыбку, как будто за какой-то надобностью склонялись к подружкам на парту, что-то там записывая и поворачиваясь к Светлову фигурными попками, плотно завёрнутыми в мини-юбки. Он знал все эти студенческие штучки, внутренне улыбался и, напустив на лицо равнодушия, отходил в сторону, прочь от соблазнов.

В один из таких солнечных дней он шёл, не торопясь, из университета по подтаивающему городу и вдыхал уже вполне весенний воздух. Весной всем всегда кажется, что дальше уж точно всё будет иначе. И Светлов не сопротивлялся этой вечной иллюзии. Особенно торопиться было некуда: вчера он сдал свои постылые кондитерские переводы, а новых ещё не получил. Тут рядом с ним со скрипом остановилась потрёпанная легковушка, и её передняя дверца распахнулась.

— Родя, привет! — из-за руля вылез Олег Сердоболов. — Тысячу лет тебя не видел!

Они перекинулись парой фраз о том о сём, об общих знакомых.

— Помнишь нашего молодого политика Андрея? — спросил Олег.

— Конечно, как не помнить!

— В выборах следующих участвовать со-

бирается! Держит курс в большие люди.

— Что ж, туда ему и дорога.

— А я вот на свалку свою поехал, — как будто вдохновенно произнёс Олег, как будто направлялся куда-нибудь на горные альпийские луга, — оттаивать начала, родимая. Надо смотреть, что да как, как зиму перенесла. Хочешь, Родя — присоединяйся! Ты там, поди, и не был ни разу?

— Никогда, — подтвердил Светлов. — А что, давай съездим.

— Поехали! — обрадовался Олег. — Садись вперёд, тяни рычаг справа и толкай сиденье назад, а тебе ноги твои богатырские некуда девать будет.

Олег надавил на газ, и город замелькал в окне своею весенней пёстро-базарной мозаикой.

...Светлов и не подозревал, что свалка такая огромная! Он вышел из машины и застыл, впечатлённый и подавленный её навалившейся громадой. Остроконечные пики и выровненные тракторами мусорные плато вздымались вверх на высоту пятиэтажного дома и уходили едва ли не за горизонт. Гниющий мусор выделял тепло, и вся эта махина уже избавилась от снежного покрова. В некоторых местах по склону карабкались бульдозеры, буровили мусор и формировали его в какие-то заданные рельефные формы. Бульдозеры казались ничтожными и слабенькими по сравнению с масштабами этой великой мусорной страны. Над вершинами помойных гор кружились тысячи чаек. Некоторые время от времени пикировали вниз и присаживались на избранном месте поклевать какой-то добычи. Другие наоборот взлетали и пополняли собою висящую над мусорной империей живую птичью завесу. Вся эта грандиозная картина завораживала и немного пугала Светлова.

— Ну что, вдохновляет? — спросил подошедший Олег, не скрывая гордости, как экскурсовод, приведший туриста к своей главной достопримечательности. — Я знаю, что в первый раз все здесь охреневают.

— Сила! — кивнул Светлов.

— Мне надо сейчас ещё в восточный сектор заглянуть, посмотреть, как прошлогод-

ние рекультивированные участки просели. Ты если хочешь, можешь с местными пообщаться. Я знаю, тебе всё интересно. Они тихие, если не сильно бухие.

— С какими местными? — не понял Светлов. — Рабочие, что ли?

— Да нет, настоящие местные жители. Вон туда, вот этот массив обойди слева и увидишь. Если червонец им дашь, будут разговорчивыми. Только не застревай там, встречаемся здесь через двадцать минут, ладно?

Светлов пошёл в указанном направлении, и, свернув за нужную ему мусорную гору, действительно увидел признаки человеческого жилья. В довольно узком ущелье между двумя огромными, вероятно, уже старыми мусорными кучами лепилось несколько построек. Одной из них был сколоченный из каких-то разномастных кусков фанеры и досок домик, больше похожий на большую собачью будку. Почти прислонившись к нему, стоял облупленный железный киоск из тех, в которых продавали на городских улицах пиво и сигареты. Из его затянутаго толюю окна, как пушка с носа «Авроры», торчала в небо труба, видимо, печки-буржуйки. Чуть в стороне, у самого подножия мусорного склона, примостился полусгоревший строительный вагончик. Светлов пошёл к жилью по протоптанной в мусоре тропке. Под ногами неприятно хрустели пакеты, звякали консервные банки и битое стекло. Ещё издали он заметил около вагончика фигуру, сидевшую в ржавом пляжном шезлонге лицом к солнцу.

— Здорово, мужики! — сказал Светлов, приближаясь.

— Какие тебе мужики, невежа! Женчину уже отличить не можешь?! — фигура хрипло рассмеялась, и к нему повернулось испитое лицо. Это действительно была, скорее, женщина. Улыбка обнажила щербины во рту и тоненькие полоски синеватых губ. Бровей и ресниц не было, но глаза были довольно яркими, зеленоватыми, хотя и скрывались где-то очень глубоко на дне глазниц. Из-под бесформенной шапки выбивались волосы, в которых рыжина мешалась с сединою.

— Глиста! У нас гости! — громко крикнула она в сторону будки, и оттуда почти сразу выбрался, согнувшись в дверях, невероятно тощий и довольно высокий старик, точнее, человек неопределённого возраста в рваной на плече телогрейке, вымазанной коричневой краской.

— Гости? — спросил Глиста, подходя к ним, широко улыбаясь и почёсывая редкую бородёнку. — С угощеньцем, наверное?

— Да нет... — Светлов не мог подобрать слово, чтобы как-то к ним обратиться и чуть не сказал «коллеги», как он обычно называл студентов, — нет, братцы, виноват, без гостинцев нынче. Вот, угоститесь потом сами без меня, — и он положил на перевернутую вверх дном пробитую деревянную бочку, очевидно, служившую столом, найденные в кармане две десятки.

— Ладно уж, и тебя помянем, — Глиста сгрёб деньги в карман, — а насчёт покурить как?

Светлов с сожалением развёл руками.

— Это жаль, последние бычки докуриваем. А вон уже Бобон. И с добычей!

Из-за спины Светлова вышел невысокий человечек, и Светлов невольно отшатнулся, настолько отталкивающим был его облик. Одутловатое лицо, на которое была натянута до глаз шапка-петушок, было изборождено то ли морщинами, то ли шрамами. В правой трёхпалой руке он тащил кусок электрокабеля, левой прижимал к груди какой-то пластиковый пакет с неведомым содержимым.

— Добычка-невеличка, но и тому господь радоваться велел, — во рту у него не хватало больше половины зубов, он ужасно шепелявил, так что Светлов скорее догадывался о том, что тот говорил. — Здравьете, мил человек! — сказал он, кивнув Светлову, и продолжил сетования. — Чайку чуть не поймал в сетку, вырвалась, паскудница, не удержал, здоровая больно, аж крылом меня по морде хлестанула, чертиха, прости господи.

— Простит, простит тебя господь, Бобон, только не смей больше у меня заначку сп... дить и вылакать, а то убью! — хрипло рассмеялась женщина, и шезлонг под нею заскрипел.

— Да что ты, Галя, не я это, говорил тебе, — махнул Бобон на неё трёхпалой рукой, Светлов опять разобрал слова с огромным трудом, как будто тот говорил по-немецки.

— А сколько вас тут всего, ребята? — спросил Светлов.

— На этом хуторке всего семеро, — ответил Глиста как староста, — было восемь, да вот одного схоронили вчера.

— Где? — спросил Светлов, тут же осознавая глупость своего вопроса.

— С этим здесь ноу проблем! — Глиста посмотрел куда-то за строительный вагончик, в сторону мусорного склона, и все трое рассмеялись, каждый на свой лад. Бобон смеялся высоко, с повизгиванием, и мелко крестился при этом.

— Место здесь у нас очень хорошее, не продувает между гор, — продолжил Глиста, — лучше гор могут быть только горы.

— А дальше кто-то живёт? — спросил Светлов, показав рукой за мусорный перевал.

— Ещё несколько хуторков, там ещё человек пятнадцать, — охотно пояснил Глиста. — Зимой трудно, топить замаешься. Замерзают у нас частенько, если не проснутся вовремя. А шас лето начнётся, так просто рай. Чё, тоже подселиться хочешь? — он, смеясь, вытащил откуда-то из-за пазухи замызганный окуроч, закурил и ужасно закашлялся.

— Мне, мне оставь, Глиста, курнуть, будь человеком! — хрипанула Галя.

— А едите что? — спросил Светлов и сразу пожалел, почувствовав, как от этого собственного вопроса у него просыпается рвотный рефлекс.

— Так она, милая, кормит! — прошамкал Бобон, улыбаясь своим провалом во рту и указывая себе за спину всеми своими тремя пальцами.

— Галя, что ли? — уточнил Светлов. Все трое опять захохотали, да так весело, и Галя громче всех, почти что заразительно, а Глиста сквозь смех ещё и зашёлся своим нехолошим кашлем.

— Дождёшься от неё, суки, кормёжки, — беззлобно кивнул он на Галю, прокашлявшись и передавая ей недокурный бычок.

— Свалка, свалка кормит! — объяснил Бобон. — Здесь же чего только не найдёшь. Вот, кстати, приглашаю за стол всех добрых христиан, — он поставил на бочку принесённый им пакет. В нём угадывалось что-то тёмное и пугающее Светлова.

— Присоединись? — лукаво спросил у него Глиста.

— Нет-нет, спасибо, в другой раз, меня ждуд уже, бывайте здоровы, — Светлов торопливо махнул рукой, стараясь не смотреть на какие-то бесформенные предметы, которые Бобон извлекал из пакета, повернулся и пошёл по похрустывающему мусорному грунту, сдерживая рвоту.

— Будут деньги — заходи! — крикнул ему вслед Глиста, и Бобон ещё что-то прощальное совсем уж непонятное пробурчал. «Наверное, про бога», — подумал Светлов. Потом ему в спину опять долетел взрыв их общего громогласного развесёлого смеха.

Олег действительно уже ждал его в машине.

— Что так долго, гостить понравилось? — спросил он, заводя мотор.

— Спасибо, Олег, за экскурсию, — сказал Светлов, когда они уже поехали, — забываемые впечатления. Даже сравнить не с чем.

— От так, знай наших! — обрадовался Олег. — А ты думаешь, зря я этим столько лет занимаюсь? Давай бросай свою генетику, от неё одни проблемы, переходи на мои помойки, я серьёзно!

Светлов помолчал.

— Какие же они там все весёлые, — сказал он наконец, — жизни своей радуются как ни в чём не бывало, и хохочут поминутно... И лето у них впереди, и всё будет хорошо... Потрясающе...

— Это точно, народ беззаботный, — подтвердил Олег, — пташки небесные, не сеют, не пашут.

Они въехали в город.

— Слушай, Олег, можешь не по Ленина, а по Большевикской проехать? — попросил Светлов.

— Конечно, Родя!

У знакомого перекрёстка Светлов покру-

тил ручку, опустил стекло и, высунувшись, с облегчением увидел за поворотом старый особняк. Забор стоял недостроенный, рабочих не было. Дверь дома была на этот раз закрыта и заколочена по диагонали доской. После зрелища свалки дом этот показался ему особенно прекрасным. «Дай бог, дай бог», — подумал Светлов, откидываясь на сиденье и сам себе напомнил давешнего побоязненного Бобона.

...После последней лекции Светлова поджидал около аудитории какой-то юный студент-первокурсник.

— Вас Юрий Антонович ждёт у себя в кабинете.

«Не к добру», — думал Светлов, шагая по коридору. Но думал без волнения — события последних месяцев выработали у него какое-то философское спокойствие, то ли стоицизм, то ли пофигизм.

Баранцов сидел в кресле, из его рта шли клубы табачного дыма. Сквозь этот дым Светлов разглядел в обращённом на него взгляде ужасную досаду и раздражение и, кажется, оттенок вины.

— Кто тебе разрешил наших студентов исследовать? — спросил Баранцов без предисловий, даже не ответив на приветствие. Светлов не обиделся на это — было видно, что шеф на взводе.

— А кто мне это запретил? — парировал Светлов.

Баранцов помолчал, выпустил несколько облаков и продолжил уже мягче:

— Ты что, не понимал, что это тут же всем станет известно? Ладно... Ты по здравом размышлении не надумал отказаться от своей делеции?

— Нет, Юрий Антонович, — в который раз привычно отрапортовал Светлов.

— Тогда тебя просят написать заявление об уходе.

— А что за вожжа опять ректору под хвост попала? — поинтересовался Светлов ровным тоном. — Посреди учебного года...

— На этот раз это не сам ректор. Он со мной поговорил откровенно. Кажется... — добавил шеф не очень уверенно, встал, походил и закрыл поплотнее двери кабинета. — Губернатор почему-то подключился. Проявил интерес к высшей школе... И поставил ректору жёсткий ультиматум. Нашёл рычаги... В общем, не должно в штате нашего госуниверситета числиться доцента Светлова.

— А если я не напишу заявления? — спросил Светлов. Баранцов так сосредоточенно затянулся сигаретой, что Светлов понял его без слов. Ему не надо было объяснять, что такое жёсткая университетская иерархия и во что можно превратить жизнь престарелого завкафедрой.

Баранцов взъерошил своим фирменным жестом седую шевелюру и затравленно посмотрел на Светлова.

— Там что-то непонятное, Родион, но сильно их чего-то припёрло. Всё, о чём мы с ректором сможем договориться, это что ты из штата уйдёшь, он губернатору отчитается, а ты под шумок почасовиком пока поработашь. Это максимум, что я смогу. Постараюсь ректора убедить, что курс твоей любимой социальной экологии больше читать некому. А с остальными дисциплинами даже не знаю, что и делать, и кому их теперь отдавать дочитывать. Какой же ты упрямый, Светлов, столько всем проблем создал, и себе в первую очередь... — Баранцов выдохнул, отвалился на спинку кресла и отгородился от Светлова дымовой завесой.

— Спасибо, Юрий Антонович, за всё. Сейчас прямо напишу заявление и в деканат заброшу, — Светлов взял со стола свои конспекты лекций и вышел из кабинета.

...Вечером они с Надькой рассматривали на мониторе её фотографии.

— Давай посмотрим те, в камышах! — предложил он.

— Нет, Родя, я что-то сегодня стесняюсь... Давай в другой раз... — тут она встрепенулась, что-то припомнив, — скажи, Родюшка, у тебя неприятности?..

— С чего это ты взяла? — заглянул он ей в глаза.

— Не помню... Кто-то мне сказал...

— Да нет, брешут, моё счастье, — он погладил её по волосам, — только вот с деньгами у нас теперь будет хуже. А вообще-то брешут.

Совершенно успокоенная, она полезла к нему на коленки. Он старался не портить ей настроение лишней информацией. От плохих известий ей снились потом кошмары, она резко вздрагивала и вскрикивала во сне. Если же дух её был безмятежен, она частенько посреди ночи громко хохотала во сне залившимся и ясным смехом. Тогда он вступал с нею, спящей, в диалог и спрашивал, что её так насмешило. Она сквозь смех и сон объясняла ему, что, например, ей попались очень смешные архивные единицы хранения. «Смотри, смотри!» — говорила она с закрытыми глазами, он соглашался: «Да-да, Наденька, действительно очень смешные единицы хранения», и она, счастливая, спала дальше, посмеиваясь.

Апрель уже вовсю вошёл в свои права в их северном городе, и Надька день ото дня становилась всё радостнее, как будто крепнее весеннее солнышко и её наполняло светом, как волшебный шар. Весной у неё всегда наступала эйфория, она всё время вытаскивала его гулять на улицу, просто взлетала и парила, не замечая промокших ног, не видя грязи и не чувствуя запаха оттаявших нечистот.

— Послушай, Родечка, совсем забыла тебе сказать!.. — она отвлеклась от окрашивания своих ногтей. Она была не способна делать два дела сразу, например, мыть посуду и одновременно разговаривать. — Забыла сказать, скоро распустятся яблони! Мы ведь пойдём фотографироваться в яблонях, правда? К тому же у тебя теперь есть хороший фотоаппарат!

— Но ведь мы же уже много фотографировались в яблонях в прошлом году? — спросил он, обхватывая руками её подтянутую к весне талию.

— Но ведь это были совсем другие, прошлогодние яблони! — удивилась она его непониманию.

— Действительно, умница моя. Тогда конечно, пойдём. Я и не подумал.

Работать вместе в лаборатории стало невозможно, так что теперь, с наступлением тепла, они иногда шли вместе с Лидией из университета и обсуждали свои дела. Дела были не очень весёлые. Почти все имеющиеся материалы были уже обработаны, реактивы для анализов было взять негде. Зато история с пощёчиной у них почти полностью сгладилась и забылась.

— Это ничего, Ли, — успокаивал он её, выбирая места на тротуаре посуше. — Определённый логический этап работ мы с тобой завершили. Показатели делеции неплохо так выстроились, с математической достоверностью там всё в порядке: у русских с финно-уграми и чувашами порядка 75-80 процентов, у аварцев с азербайджанцами 27-30, у цыган 20-25. У татар, правда, их полсотни не очень твёрдые, надо проверять, — он досадливо поцокал языком, — ну что ж, отложим на будущее. Ну, а с евреями и их 95 процентами там вообще, конечно, не очень понятно и разбираться надо капитально...

— Разберёмся, — согласно кивнула Лидия.

— Разберёмся-то разберёмся, но ты, Ли, не дури. Делай всё, как договаривались: завязывай поскорее с лабораторной работой и переходи под научное руководство к Гуслину. Слава богу, он готов тебя подхватить, и Баранцов не против. Тебе диссертацию надо писать срочно, а я тебя в эту историю втравил... Раз у Гуслина есть для тебя тема, это большая удача, срочно берись за дело!

— Слушаюсь, атаман, — усмехнулась она. — Родион, ты мне ответь на один вопрос, — она замедлила шаг. — Всё-таки что дальше-то? В чём итог и смысл наших с тобой исследований? Не зря же ты так пострадал... Есть теперь эти результаты... А что делать-то надо?

— Я об этом всё последнее время думаю, Ли. И Гуслин кое-что мне прояснил. И вот что я понял. Самое глупое — это уговаривать нашу цивилизацию одуматься и спастись. Я

уже понял, что для «спасителей» это плохо кончается, — он горько усмехнулся. — Вырожденное сообщество не может препятствовать своему дальнейшему вырождению. Самое лучшее, что оно может сделать — это выродиться побыстрее и освободить жилплощадь. Поэтому лучше всё оставить как есть, и в политике, и в культуре. Сделать вид, что ничего не происходит.

— Да ты что, Родя, — она почти испуганно посмотрела на него.

— Да, я в этом уверен, — подтвердил он. — А если кто-то попытается сейчас принять жёсткие меры против вырождения, то такой режим у нас сразу назовут тоталитарным, фашистским, коммунистическим, короче, преступным.

Она несколько раз перевела взгляд со Светлова на грязный асфальт под ногами и, наконец, спросила тише:

— А кто назовёт, Родя? Кто они вообще, те, кто тебе по голове бьёт за твои исследования?

— Ну кто, Ли... — Светлов пожал плечами, — сама должна понимать. Те, кто снимает пенки с современной жизни, кто получает главные дивиденды от гниющей белой цивилизации в её нынешнем виде. Мы с тобой им воду мутим, а они заинтересованы в стабильности процесса гниения. То есть, в первую очередь, в стабильности всей нынешней системы ценностей, которая держится на тотальном потреб...стве и культе удовольствия. Они — владельцы нашей цивилизации, соответственно, они потребляют больше всех, и самого человека — полуразложившегося, ничего не понимающего, — они тоже потребляют.

Ли помолчала, а потом почти вскрикнула:

— Тогда биопозитивным лучше самоубиться, чем гнить вместе с остальными заживо! — в её глазах мелькнуло отчаяние.

— Нет, не думаю, — покачал головой Светлов. — Законы истории непреодолимы на уровне массы. Массу не остановить, она будет идти своим курсом. Но от этого гибельного курса можно отойти на уровне личности. Или группы. То знание, которое мы с тобой получили, цивилизации не

нужно. Но оно нужно избранным. Тем, кто изберёт себя сам для спасения. Главная проблема тут в том, что в нынешней ситуации, когда бионегативная масса определяет правила и поведенческие стереотипы, нормальные здоровые люди могут неосознанно повторять их поведение. Нужно дать им шанс. Биопозитивные должны объединяться и спасаться сами. Не перестраивать своё сообщество, а строить новое, параллельное. Тебе, Ли, с твоими тринадцатью процентами и карты в руки. Если мы хотим спасти, например, свой русский народ, надо взять пять процентов биопозитивных русских и работать с ними. Ты знаешь по нашим с тобой выборкам, что пять — это максимум, больше нету. А остальных оставить в покое и забыть о них. Пусть себе подышают от водки, глядя на «Дом-2» и боясь ужасиков про «русский фашизм». Их ни на что не поднимать. Абсолютно точно.

Они дошли до привокзальной площади. Лидия была подавлена и смотрела теперь только в землю.

— Мне надо об этом подумать, Родион, — сказала она.

— Подумай-подумай. Мы ещё с тобой обо всём этом поговорим. А ещё, Ли, — он чуть замялся, потому что знал, что ей неприятно будет слышать это от него, но заставил себя продолжить, поскольку решил это заранее, — ещё поторопись с поиском нормального и надёжного мужика, потому что... потому что преступление твою выдающуюся генетику не использовать.

— Биопозитивного? — усмехнулась она невесело.

— Ага. И вот ещё что, — он вспомнил и достал из кармана бумажку, на которую намотал вчера русский Надькин волос, подобранный на подушке, — у нас сейчас проблемы с генетическим материалом, на вот, сделай препарат, пожалуйста, и посмотри. Может быть, это вообще последний.

— Хорошо, — она взяла у него бумажку с волосом, — какой индекс присвоить респонденту?

— Индекс...индекс... ну, пусть будет Н-12..

— Ладно. Пока, Родион! — она села в свой подъехавший автобус, и он тут же увидел сквозь замызанное стекло её обращённое к нему печальное лицо. Он махнул ей рукой и пошёл вниз по площади к скверу, ёжась от прохладного апрельского ветерка. В кармане зашевелился отогретым хомячком телефон. Номер не определился.

— Здравствуйте, Родион Арсеньевич, — сказал ему приятный молодой женский голос, — извините, что воспользовались вашим сотовым.

— Извиняю, а с кем говорю? — спросил Светлов.

— Мы являемся частной структурой, которая финансирует работы по некоторым избранным научным темам, которые представляются нам особо актуальными. И ваши исследования нас заинтересовали.

— Неужели?! — Светлов замедлил шаг. — А вот другие грантодатели... — он осёкся, поняв, что этого ему говорить не следовало.

— Нам известна непростая судьба вашего открытия, — тактично развила его оборванную мысль сладкоголосая собеседница, — позиция других грантодателей при принятии решений о поддержке того или иного исследования нас не интересует. Вы намерены продолжить ваши работы, если вам будет оказана поддержка, не так ли?

— Да, конечно. Готов начать в любой момент. Только, знаете, нужна будет лаборатория, у меня с этим с некоторых пор...

— Не волнуйтесь, — мягко перебила она, — ваши технические требования мы обсудим позже, когда это будет актуально. Вначале нашему представителю хотелось бы встретиться и познакомиться с вами лично. Мы произведём некоторую предварительную подготовку к нашему совместно проекту и через две недели, если вы не возражаете, свяжемся с вами по этому же номеру.

— Я к вашим услугам, — сказал Светлов.

— В таком случае до встречи, Родион Арсеньевич, — и в трубке раздалась гудки.

— Хм! — только и сказал Светлов и с рассеянной улыбкой посмотрел на свой потухший мобильник, как будто видел его впервые.

Марчук приехал в первые дни мая, когда последние ручьи смывали с тротуаров в реки зимние залежи окурков, а кроны деревьев уже легонько задымились зеленью.

— Здорово, братан! — сказал Марчук, и они обнялись. Он был какой-то обветренный, немного осунувшийся и необычайно мрачный. — Проходи скорее. Ну, как ты тут? Чего делаешь?

— Всё то же, — ответил Светлов, взбываясь на Сашкин старинный высокий родительский диван, — живу, борюсь, работаю.

— Работаешь — это здорово. А то меня уже тошнит от этих всеобщих разговоров про безработицу. У нас, например, на Кубани работы выше крыши. И за реальные деньги. Посмотри, как поднялись строительные рабочие, как ценится их труд! Месяц назад у нас в селе молдаван родом с моей Буковины чуваку хату оштукатурил по 150 рублей за квадратный метр, плюс шубу сверху наложил по 100 рублей за метр. А в день он делает 15-20 метров. Считай! А рекордсмены некоторые по 40 метров делают. И это в селе! И некому сделать кроме него, молдавана приезжего, представляешь?.. А в райцентре почти все коттеджи черкесам знатным сделала одна бригада хохлов со Львовской области. Они тут так заработали, что дома себе купили и остались жить, я с одним из них познакомился. А местные почему не могут? Вот у нас в селе два каменщика живут, бухарики, им по 45-50 лет, так у обоих дома саманные, а не кирпичные, у одного даже покосившийся. Вечный русский сапожник без сапог из-за собственного разь...ства. Ну как так можно жить?! А в черкесских сёлах все дома каменные, хотя ни одного черкеса-каменщика науке не известно. Просто потому, что толковые и хозяева. Хозяева своим жёнам и своей земле, хотя пока и меньшинство на ней составляют.

Светлов набрал номер своего домашнего телефона, шли длинные гудки. Он уже несколько раз звонил Надьке и на мобильный, но он был отключен.

—...Патология какая-то у русских, Родя, — Марчук закурил и выдохнул дым в сторону форточки. — Да ещё халява нефтяная вас расслабила. Вы сейчас готовы не работать и получать три тысячи рублей, позволяя при этом таджикам приезжим зарабатывать по 20-30 тысяч в месяц. Вчера по телеку видел, биржу труда показывали в Москве, там таджики просят полторы-две тысячи в день, на меньшее не идут. А тут у нас полсела на учёте в центре занятости стоит и 800 рублей в месяц получает. Один работает рабочим в садике за две с половиной тысячи в месяц полный рабочий день. Не напрягается, балду пинает, но реально там каждый день до вечера торчит. Почему они землю не пахут и скот не разводят?! Почему не едут в Москву работать, а?! Им же проще, чем таджикам, у них же гражданство есть!

Светлов задумался.

— Ну, у вас житница, Мишка, а в наших рабочих посёлках на нашем подзале сложнее...

— Ну посложнее, да, малость, но всё равно не оправдывает ничего! Все вон говорят о подорожании овощей и картошки, а земля не пахана, и техники никакой не надо для картошки. А скот так вообще знай паси и сено коси! И что примечательно, Родя, на нефтяные деньги во время бешеной цены на нефть никто ничего практически не построил и в серьёзные дела эти деньги не вложил. А только набрали западных машин-игрушек, да ещё умудрились большую их часть в кредит взять, в долг. Ты знаешь, да, что у нас мерсов на душу населения больше, чем в Германии? Потому что инфантилы, игрушки им блестящие подавай! Коммунисты всё восторгаются, что у Сталина только френч был да сапоги смазные. Так это не от самоотречения и служения народу, а просто он взрослым был человеком, ему игрушек не надо! — Марчук яростно пыхтел сигаретой.

— А знаешь ещё, что меня, Родя, подкупает у взрослых вроде бы русских мужиков? То, как они соберутся потолковать о жизни, как прикинут, что в стране полная безнадёга и шансов-то ни на что нет, так какой-нибудь самый авторитетный мужичок и ска-

жет: х...вые, конечно, у нас дела, робяты. Но вот знаю из надёжных источников, есть в Москве одно секретное подразделение спецназа, «Альфа» там, б., какая-нибудь или «Вымпел», так у них подготовка, мужики, такого экстра-высокого класса, всякие американские «морские котики» рядом с ними говно полное, дилетанты. Эти альфы — такие, б., опасные парни, они из 48 видов оружия вниз головой в позе лотоса стреляют и дикого американского мустанга прямо на скаку вые...ть могут. Так вот этой Альфе-Вымпелу надоест развал и беспредел в России, и они тогда сделают переворот, ядерную кнопку захватят, Кремль возьмут под контроль и в НАТОвском руководстве тоже всех быстро переп...дят. И всё тогда будет снова классно! Короче, прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте, нахалюва покажет кино... И все другие мужики соглашались: это точно, так и будет, Петрович. Это п...ц какой-то!

Светлов от души смеялся, а Марчук с подозрением посмотрел на него:

— А ты, Родя, наверное, такой же? Тогда ты главное верь, братан. А лучше выпей. А если не пьёшь, то не беда, георгиевскую ленточку себе повяжи. Или на худой конец свечку в храме поставь. И всё будет хорошо! Пойдём на кухню, что ли.

Светлов позвонил домой в четвёртый за последние два часа раз, там было глухо. Он уже сильно беспокоился. Набрал ещё раз Надькин мобильник и неожиданно услышал её голос:

— Ах, здравствуй, Родечка!

— Где ты?

— Дома!

— А почему была отключена?

— Ой, была ещё утром на совещании у начальника, выключила и забыла включить!

— А почему домашний телефон не берёшь?!

Она молчала.

— Надя, ну ты опять, ну что за идиотизм-то снова начинается?! — набросился он на неё. На том конце трубки раздались всхлипы.

— Не буду! Не хочу!!! Не хочу-у-у брать твой дома-а-ашний телефо-о-он! — Надька

заревела в голос. Светлов хорошо представил, как в этот момент в разные стороны полетели аж брызги слёз, она умела так реветь.

— Не вой, — сказал он.

— Ла-а-адно. А когда ты придё-ё-ёшь? — сквозь рёв выдохнула она.

— Скоро. Спи, — Светлов вздохнул и отключился. Он уже несколько лет не мог заставить её отвечать на звонки на домашний. Она очень боялась, что позвонит кто-нибудь из его бывших подружек, и ни при каких условиях не хотела с ними разговаривать. Порой это доставляло большие неудобства. Убеждать её, что такие звонки крайне маловероятны, заставлять, уговаривать было бесполезно, этот иррациональный страх сидел в ней слишком глубоко.

Марчук этот разговор тактично проигнорировал.

— Иногда хочется продать свои хаты именно курдам назло своим инфантилам, — сказал он, ставя чайник. — Но жалко Кубань. Почему-то герои фильма «Кубанские казаки» всё не выходят из головы, всплывают перед глазами. Не могу представить завывания муэдзина на минарете над здешними пшеничными полями.

Мне, Родя, все русские начинания, когда мне про них по телевизору рассказывают, видятся бесперспективными. Потому что я всё время помню, что численность русская день за днём сокращается и старение идёт. Так что это какие-то предсмертные конвульсии. Как будто безнадежно больной строит планы на жизнь. У меня иронию вызывают любые ваши попытки что-то улучшить в экономике и везде. Мне каждого энтузиаста хочется спросить: а для кого ты стараешься? Вас же через 30-40 лет будет в два раза меньше, а средний возраст будет в полтора раза старше! Зачем Сибирь развивать? Зачем там глубокую переработку древесины налаживать, как президент придумал, если уже сейчас там валку леса китайцы ведут? Ну, понастроим лесопилок, и приедет ещё 150 тысяч китайцев на них работать. Налог будут платить? А на что они? Чтобы последние русские мужики сели на пособие по безработице?

Ты понимаешь, тут демографы одни подсчитали, что если даже завтра вдруг русским бабам начать рожать в два раза больше, что, конечно, фантастика, это всё равно уже не спасёт. Потому что доля родоспособных женщин на сегодня уже катастрофически мала. Это результат 40-летнего падения рождаемости, оно ж с позднесоветских времён началось.

И ты знаешь, Родя, — Марчук с треском распечатал пачку печенья, — вся ваша борьба за экологию просто смешна. Палубу «Титаника» драите.

— Да что ты всё к экологии цепляешься, — Светлов подтянул к себе выданную ему Марчуком чашку чая, — что ты против неё имеешь?

— Я против неё ничего не имею. Но ты пойми, как это выглядит. Представь 1941 год. Немцы под Москвой. Ты командир, или, там, политрук. Ты должен следить, чтобы всё было в порядке с оружием и наказывать, если что. Должен долбить бойцов за страх перед противником, за дезертирство, боевой дух укреплять и ненависть к врагу воспитывать. А ты их долбишь за то, что они руки перед едой не моют, костры не тушат, ж... плохо вытирают. Это, наверное, тоже правильно и тоже нужно. Но примерно в 878 раз менее важно, чем на бой их вдохновлять, понимаешь?

Светлов в рассеянности уронил печенье в чай.

— Слушай, Сашка, ты некоторые вещи чувствуешь гораздо точнее и острее, чем я, честно это признаю, — сказал он. — А можешь мне объяснить, в чём ты видишь смысл жизни?

— Б... — Марчук так откинулся на стуле, что чуть вместе с ним не завалился на спину, — опять, Светлов, эта мудятина у тебя в башке... Опять четвертушка твоя жидовская мозги тебе мутит!

— Восьмушка всего, Марчук, — засмеялся Светлов.

— Какого хрена она тогда в тебе так чувствуется?! — возмутился Сашка. — Почему ты её одолеть не можешь?! Я ведь тебе говорил, что ты обязан каждый день выдавливать из себя по капле жида!

Светлов хохотал, стол шатался и чай выплескивался на клеёнку.

— Вот смотрю я на тебя и задаю себе вопрос, — продолжал Марчук. — ты уж прости, Родя. Ну какой из русских культурных типов способен выжить и размножиться? Молодёжное движение «Наши»? Они, что ли, нарожают детей и скупают землю? Московский офисный планктон с его 0,8 ребёнка на одну бабу? Быдлота сельская спитая и дохнувшая от водки? Скинхеды какие-нибудь, большая часть которых никогда нормальной семьи не создаст? «Развивающиеся» и «самореализующиеся» девушки-шлюшки? Ну кто, а?! Ряженные казаки, может быть, с лампасами?

Я раньше бредил заселением юга белыми, ты это знаешь. Вёл переговоры с одной русской многодетной бабой, всерьёз хотел её перевезти в город Прохладный в Кабарде, преимущественно русский пока город. А теперь думаю, что бесполезно это. Сколько бы русских ни было, больше или меньше, они уже не делают никакой погоды. И даже физически не могут себя защитить, от чеченов, например. А я тут на Кубани всерьёз боюсь, что в один прекрасный день чечены придут и в рабство угонят. Удивительный процесс наблюдаем, Родя: смерть нации. В роковые минуты этот мир наблюдаем. Не хуже, чем Вторая мировая. Тебе как учёному особо интересно должно быть...

Светлов захотел было рассказать ему про свои приключения последнего года, но раздумал. Слишком долгий вышел бы рассказ, да и особо ни к чему.

— Хорошо хоть пока просто наблюдаем. Лет через 20-30 они нас будут из квартир вытряхивать, как в Грозном в начале 90-х. Мне рассказывали, как там было. И формальностей никаких и документов не надо. Просто все соседи уже знают, какому Ахмету стала принадлежать квартира. Менты нас защищать не будут, потому что им, если что, будут угрожать расправой над семьёй. Сейчас нет пока надобности, но менты уже сплошь и рядом чёрных боятся, видно по лицам, по поведению. А у русских нечего противопоставить. Кроме Достоевского.

— Достоевский-то тут при чём? — усмехнулся Светлов.

— При том, что инфантильных мифов вам напридумывал. Особенно его эта пресловутая «слезинка ребёнка». Я тоже в 16 лет, когда по телеку смотрел на плачущих несчастных детей в детдоме, хотел бросить всё и уйти туда работать, чтобы им помогать и заступаться. И когда живьём смотришь на горько плачущего ребёнка, то кажется, что у него такое горе, такое, что горше на земле не бывает. Стёпа мой так плачет, когда видит, что мама на пять минут из комнаты выходит, или когда проснётся, а мамы рядом нет. Конечно, хочется пожалеть и утешить. Ну и что?! Что тут философского и сакрального?! На то он и ребёнок, что плачет по пустякам, не может адекватно оценить обстановку. Он сейчас плачет, а через минуту смеётся. Поэтому цена детских слёз — копейка. Трепетать над ними и мерой какой-то значимой считать — это инфантилизм, Родя! Даже если это только метафора. Вот русские инфантилы и подхватили вслед за Достоевским и носятся с этой слезинкой. Им реки крови в 90-е пустили, а они всё про слезинку талдычат. А его же, достоевская, якобы безразмерная русская любовь и всечеловечность?! — не унимался Марчук. — Скажи, тебе мало звиздюлей досталось в юности в твоём быдляческом районе за морду твою интеллигентную? А жестокость тех же ментов? А немотивированная пьяная агрессия гопоты? Причём против беззащитных ботаников. А неотзывчивость на боль своих? Наплевать на судьбу пленных, изнасилованных, неотмщённых, на офицеров чеченской войны, которые сидят сейчас за то, что за нас против чеченов бились? Чё вы своих-то не жалеете, всечеловечники-самоеды?!

Или, может быть, русская любовь и широта души — это на газетке флакон раздвинуть и брататься по принципу: «Братан, ты меня уважаешь, я тебя уважаю, больше нас никто не уважает, но всё равно мы с тобой уважаемые люди»? Сидят, бахвалятся, рассказывают небылицы про своё геройство в армии и про свои сексуальные победы в

восьмом классе. В преданности друг другу клянутся, политику обсуждают, решения выносят дешёвые. И любимый финал опять тот же: «Всё будет хорошо!» Потому что «Альфа» есть, и вчера по «Первому каналу» её учения показывали, а ещё есть казаки, и они долго терпеть-то не будут. Ничего, что нас опять вчера черкесы отп...дили, когда мы им под горячую руку после дискотеки попались, и сестру поймали и в рот ей в подворотне ввосьмером дали. Зато вон как наши brave десантники в свой праздник нажрались, дрались друг с другом и в фонтанах купались! А ещё зато где-то в другом городе есть такие русские, которые разозлились и всех чёрных повыгоняли, мы своими ушами на автовокзале от одного мужика слышали. А потому мы не чмо и кое-что можем. И вообще Путин им всем ещё покажет. А мы вот ещё выпьем по рюмочке, выйдем на улицу, дое...мся до какого-нибудь очкарика и отметим его не хуже, чем нас давеча черкесы. А что? Чего он нам закурить не дал? Может, он думает, что сильно умный? Короче, дешёвки, Родя. Я понял, что русский — это несерьёзно.

И государство у нас такое же. Потому что государство — это мы, наш продукт, и у него наш же менталитет. Мы вместе с нашим государством ссым и ни одно дело до конца не довели. Вон ары в Азербайджан после войны заехать не могут. И азера в Армению. Потому что их первые же пастухи и крестьяне тут же мотыгами и голыми руками замочат, без всякой армии и без «армянского фашизма». И осетины также не могут в Ингушетию приехать. А чечены в России бизнес крышуют! Б..., это как немцы бы после Великой отечественной ДнепроГЭС крышевали! А Геббельс бы детей своих в Москве в институте учил. Вы чужака убить не можете, в этом беда!

— Да, Сашка, — подумав, согласился Светлов, — это как-то не по-русски. По крайней мере, не для современных русских.

— Вот именно! — подхватил Марчук. — В том и дело, что выживать в XXI веке — это уже не по-русски! У больших наций нет будущего, вот и нет у них мужества убить

агрессивного чужого. Страшно им кровь чужую пускать. Ну, тогда моря своей прольёте. Третьего не дано.

А история офицеров Аракчеева и Ульямана? Я её спокойно вспоминать не могу, Родя! Присяжные дважды их оправдывали. А их третий раз судить стали, в обход закона уже без присяжных, и в тюрьму посадили! В России русские судят русских за то, что те русских защищали!!! В интересах антирусского меньшинства. И никто на это никак не реагирует. Я уже устал за вас страдать душевно. Я не знаю, что с вами стало. У нас в селе старики говорят, что раньше среди русских были братство и взаимовыручка, а теперь все как суки. А как тебе нравится, что где бы нам пи...лей не дали, народ всегда в первую очередь своих русских ментов винит? Ту историю в середине нулевых в карельской Кондопоге помнишь?

— Это с двумя русскими трупами? — уточнил Светлов.

— Да-да! И тоже все больше всего тогда не чеченов ругали, а своих ментов! Это всё равно, что после изнасилования дочери винить не насильника, а дочь. За то, что миниюбку носит и вообще без паранджи на улице выходит.

— Да, к ментам у нас ненависть всенародная, — согласился Светлов.

— И ты согласен, что снова инфантильная?

— Абсолютно, — согласился Светлов.

— Их, бывало, спросишь: «Ну, а что ты предлагаешь? Ну да, плохо у нас с милицией, но как это — всех ментов разогнать? Может быть, как-то надо реформировать милицескую систему? Ну как возможно государство без милиции?». А не хочет русский об этом думать! Слишком инфантилен и безответственен. Менты — козлы, и всё.

Сил нету уже, Родюшка. Уже все публичные люди, звёзды, актёры-режиссёры, все присягнули на лояльность, все осудили русский национализм: Говорухин, Машков, Безруков... Все то есть предали. Запомни, Родя, первый закон Марчука: «Русский русского всегда предаст»!

— Ладно, Сашка, запомню. Мне вот что ещё интересно. У вас ведь там на югах мно-

го сектантов всяких и староверов. Как они нынче? У них-то перспективы поди получше?

— Да, староверы до сих пор хранят что-то. В первую очередь, детей рожают. Рождаемость — это вообще самый серьёзный показатель, почти единственный. Но и у них молодёжь в мир выходит и, в основном, растворяется. В одном из их главных центров, Белой Кринице, население с 50-х годов в три раза сократилось, остались преимущественно старики да пограничники. Я так думаю, что варвары чёрные скорее всего этих всех тоже в своё время прикончат. Также очень я сомневаюсь, что какие-нибудь многолетние экологи или сектанты смогут выжить в анклавах, окружённых чёрными. Чёрные уважают только силу, стремление к власти и наступательность. Но не добрых блаженных верующих из каких-нибудь экопоселений. Особенно всяких иеговистов и прочих пацифистов они раздавят как мразь. Для них всё просто: если ты не способен взять в руки оружия, то не достоин и жить.

А чё ты про сектантов беспокоишься? — недоумённо спросил Марчук, когда они перешли назад в комнату. — Ты за себя и за всех остальных беспокойся. У вас нет чувства жизненного пространства, чувства собственности на самку и ответственности за потомство. Вы, — быть может, не только русские, но все белые, — потеряли основные инстинкты. Следовательно, вам нет места на земле. Вот ты с европейцами общаешься. Можешь себе представить, чтобы англичане где-то сознательно скупали землю и дома? Например, чтобы скидывались и давали своим денег займы беспроцентно на покупку дома, лишь бы не досталось чужому, неангличанину? А хотя бы итальянцев в этой роли? А можно себе вообразить, чтобы после захвата арабами немецких заложников в Германии бы, как положено, разгромили бы арабские магазины и от...дили арабов?

Светлов с улыбкой покачал головой.

— Вот и я думаю, что невозможно. Зато многие русские и другие белые берут на ура всякие глупости, теории, «измы». Можешь представить себе дагера, или хотя бы

ару или грузина, всерьёз отдавшего себя «изму»?

— Сталин с Берией, — сказал Светлов.

— Не смехи! Сталин с Берией не «изму» служили, они воры в законе, авторитеты преступные и делали свою банду, то бишь империю. И от марксизма уходили в любую сторону при первой необходимости. Только русские догматический коммунизм на полном серьёзе воспринимали. Даже бандеры западноукраинские прятались от него как могли, а если не могли, то приспособлялись без всякого маяковского энтузиазма. И уж тем более кавказцы и азиаты. Слушай, а ты Милку с нашего курса видишь? — неожиданно сменил тему Марчук.

— Вижу иногда.

— Что у неё? Родила хоть кого-нибудь?

— Нет, всё также, без изменений.

— Тыфу ты, б..! — Марчук в сердцах и вправду плюнул в угол родительской комнаты. — У неё ведь 3-комнатная в центре, на Комсомольском проспекте! Ну не проблема ведь с такими жилищными условиями мужичка себе найти! Хоть конкурс объявляй. Ну ладно мужика, но она ведь даже для себя родить не хочет! Сдавала бы одну комнату потом и жила с дитём. А для чего, ради чего она живёт? Только ради своего детского эгоистического удовольствия. Даже инстинкта у неё нет. Если бы был, родила бы хоть от козла, как бабы после войны рожали от первого встречного: мужиков мало было, а инстинкт был. Хотя пособий на ребёнка никаких тогда не было. Так ведь и у тебя тоже самое! У тебя сороковник не за горами, а ты всё ещё о смысле жизни думаешь. В нашем-то возрасте! Детей не заводишь, потому что тебе их, видимо, не очень надо, а думаешь о смысле жизни! Ну это же дурдом, Родя! Ну, в 15 лет ещё так можно, и то лишь белому человеку. Чёрные-то об этом ни в каком возрасте не задумываются. И не потому, что дураки, а потому что психически здоровы!

— Здоровы... хм... Хорошо, Сашка, — кивнул Светлов, — со мной всё ясно. Давай, наконец, о тебе. Мне так кажется, что у тебя перемены какие-то в жизни. Такое у меня ощущение.

— Есть маленько, — подтвердил Марчук. Он замолчал, опять закурил сигарету и пошёл открывать форточку. За окном начинало темнеть.

— Ну так?.. — поторопил его Светлов.

— А я, Родя, твоим языком говоря, свой смысл жизни нашёл.

— Вот-те на! — засмеялся Светлов. — Так значит, ты всё-таки с нами, психически ненормальными искателями смысла?

— Да нет, я не с вами, — Марчук затаился и ещё помолчал, потом посмотрел Светлову в глаза и с некоторым усилием произнёс, — смысл моей жизни это с вашего «Титаника» перескочить. Мне на нём херово. Вы мне противны. Вы не живёте, а какой-то х...й страдаете. С нынешними бабами русскими невозможно дела иметь, они не знают, чего хотят. В лучшем случае готовы повторить сюжет какой-нибудь мелодрамы из телека. Даже когда они правильные слова про семью говорят, они бог знает что под этими словами подразумевают. Белые самки к семье непригодны! Ты это и сам можешь видеть по всем своим бабам.

— Ну и как, удалось выпрыгнуть с нашего «Титаника»? — с любопытством спросил Светлов.

— Выпрыгнуть вроде да. Психологически я от вас уже почти отделился. Мне бы ещё на другой какой транспорт успеть залезть. А пока некуда. Те, кто на лодках, смеются и бьют меня по рукам. Я пока что один плыву. А на «Титанике» вашем идёт праздник во время чумы, и вы просто не видите ничего. Но я к вам больше уже не вернусь. Мне было вас жалко. Но я не в силах больше вдыхать ваш трупный запах. Всё идёт правильно, вам действительно не место на земле. Мне надо ещё поработать над собой и не дёргаться, не пытаться помогать тем, кто сам себе помочь не хочет. Я вот недавно в Армении был...

— Знакомился с кандидаткой? С хозяйкой лодочки? — догадался Светлов.

— Знакомился, — подтвердил Марчук, — так вот, живёт моя Арминэ на нагорье, 1700 метров над уровнем моря. Почти никакие фрукты там не растут. Но у всех 2-этажные дома примерно 10 на 15 метров размером.

Думаешь, что они там делают? Картошку растят и продают! Ну и мужики в Россию, конечно, ездят на заработки. Причём там холодно и сухо. Поэтому они картошку поливают. И не 6 соток, а поле! В России расскажи, так не поверят. Надо нарезать борозды, и когда придёт твоя очередь, то брать воду из канала и ночью её пускать. А борозды должны быть идеально горизонтальными, чтобы вода равномерно впитывалась. Там херовей, чем на Северном Урале, понимаешь? И леса нет на 60-80 км вокруг, дрова привозные. И платят им за эту картошку не бог весть что. И когда я после этого смотрю на то, как русские на кубанских чернозёмах хозяйствуют, мне их всех самому поубивать хочется.

Видимо, отсутствие у русских национализма — это, Родя, нормальное природное явление. Потому что национализм — это орудие борьбы за своё будущее, а у русских будущего быть не может. Я уже почти чуркой себя чувствую. Я сейчас у себя тут сходиться с чёрными пытаюсь, знакомлюсь, разговариваю. Мордой, конечно, не вышел. Но так даже интереснее: они видят, что у этого рыжи менталитет, как у них, удивляются и уважают. Надо готовить план эвакуации, Родя. Чуркой хочу быть, понимаешь? Чурбаном! Конечно, в чайхану они меня не позвут с собою, то есть полностью за своего не посчитают. Могут так, разок пригласить поговорить как эксперта эрудированного или просто как любопытный экземпляр, но не больше, потому что всё равно чужой останусь. Ну и фиг. Всё равно очень хочу поскорее с чурбанкой сойтись и чёрного ребёнка сделать. Потому что через поколение быть белым будет примерно так же, как чёрным в Европе XVII века: позорно и опасно. Мы и сейчас в их глазах как чмо выглядим. Сам посудите: дочерей они за русских замуж не отдают, другом русского между собой никогда не назовут, это западло русского друга иметь. Конечно, самому русскому они всегда скажут: «Кунак, братан!», по плечу похлопают, но при появлении другого чёрного всё внимание к нему, а от русского «братана» отворачиваются, как от грязи, я часто обращал внимание.

— И как же ты чёрную жену ищешь?

— Через Интернет, как ещё. В основном, на армянки нацеливаюсь. Ну, понятно, лет до 30 армянки всерьёз со мной не говорят, брезгают русским женихом. Но начиная с тридцатника отношение меняется. Тем более, что, например, в Карабахе у них серьёзная проблема: во время войны много мужиков было перебито, их просто там не хватает.

— Ну и что, темы для обсуждения другие, не как с русскими бабами?

— Абсолютно всё не так, Родя! Первая тема для обсуждения, разумеется — её невинность. Почти все не бывавшие замужем — девственницы. За редчайшим исключением. Некоторые мне о своей невинности даже без моего вопроса сразу сообщали, так что я потом других сам стал напрямую спрашивать. И ни одну этот вопрос не возмутил. Это у них важная и первая характеристика. Мы же, русские мужики, в первую очередь спрашиваем, какую баба музыку любит, идиоты. Но главное не в этом. Главное, что они взрослые, Родя. Они знают свою цель: семья, дети, муж, стабильность, жизненное благополучие — и готовы идти ради неё на разумные соразмерные жертвы. Арминэ, например, готова отказаться от учительствования, а это у них престижно, и заниматься со мной сельским хозяйством. Они все по-женски мудры, хотя и не знают, в отличие от наших дур, про постмодернизм. Никакого тупого обрыдшего мне: «Как любишь отдыхать?..», «Чем увлекаешься?..», «Каким видом спорта занимаешься?..». Никакого детского эгоизма-романтизма, никакого наивного сребролюбия: никто из них не ищет «щедрого», никто не пишет в анкете, что «не любит жадных». Это всё для меня настоящим открытием стало. Я понял, что Кавказ — это дерзкое армянское воровство, горский бандитизм, мелкий азербайджанский обман и абсолютно честные и мудрые бабы! А, к примеру, Европа — это честные голубые «мужики» и опасно е...тые мужеподобные «женщины».

— А что же ты думаешь делать со Светой своей и Стёпкой? — спросил Светлов.

— Их, конечно, не брошу, Стёпу подниму. Но мне очень жаль его, потому что он

совсем белобрысый, и ему будет трудно жить в будущем мире, даже если я его по-чёрному воспитаю. Потому что белобрысость будет знаком изгоя, я уверен. Будут пинать, из очереди выталкивать, деньги вымогать, зная, что заступиться некому. Лучше с армянкой чёрненьких родить, честное слово. Я вот только опасаюсь, вдруг чёрные меня не возьмут к себе окончательно. И потом казнят меня первым из белых. Среди белых-то я тоже уже буду не свой, и они меня сдадут в качестве дани. И чёрные, видя, что этот рыжий слишком хорошо всё понимает, поскорей меня убьют. Им ведь выгодно, чтобы русские жили в непонимании и были всем довольны, тихо вымидали, делали аборт, за копейки продавали дома и земельные паи, не лезли бы во власть, в милицию...

Но хоть от курдов не будет угрозы. Мне тут сосед ара сказал, что если у тебя жена будет армянка, то никакие курды против тебя не рыпнутся, так как в случае конфликта будут иметь дело с армянами. А я ему так с достоинством говорю, что не жена должна меня защищать, а я её. Я как абрек, да? — Марчук захохотал.

— Пойду я, наверное, — сказал Светлов.

— Подожди, Родя. Ты чего мне не говоришь ничего? — недовольно спросил Марчук.

— А что ты от меня услышать хочешь?

— Я тебе предложил обсудить тему спасения с «Титаника». В какую лодку ещё не поздно садиться, в какую нас возьмут, а куда нет.

— Спасайся один. Народ, Сашка, не вытирают. Как мать. Мать может быть спившаяся и опустившаяся, но она всё равно остаётся матерью. И отказываться от неё — предательство.

Марчук глянул на него поверх очков иронически.

— Во-первых, от такой матери, как русский народ, сам повесишься. Потому что помимо того, что она спилась, она ещё и кукушка, то есть птенцов своих бросает. Вот это как раз и есть предательство, которое я каждый день вижу. Во-вторых, ты там сам

разбирайся среди своих немецких и жиловских кровей, а для меня русские — не моя мать, я всё же по матери хохол предгорный, типа буковинца или закарпатца. Я и от музыки тащусь молдавской, и сознание у меня местечковое. А вот «широта души» и водка-селёдка совсем не по мне. Я вообще уже не знаю, за что у русских душой зацепиться. Язык только жалко. Украинский меня достаёт своей корявостью и громоздкостью, а по-чурецки никогда уже, наверное, свободно говорить не буду. Но хочу, чтобы мои потомки стали настоящими черножопыми, потому что уже блевать тянет от бездумно радостных белых морд. Чего они постоянно балдеют, а? Это потому, что неспособны обиды держать, своих поруганных и неотмщённых помнить, — никакого негатива, ничего у них нет в душе. Слабые жалкие твари. Слушай-ка, Родя, а ты что-то мне писал, что с кавказскими диаспорами здесь в городе дело имеешь, какие-то опросы у них проводишь? Помоги-ка мне ещё какую-нибудь чурбанку подыскать, а?..

— Сам ищи, — устало ответил Светлов.

Марчук залез с ногами на диван рядом со Светловым и оперся локтями на колени, глядя перед собой.

— Ну вас, русских, на х... с вашими татарами и марийцами, — в задумчивости произнёс он. — Бог забирает у вас землю и правильно делает. Мне только выбрать осталось между Арминэ и одной узбечкой из Термеза. Хоть бы не сглазить. Я о совместной жизни то с той, то с этой мечтаю, в последнее время больше с узбечкой. И о детях будущих. И так хочется их по-мусульмански назвать! Сам удивляюсь. Как жалко, что я белый! Ислам, что ли, принять... Здоровый образ жизни и мышления, многожёнство! Пить нельзя? И ладно, я и так не пью, мне этого не надо. Да, впрочем, ничего страшного, можно и выпить. Вон курды выпивают, не молятся, в мечеть почти не ходят, жрут свиное сало, курят все и матерятся, многие и в Коран ни разу в жизни не заглядывали, не в нём вовсе дело.

— Значит, оставляешь поле битвы? — спросил Светлов, уже стоя в дверях.

— А за что ты мне биться предложишь?! — заорал Марчук. — За право ваших девочек е...сь с 13 лет с кем попало?! За пьяных идиотов-десантников в фонтанах 2 августа?! За унисекс?! За женственных мужчин и ох...ших сумасшедших мужественных баб-карьеристок?! Покажи, за что мне биться, Родя?!!!

...Светлов вымотался от этого разговора, у него болела голова и ныла душа. Он решил пройти мимо своего старинного особняка и ещё раз на него глянуть. В воздухе был уже слегка слышен цветочный аромат, значит, где-то что-то уже распустилось.

Он зашёл за знакомый поворот и застыл. На месте знакомого до деталей силуэта зияла пустота. Светлов медленно, как по минному полю, пересёк пустой перекрёсток и вошёл в проём забора. Перед ним лежала груда кирпичей. В одном месте из-под них высовывался обрывок какой-то белой ткани. Сбоку от кучи несколько мужских фигур в бледном свете фонаря разбирали развалины и укладывали кирпичи на железный поддон. В углу огороженной площадки ещё несколько фигур сидели у разгорающегося костра, а один из мужчин, широко замахинаясь, рубил топором филёнчатую дверь. Между звуками ударов топора раздавалась негромкая тарабарская речь. Светлов постоял с минуту и вышел из-за ограждения на улицу.

...Он тихо открыл входную дверь, зашёл в квартиру и, не зажигая света, опустился на полку с обувью. Несколько минут он сидел и смотрел в темноту. Но Надья всё-таки услышала, как он вошёл, и вскоре зажгла в спальне свет и прошлёпала босыми ногами в коридор.

— Ты чего не заходишь? Разлюбил, что ли, меня? — бросилась она к нему с испуганными и заплаканными глазами.

— Нет, нет, что ты, мой любимый, мой драгоценный зверь, не разлюбил, — он стал целовать её в мокрые щеки, губы, ресницы, брови.

— А чего тогда в темноте сидишь? Страшно ведь...

Она ужасно боялась темноты.

...Весна свершилась, наконец, во всю мочь. Яблони набрали цвет, солнце просияло, прохожие стянули плащи и куртки. «Уже один день в неделю, и тот умудряешься опоздать», — ругал себя Светлов, меряя тротуар аршинными шагами. Он забежал в проходную, быстро приложил пропуск к магнитной пластине... Но привычная зелёная стрелка не загорелась, и турникет не поддавался.

— Ребята, в чём дело? — обратился он к сотруднику охраны, белесому коротко стриженному пареньку. — Я на пару опаздываю!

Парень посмотрел Светлову куда-то под ноги и сказал:

— Не знаю, чем вам помочь. У нас приказ...

— Какой приказ? — не понял Светлов.

— Приказ не допускать вас на территорию университета. Ваш пропуск аннулирован.

Светлов недоумённо смотрел на него, пытаясь постичь происходящее.

— Так у меня же лекция... Меня же там студенты ждут...

Охранник пожал плечами. Мимо тёк поток людей с пропусками наперевес, Светлов, стоящий на дороге, явно всем мешал.

— Мы люди служивые, — сказал из-за плеча первого второй охранник, крепыш средних лет с животиком. Ему тоже было неловко. Они со Светловым знали друг друга в лицо уже несколько лет и здоровались.

— Ладно, понял, — Светлов вышел из проходной назад на улицу. Он прошёлся взад и вперёд, посмотрел на дерущихся у лужи воробьёв и пошёл вдоль бетонного университетского забора, тянущегося в сторону большого, ныне полузаброшенного завода. Повернув вслед за забором за угол, он нашёл отогнутый прут и почти без труда протиснулся в проём, оказавшись в довольно густых кустах. Выбравшись из них, Светлов стряхнул с себя насыпавшийся сор и не спеша направился к своему корпусу.

На пороге ему попала пара студенток из его группы.

— А мы уже все разошлись, Родион Арсеньевич, уж ждали вас, ждали, — пожаловались они.

— Извините, барышни, — улыбнулся он им, — непредвиденные обстоятельства. Правильно сделали, что разошлись, не век же вам меня ожидать...

Он прошёл на кафедру. В этот утренний час никого не было: преподаватели читали свои лекции, лаборанты как всегда опаздывали. Светлов отыскал так удачно завалявшийся в кармане куртки ключ, подошёл к дверям лаборатории, открыл замок и попал в запретное для него помещение. На столе слева на специальной пластмассовой этажерке он нашёл несколько подготовленных для анализа препаратов из волос. «Молодец какая Ли, всё у неё в образцовом порядке», — подумал Светлов, извлекая с этажерки стекляшку с закреплённым в ней тёмно-русый волосом, на которой была наклеена этикетка с индексом Н-12.

Он выбрался за пределы университетского городка так же, как только что попал сюда и пошёл в сторону привокзальной площади. Голуби играли на асфальте свои свадьбы и, увлекшись, едва успевали уступить ему дорогу. Заметив у края проезжей части люк ливнёвки, он подошёл и бросил сквозь решётку в бездонную подземную тьму добытый в лаборатории препарат.

Возле тоннеля, ведущего на вокзал, на ящике сидел, распахнувшись чуть не до майки и греясь на солнце, музыкант Серёга. Он жмурился, подставив солнечному диску физиономию, и скрёб трёхдневную щетину с проблесками седины. Гитара стояла прислонённой к бетонной стенке у него за спиной, кепка сиротливо лежала на асфальте. Серёга по случаю первого тепла явно манкировал своими обязанностями. Он даже не обращался к нечастым прохожим с объяснениями о необходимости «посильной поддержки бескорыстных служителей музыки», как делал всегда в такие паузы. Всего лишь раза четыре за несколько предыдущих лет Светлов останавливался возле Серёги на минутку-другую, прислушивался к его пенью или перекидывался парой фраз и бежал дальше.

Впрочем, «посильную поддержку» он кидал на бегу в его кепку гораздо чаще, так что Серёга его помнил.

— Ну вот, первый раз в жизни пришёл к тебе, чтобы вдумчиво и спокойно музыку, наконец, послушать, а ты и не играешь, — сказал Светлов и тоже присел на ящик из под овощей.

— Какие разговоры! — искренне обрадовался Серёга и потянулся к гитаре. — Если барин нынче гулять изволит, так пусть только цыгану свистнет! Что ж тебе исполнить, добрый человек, о чём будет наша песня?

— Ну, о чём песня бывает, — пожал плечами Светлов, — о любви, о разлуке...

— Коли барин печали хочет, то как ему изволится... — Серёга взял пару переборов и запел, протяжно и прочувствованно:

...Пил я воду, пил холодную, пил — не напивался,

А молодой жульбан, да молодой жульбан ей не наслаждался...

...Умер жульбан, умер жульбан — умерла и слава.

Лишь остался конь ворованный — сбруя золотая...

А ту сбрую золотую брату вы отдайте,

А коня ворованного в поле расстреляйте!..

...Гроб несут, коня ведут, конь головку клонит,

А молодая цыганка жульбана хоронит...

...Я цыганка молодая, звать меня Маруся.

Вы мне дайте да того начальничка — крови я напыюся...

Пел Серёга хорошо. В последней строке песня так переполнилась горячим чувством, что весь поэтический размер вроде бы нарушился, но от этого оказалось только лучше. Какая-то вышедшая из тоннеля старушка остановилась и зацепилась за песню, стоя и покачивая головой, то ли осуждая, то ли одобряя.

— Отличная песня, — сказал Светлов, — чья она?

— Русская народная, вестимо, — уверенно ответил Серёга.

— Спасибо тебе, — Светлов положил ему в кепку десятку. Он хотел ещё что-то благодарное ему сказать, но тут зазвонил телефон.

— Здравствуйте, Родион Арсеньевич, — приветствовал его знакомый мелодичный женский голос. — Мы вчера договорились о встрече в связи с поддержкой ваших исследований. Наша договорённость в силе?

— Да, конечно, — ответил Светлов, — я уже свободен.

— В таком случае предлагаем через полтора часа.

— Устраивает, — согласился Светлов.

— Поскольку погода замечательная, наш представитель предлагает вам встретиться на свежем воздухе, — пропела девушка. — Как вы на это смотрите?

— Отличная идея.

— В таком случае нашему представителю было бы удобно через полтора часа на набережной у речного вокзала, причал номер 12.

— Я буду, — подтвердил Светлов.

— До встречи.

Светлов пожал Серёге руку и направился к трамвайной остановке.

Он приехал с запасом и прошёл от трамвайной остановки к реке дворами, специально делая длинные петли. Во дворах только-только распустились яблони и вишни-дички и даже одна торопливая черёмуха. Он проходил под самыми их кронами и вдыхал безумную череду ароматов. И лишь цветущий боярышник, на который он наткнулся в одном месте, пах отвратительно и незабываемо.

Дойдя до места, Светлов пошёл было в здание речного вокзала, но там была какая-то грандиозная перестройка, сновало много людей и строительная пыль стояла столбом.

— А что, навигация ещё не открылась? — спросил он у лысоватенького и бородатенького господинчика в модных зауженных очках, который явно выглядел здесь каким-то

распорядителем. Светлов обратил внимание на его полненькие щёчки, поросшие седоватой и даже, как показалось Светлову, розоватой щетинкой, совсем поросыачьей.

— Навигация? — тот криво и снисходительно усмехнулся. — Конец пришёл всем навигациям, здесь уже не вокзал, молодой человек, здесь музей будет! Современного искусства...

«А что, пароходы больше не будут плавать?» — хотел спросить Светлов. Но господинчик уже утопал. Светлов посидел на лавочке, а потом пересёк улицу и пошёл глянуть ещё один располагавшийся тут же вокзал, старый дореволюционный железнодорожный. Он выглядел уж точно заброшенным и совсем обветшавшим, грозившим развалиться. Но остановка поездов около него вроде бы по-прежнему была. Светлов обошёл заколоченное здание сбоку, вышел на перрон и перед ним как раз остановился какой-то поезд. Только на том последнем вагоне, у которого оказался Светлов, не было табличек, а на проехавших предыдущих он как-то забыл прочитать. В крайнее окошко на него посмотрел ребёнок, мальчик лет 4-х, показал на Светлова пальцем кому-то в глубине купе и беззвучно засмеялся сквозь стекло. Двери открылись, и Светлов увидел в тамбуре крупную и весёлую женщину-проводницу.

— Ну что, парень, стоим две минуты, едешь, так садись! — крикнула она Светлову.

— А возмёшь без билета?

— А возьму! Нынче поезд без начальника, так я сама себе командир. Глаза у тебя добрые, да что-то грустные, так что придётся пустить.

— А куда едем-то? — спросил Светлов, вдруг чувствуя, что начинает нервничать.

— В жаркие страны! — она рассмеялась.

— Жаркие это хорошо... А счастливые они, твои страны?

— Ой, счастливые, сил нет!

Он подумал и задал ещё один свой большой вопрос:

— А серфинг там у вас есть?

— Это чё ещё такое? — подивилась проводница.

— Ну, это когда на доске по волнам, по прибору катаются.

— А чё, волны есть, доски тоже. Так что ферсинга твоего как грязи!

Светловым вдруг вновь овладела та забытая сила, что уже тянула его в такой поезд. Чёрт с ними всеми, с этим назначившим встречу фондом, с университетом, с этой чёртовой наукой, с делецией... Прыгнуть в вагон и уехать от всего и от всех, вызвать туда Надьку, нарожать там детей, найти новых людей, новую работу, начать новую жизнь с нуля, на новом месте, совсем-совсем по-другому... Он мотнул головой. Что за бред? Какая новая жизнь? Какой побег?! Вот уж действительно, кто инфантил, так это он, Марчук прав, и отец прав. Надо уже на 12-й причал.

Поезд тронулся. Проводница махнула ему рукой и закрыла дверь последнего вагона. Светлов прошёл мимо обоих зданий вокзалов, железнодорожного и речного, и вышел к воде. С парапета тут же взлетела пара чаек. Река была неожиданно тёмной и мрачной для такого светлого солнечного дня. Зато сама набережная была чисто выметена и пустынна. Он пошёл быстрым шагом вдоль воды, отсчитывая номера причалов. Он уже опаздывал на несколько минут. Навстречу ему, но ещё далеко, со стороны автомобильного моста, шёл, громко урча, чёрный буксирный катер. «Значит, корабли здесь всё-таки ещё плавают», — удовлетворённо отметил Светлов. Сзади за ним ехал какой-то большой громыхающий электропоездчик. Светлов не видел номеров дальних от него причалов. Однако, хорошо видел, что набережная перед ним на несколько сотен метров была пуста. «Они-то ещё более непунктуальны, чем я», — успокоил он себя. Минувя очередной причал, он посмотрел наверх и заметил у себя над головой цифру 11. Почти пришёл.

Вплотную к берегу уже совсем близко плыл навстречу Светлову чёрный катер с раздвоенным носом и, шумно пыхтя, гнал впереди волну. Сзади шумел нагоняющий погрузчик. Светлов остановился и прислонился к парапету, чтобы пропустить по-

грузчик мимо себя вперёд. Впрочем, это было уже нужное место. Отвернувшись от воды, он неожиданно увидел напротив себя, через дорожку и робко зазеленевшую лужайку, того самого прошлогоднего художника из университетского ботанического сада, в том же самом фантастическом берете! Художник явно тоже узнал его, и Светлов широко ему улыбнулся. «Что ни весна, то снова он», — весело подумалось Светлову.

— Ну сейчас, сейчас-то хоть попозируете?! — крикнул художник, но Светлов не

услышал из-за шума проходящего за его спиной катера, и только ещё раз улыбнулся в ответ. К тому же их тут же разделил нагнавший, наконец, Светлова большой неповоротливый ржаво-оранжевый погрузчик. Художник уже было нетерпеливо открыл рот, чтобы повторить Светлову свой вопрос, но к его большой досаде, когда тяготящийся погрузчик, наконец-то, отъехал в сторону, на открывшемся взору участке набережной уже никого не было.

Пермь, 2009

Где глагол режет зреньє

Мы все любим Вильнюс, но не все пока знаем об этом. Многие из нас, пермяков, даже не уверены точно, в какой части Прибалтики этот город находится. Но дело в том, что именно здесь сегодня сконцентрировались наши полузабытые мечты. Тот, кто в детстве мечтал о Монмартре, зачитывался книжками Перрюшо, без труда найдет эту жизнь и эти характеры в Ужуписе, на берегах речушки Вильняле. Они теперь водятся здесь, а совсем не в Париже. А тот, кому нравятся фильмы Вуди Аллена, должен отправляться за приключениями не в Бруклин, а куда-то в район Ратушной площади, Вильнюс, Литва. Все эти персонажи сидят где-то здесь, и для полного кайфа не хватает только вас. Голливудские фильмы о том, как сейчас живут и чувствуют в Вильнюсе, пока еще не сняты и даже не сценарированы, но мы можем прочитать современных вильнюсских авторов. Они донесут до нас весть раньше остальных, — о том, как всё есть на самом деле.

Сергей Тетерин

Томас Чепайтис

Коле Михайлову

Умер Коля Михайлов,
Я с ним никогда не пил.
Он в Удине бродил,
Жил в Удине, Филологом был.

А у нас на Ужупке Ундина,
Я часто с ней выпивал,
Но Удине всего лишь на поезде
Как-то раз проезжал.

Умер Коля Михайлов,
Но я вижу: не так чтобы умер —
Сидит
в окруженьи прекрасных
Ундинок, и всё говорит.

Говорит, и смеётся,
При вине и при девушках,
Но озарён
Святым Духом, Языками
— так одарён.

Умер Коля Михайлов,
Это ему не впервой.
Скоро и мы отправимся
Вслед за тобой.

Обосновавшись возле Триеста,
Он тем подчеркнул
Нашу зависимость от границ;
Он почерпнул

Из этих заречных
И междуграничных дел
до дна.
Это не наша,
И не Ундин вина.

Чтоб не повторять Одиссея,
Необходимо сидеть
В девушках и вине
Там, где глагол режет зреньє —
На перекрещенье «вне».

Одуванчик

О, одуванчик — как хорош!
Он в белой шапке.
Немного горец, и слегка
Шампановат он.

Его улыбка — как «прости».
Он знает — сдуют.
Но всё равно как штык растёт,
Как обалдуй он.

И тянется, благодарит,
Для нас ликует.
И скромно в стороне стоит,
И в ус не дует.

Ты белый, белый! Как смола.
Хорош, как пепел.
Дай Бог, пристанет и мой чёлн
К твоей келейке.

Я не могу смотреть, нет сил:
Он весь — отдача.
Он смахивает слёз фонтан.
Он есть, не значит.

Возможно, служит —
— Служим все —
И он — солдатик,
Один из лучших,
Тех, кто всем
Трубят «vivacio!»

Индре Валантинайте

Крестик

Крестик над изголовьем родителей,
крестик над изголовьем постели родителей их родителей.
Крестик между холмиков моих неприметных
на Первом Причастии.

Я заповеди вызубрила наизусть,
но так и не перестала завидовать
Лине Д. — её платье наряднее.

Я молитвы декламировала как стихи,
все грехи исповедала
и была уверена, что новых не совершу.

Мне тогда было одиннадцать.

Мой язык только прячется у него в пещере — во рту

*Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.
Анна Ахматова*

Недостаточно ведьма и слишком стерва,
чтобы тебя заставить оборотиться.

Если ещё не поздно,
закажу малышовые гробики для своих пороков.

Мой язык только прячется у него в пещере — во рту,
как случайный прохожий, застигнутый ливнем.

Монастырь в окне моего любовника — дремлющая сова.
Теперь как назло смеркается, и в аллее парка матушки зажигают огни.

Слишком ведьма и чересчур любопытна,
чтобы когда-нибудь просто шагать по ней.

Тени свечек
на стенах девичьей комнаты напоминают
медведя ревмя,
гуся вразвалку,
волка стремглав
и лису-хромоножку —
и всё это я.

«Поздно уже
уже поздно»,
хором вторят незабудки-утопленницы,
в бабушкином хрустальном графине

Теленок да буден благословен

I

Будь прославлен телёнок,
отдавший кожу
моим туфелькам.

Будь благословен и палач его,
и кожевник, и сапожник,

и руки той продавщицы,
что упокоила каблучки в темно-зелёной коробке,
в магазине на тесной старинной улочке.

Будь прославлен телёнок,
отдавший кожу
моим туфелькам,

которые привели напрямик к тебе.

II

Будь он проклят.

Утренняя почта

пробудившийся первым
смотрит на мои дрожащие веки

притворяюсь как будто сплю

я знаю нет у него охоты вскрыть и прочесть
напоминания о счетах и просрочках
всей нашей нищенской бухгалтерии

поэтому изображаю сон
неслышно и ровно дышу
пока за тобой не захлопнутся двери

Дырокол

Всевышний взялся за дырокол —
и я получилась женщиной.
В те времена, когда зеркала могли говорить.

Подросла — и проверила лотерейный билет.
Кончик оборванной нити — в моей горсти.

Вопросами, рвущимися из горлового туннеля,
разжаты мои стиснутые кулачки,
линию на ладони прорезал голодный скворчинный клюв.

Я скомкала послание всем дождям,
глядящимся в болотные зеркала,
в мёртвые отражения,

тинистые и плоские.

В небытие мы захватим с собой пароли

В небытие мы захватим с собой пароли,
небывалые сочетания букв и цифр
(даты рождения, топонимы, имена и прозвища предков).

Почтовые ящики мёртвых посыплются в бескрайний подол,
вышитый звёздным узором.

В словесных постелях укрытые тайны —
бальзамированные вечным сном красавицы.

Безответные письма, словно брошенные давно и сохнувшие цветы
возле забытых надгробий,
где ливень пронизывает мраморное крыло ангела.

Личико той, что напрасно ожидает Любви, прикроет вуаль паутины,
и псалтырь она выронит из окольцованных рук

в часовне Забвения, где царит вельветовый мох

Follow your dreams

На дворе мужчина во всей красе
вдохновенно исследует содержимое бака.

Пальмы. Солнце палит. Океан.
Его замызганная рубашка
призывает разноцветными буквами:
Follow your dreams

Вифлеем

Вифлеемские овцы бессмертны
по примеру самого Бога.

Вечно их пересчитываю.
Ни одна не разбилась.

Мне 4, 14, 24.
Каждый год прихожу постоять
рядом с уютным вертепом.

После праздника служительница аккуратно
собирает керамические статуэтки.
Почтительно укладывает в коробку миниатюрных святых.

Туда же — на моховую подстилку — ложатся коровки,
звезда из фольги и купленный год назад фонтанчик на батарейках...

За год наш новорожденный Бог
никак не успевает вырасти —

и снова пора занимать знакомое место
в картонных яслях.

Всемогущий так хрупок!

Бросаю монетку, зажигаю свечу
за моего бывшего жениха, рождённого
вместе с Богом, в такой же день.
Всю жизнь в Рождество ему причитался —
вместо двух — только один подарок.

Выцветший снимок того первоклассника
до сих пор у меня в кошельке.

Ни разу не рожавшая мать.

Все комнаты

Все комнаты, слышавшие мой смех;
спинки стульев и платяные шкафы, чья тьма привечала мою
одежду,
когда нагота мне светила по пути в душевую,

где слабый мой голосок
подражал нашумевшим чьим-то мелодиям.

Гостиничные шампуни, полотенца,
очистившие и осушившие наждачную кожу.

Все матрасы, все их пружины, ощутившие вес нашей с тобой любви.

Подушки, в чьей мякоти отпечатались соблазнённые грёзы.

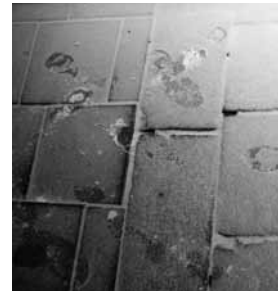
Каждое зеркало, впитавшее мой портрет над раковиной,
куда по утрам я устремляла слипшиеся глаза,
в тех жилищах, где случалось проснуться,

напоминало: так молода и нехороша собой,
и, самое странное, без всякой цыганской крови.

Я бы хотела, пока живу, успеть в те места,
где мечтаю добыть себя/нас обратно, по малой крупнице.

Я бы склеила всю мозаику, чьи осколки
разлетелись по наприветному свету морей и пустынь.

Перевёл с литовского Георгий Ефремов

Марюс Бурокас

Зеркало

Мутная гладь
Сплёвывает
То лебедя
То кулак

Чаще всех меня
Не в том возрасте
На который выгляжу:

Седого
С мешками в подглазьях
С тошно-притворной улыбкой

Слишком юного
Со слишком густыми
Слишком вьющимися волосами
С пьяно-умильным взглядом
С девками
По обоим бокам

Да не тот
Даже этот
Который теперешний

С перепугу
Со спины заплёван дождём
С гноющимися зрачками

рёзник отирает лезвие. смерч
связует пуповиной землю с небом
всё ближе вихрь. в животном оке
налитом — *laterna magica*
и жаркий страх. удар.
смешает радужная оболочка
пыльцу дождя и красноту,
переполняющую небо.
Авраам успел. и по равнине
неторопливо проступает ветер.

я бы мог описать
только грушу по снегу

такой пустоты
давно уже не было

но каждой ночью приходит
кто-то

из тех,
что не ставят следов

давно уже
ни меркнет, ни брезжит

красная нить
прижгла горизонт

лесом сдавлено поле
зрения

вечерами
я повторяю
слова молитвы

вжавшийся, вникший
в твоё жалкое тельце

только им
я и крепок

Жертвенный юноша

надломи землю
перстнем рассеки воздух, перрон
меланхолично синий туман
и всё это брось в лицо
жертвенному пешеходу —

вот он глядит
ухватившись за щеку (глаза выпучены)
изумляется
откуда в этой реальности
потусторонняя
окольцованная рука
вот он
скромный подданный бизнеса
с коммерческой сталью в груди
агнец, упертый рогами
в терновник
на огороженной стройке
без слов
точно вкопанный — — —

— невинный мой овен
к тебе обращаюсь
крахмально-белый
берущий еду из пластмассовой тары
— я жрец торговых пассажей

— тварь ты, я говорю
(тучи забиты продукцией
за офисом опускается солнце)
— тварь, говорю, куда ты
чем тебя так удивила
эта странная информация
— всё вокруг только воздух, морщины
времени
вот-вот их разглажу
ладонью
хмыкну и всё пройдет

только в правом углу
вместо подписи
рог изобилия

Я колот дрова
Возле трухлявых ульев

Кровельки
Будто слаломные курорты.
Пусто
Сплевали всех пчёл

Когда-то я переплюнул
Их долю
И сам не поверил.

Сделал круг,
Позапроклял,
Очень боялся.

Ужáление возвращало
К обтрéпанному
Пиону
Детскому крику

Какая несправедливость —

— Укол всего мира.

Выходные

ага,
закрутили воду
обрушили архитектуру
осквернители парников
выжиматели ягод

руки теплые цепкие
если в парке поймают —
прыгай крутись
крутись и прыгай
оп оп

а бывает иначе
только выйди попозже вечером
из бара на улицу —
зеркальные дверцы
сиятельный башмачок —
и нету

лишь капельница
тихая тайная
аппаратура —
воздух в суставах
пламя над головой —
для поддержания жизни

отбивают охоту
куда-то ходить

Человек и устрица

я улиткино ухо —
чувствуешь полости
порожденные
Богом, временем, эволюцией?

Увы, они постоянно полны
сентиментально напитаны
афродиадно распахнуты —
влага и острые рожки, слизь
и полипы
замедлители кораблей

Продираться в себя, в бытие —
пещеристые пористые перчатки
материальный гул
от тебя неотвязный
это ты отдаешься, звучишь
прогрызаясь
в скалу
в эту розовую дрожащую
мякоть

перевел с литовского Георгий Ефремов

Юлюс Саснаускас**Разрешение одуматься**

(Мф 21, 28-32)

Я люблю эту садовую дорожку за право-
славным собором в Вильнюсе, между
двух мостиков через Вильняле, где
когда-то вилась городская стена, а сейчас
по утрам совершают пробежку физкультур-
ники и паралитики, или выгуливают братьев
наших меньших. В застойные брежневские
времена там была площадка, вытопанная

детворой старого города — место ежеднев-
ных встреч и игр. Чем не стадион? Стену
собора можно было использовать как фут-
больные ворота. Один из контрфорсов весь
почернел от ударов мячом. Мы мочалили
эту несчастную стену сколько было силё-
нок. Верующие в те времена сидели тихо
как мышки, потому никто не смел нас оттуда

прогнать. Но вот однажды, может, во время службы, из церкви выскочил поп в сутане и ну крыть нас на чём свет стоит, ну стращать всеми кругами ада. Мой старший друг, к тому времени уже точно знавший, что ни Гагарин, ни Терешкова Бога на небесах не обнаружили, встал перед ним, подбоченился, изгильнулся и выдал: «А у нас нынче свобода. Хочешь веришь, хочешь — не веришь». И, в подтверждение своих слов, тут же вогнал мяч в девятку начертанных на соборе ворот. Его ответ (или отповедь зарвавшимся мракобесам?) был настолько убедителен, что ни один чернополюй больше не смел высунуть носа из своей крепости. Наверное, принял наши удары как крестную муку, а нас списал в расход, на унылую участь безбожников. А может, они там молились за наше обращение.

Этот друг, похоже, и впрямь обратился — через много лет, одинокий, уставший от жизни, он льнул к церкви, но я не стремлюсь вывести отсюда пример практической реализации евангельской притчи о двух братьях. Не знаю, да и кто, кроме самого Господа, может знать, где проходит та грань, за которой начинается исполнение Его священной воли и созревают плоды обращения. Эту фразу о том, что можешь верить, а можешь и не верить, я вспомнил потому, что она встречается крайне редко, куда реже торжественных обещаний слушаться Господа и следовать всем Церковным указаниям. Иной раз видишь, что человеку все эти религиозные истины «по барабану», и всё равно он клянётся практиковать веру и воспитывать детей в католическом духе. Церковь этими обещаниями полна по горло. Впрочем, у неё же и призвание такое — подкараулить тебя за углом и вырвать свидетельство о лояльности, в устном или письменном виде. Ровно так же, как в школе мы, попавшись на какой-нибудь проделке, писали на подсунутом директором листочке обещание быть хорошими и подавать пример другим, так и в небесную канцелярию без остановки летят обещания прилежно возделывать Господень виноградник. Правда, Его речи к нам тоже полны обещаний, но разве Он не ждёт от нас чего-нибудь ещё?

Евангелие само утверждает, что лучше воспротивиться Ему, протестовать, орать о своих правах и свободах, чем с легкостью необычайной сказать «да» и повернуть своей дорогой. Сопротивляющегося, протестующего Он не оставляет в покое, заново заводит с ним беседу, делает всё, чтобы завоевать его для своего царствия. Искать одного-единственного заблудшего или потерянного для Иисуса очень типично, Он тогда исполняет роль, сыграть которую и был послан — спасти всё погибшее. Покупаться на нашу лесть и случайные клятвы Он не станет. Мнимо лояльные думают своей покорностью сделать ему приятное, но Его это только огорчает, ибо дом, который Он воздвигает в нас, строится на скале, а не на песке.

Причём не только результаты, не только сам труд в винограднике — великая цель Евангелия. Хотя в другом месте сказано, что мало щебетать Ему в ухо «Господи, Господи», Евангелие напоминало бы пошлые предвыборные лозунги, если бы всего лишь призывало от слов переходить к делам. Упоминание в притче двух сыновей, оказавшихся на разных позициях, как бы предвещает, что в царствии Божьем одни покажутся верными-преверными и послушными, а другим достанется прозвище неверных. Пока первые надеются на многочисленные похвалы и награды, проявится истинное положение вещей: послушание перед Господом проявилось там, где царило мнимое упрямство и артаченье. И вновь Евангелие провозглашает надежду и веселье многочисленным островам¹. Раздвигает границы милости. Пренебрежение заповедями превращает в условие для появления веры высочайшего сорта. Не это ли имел в виду Иисус, упрекнув религиозных лидеров: «ами́нь глаго́лю ва́мъ, я́ко мытари́ и любодѣ́йцы варя́ютъ вы́ въ ца́рствіи Бо́жіи»²? Не этой ли притчей вдохновлен, мастер Экхардт уже в середине века посмел выразить мысль, что противящиеся Господу на самом деле втайне любят Его?

Жизненность и мощь Евангелия таится именно в таких местах. Давайте сосчитаем,

сколько раз Иисус находил возможность спасения там, где всё, казалось, было потеряно, где религия с моралью подписывают суровый приговор. Мало сказать, что милость нам даётся авансом. Вместо прославления обычной системы преступления и наказания Иисус благословляет систему, дающую спасительное убежище мытарям и блудницам, чуть ли не силой вталкивающую их в объятия того, Кто хочет любви, а не жертвы. Ужасный парадокс... но грешники в Евангелии легче исправимы, их легче склонить к воле Божией, нежели тех, кто купается в религиозных водах.

Прошло моё пионерское детство, оставив неприятный осадок вины за безжалостно расстрелянные футбольным мячом стены Пречистенского кафедрального собора. Сами стены, конечно, выдержали наш натиск, они бы выдержали ещё не одно поколение

пеле³ из подворотни. Фрагменты готической стены свидетельствуют о том, что стены сии не раз защищали даже Вильнюс, выстояли и там. Сегодня на них не найдёшь и следа нашей бомбардировки. Всё красиво покрашено, трава вокруг тоже не вытоптана. Мои воспоминания не могут служить мостом на территорию Евангелия. Они не обязательны, если хотите понять как от «нет» переходят к «да», и годятся разве что в качестве приправы к мыслям о терпеливости и неспешности Царствия Божьего. О том, что в Нём происходит втайне, в непроглядных для нас свете или тьме, по-своему, по-небесному, прекрасно и чудовищно расправляясь с нашими гордыми сердцами. Неустанно склоняя нас к догадке о Его величии, притаившемся за каменной стеной церкви или растаявшем в желтизне осенних листьев у маленькой речки Вильняле.

Марино одиночество

(Лк 10, 38-42)

При каждой из сестёр-бернардинок, у которых на виленском Заречье когда-то был монастырь, состояла служанка, выполнявшая все будничные бытовые работы. Монашки были из богатых семей, с хорошим приданым, не привыкшие мыть полы и растапливать печки. Но ещё сильнее они жаждали отречься от мира сего, оставив себе только молитву и созерцание. От их длинного дома на теперешней ул. Малуну⁴ провели крытую галерею через Вильняле напрямиком в костёл Бернардинцев.

Там побожные⁵ сёстры, строго по регуле отделившись от всех, участвовали в мессе. Сохранилась исповедальня, к которой они подходили, и маленькое окошко, через которое ксёндз подавал им коммунию⁶. Не было такого постороннего человека или предмета, который мог бы отвлечь их от духовной жизни. Только я и Иисус. Сохранилась и фреска, изображающая основательницу этого монастыря, коленопреклонённую святую Колетту, моющей ноги Спасителя. Это была единственная их миссия.

¹ Пс 97, 1. В литовском переводе — дальним островам.

² Мф 21:31 = «истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие»

³ Имеется в виду легендарный бразильский футболист Пеле

⁴ В переводе — Мельничная улица, по-польски Млупова. Коротенькая улочка (почти всю её по правой стороне занимает бывший монастырь), идущая от пл. Ангела в Ужуписе (по-русски Заречье)

⁵ Набожные (вильнюсский польский жаргон)

⁶ Подавал облатку или хостию — причащал.

Совершенное исполнение Евангелия? «Благая участь», избранная Марией, оставившей Марфу одну с поварёшками и кастрюлями? Есть ведь, и не только в тёмном прошлом, но и в наше время мужчины и женщины, ушедшие из этого мира, и ценящие только ноги Иисуса. Как же нам проверить, лучше ли это, чем трудиться в поте лица своего на церковной пахоте?

В сохранившейся части галереи бернардинок, там, где сёстры тихо стояли на коленях у исповедальни или у окошка с коммунией, сегодня трудится в поте лица приходская секретарша. Мерцает экран компьютера. Ворохи бумаг. Неумолкающие телефонные звонки. Священники, измученные душевительством, частенько заглядывают сюда передохнуть и выпить чаю. Крутятся, вертятся без остановки жернова церковной деятельности. Трудолюбивые жнецы радуются обильному урожаю.

Есть ли в Церкви такие, кто поверил, что слушать речи Иисуса и больше ничегошеньки не делать ценнее крайне необходимых и осмысленных трудов? Да, экзотика контемплятивных монастырей порой зачаровывает, но мы поспешно делаем вывод, что она — удел горстки избранных. Всегда были и будут мистики, стремящиеся к особенному единству с Господом. Но и среди них не все согласились бы с превосходством Марии над Марфой. Вот, к примеру, мастер Экхардт сам был монахом, но в начале XIV века провозглашал с кафедры, что именно Марфа для него образец зрелой и сознательной веры, это она воссоздаёт подлинный облик и подобие Иисуса, а Марии ещё надо расти и совершенствоваться. Тут с ним так легко, как с Евангелием не поспоришь. Если сторонников «благотучасти» в истории Церкви было бы больше, чем братьев и сестёр Марфы, чем бы мы сегодня могли похвастаться, какими победами и достижениями? Христианские школы, больницы, приюты, всё, что очевиднее очевидного

провозглашает нашу любовь к ближнему, — дело рук Марфы. Только равняясь на неё, сестра-монахиня Ниэле Садунайте⁷ в советское время провозила в Москву знаменитую петицию литовских католиков или выдавала «на-гора» сотни страниц «Хроники» — имя её золотыми буквами вписано в историю Церкви. А кто сегодня помнит Заречных бернардинок с их служанками? Гляди, и мерзкая мыслишка проскользнет, что они были всего лишь избалованными, экзальтированными нахлебницами, компрометирующими христианские идеи.

Да и вообще, при взгляде на заработавшую домохозяйку Марфу, на её огрубевшие руки меня всякий раз пробивает жалость. Живо и будет жить убеждение, что они подлиннее и достовернее свидетельствуют миру о Христе, чем утонченные пальчики, перебирающие жемчуг розария⁸. С трудом упавшая на колени бабуля шепчёт, что по воскресеньям ей некогда ходить в костёл, приходится работать, работать, работать. И у меня язык не поворачивается намекнуть ей о какой-то другой, «благотучасти». Я ведь и сам не особо её желаю, не особо к ней и стремлюсь.

Так, видимо, будет и впредь при обсуждении этого места из Евангелия. Одинокой, всеми покинутой оказывается не Марфа, заботящаяся о тысяче мелочей. На вечное одиночество и непопулярность как в мире, так и в Церкви, обречена Мария. Мы с подозрением будем глядеть на её выбор. Со всем рядом, на столе — кушанья, приготовленные её сестрой. Сам Иисус, поднявшись, сядет вкушать их, оставив Марию одну. Он ведь затем и заглядывал в дом в Вифании, к сёстрам, чтобы подкрепиться и передохнуть, как сегодня священники, прихлёбывающие чай в перерывах между мероприятиями в галерее у бернардинок.

Ещё более одинокой и непонятой Мария предстанет перед нами в другом евангель-

ском эпизоде, записанном святым Иоанном. Иисус снова зайдёт к ним в гости, его вновь усадят за стол, станут кормить и поить. Марфа снова будет служить ему, а её сестра, взяв фунт народного чистого драгоценного мира, помажет ноги Иисуса и отрёт их волосами своими. Дом наполнится благоуханием. Ученик Его, Иуда Искариот раздражённо воскликнет: «Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим?»

Мне вдруг вспомнилось, как по Литве путешествовали реликвии маленькой Терезы Младенца Иисуса. Кареты, всадники, духовые оркестры, полицейские кортежи, пафосные речи. А лучше был бы прах да власяницы. Мы ведь тоже везли пригоршню праха. Более того — Терезочка ведь избрала участь Марии, самую ненужную и

бессмысленную, если желать популярности и влияния в лоне Церкви. Унылая монастырская келья, лепестки роз, совершенное ничто. Иисус, севший за Марфин стол яств.

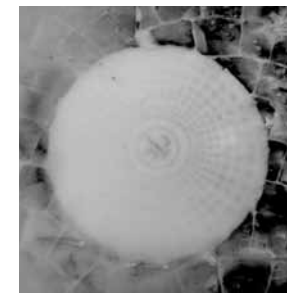
На Иудино прекословие по Мариному адресу о том, что растранижены немалые деньги, Иисус откликнулся: «Оставь её». Только всего и можно сказать о Марии, когда вокруг кипит церковная работа на благо ближних, проект идёт за проектом, challenge сменяет challenge. Оставьте её в покое и в одиночестве. Оставьте там всех, кто, обняв ноги Иисуса, больше ничего не желает. Пусть их лучшая часть и впредь остаётся во тьме, без духовых оркестров, не доказанная нам ничем.

перевел с литовского Томас Чепайтис

Юлюс Келерас

A—B

Пьеса

Место действия: контора одного пристава

Время действия: наши дни

Звуки проезжающих трамваев (автобусов); шаги; скрип открываемых и закрываемых дверей

Звонит телефон

Добрый день. Контора пристава. Его нет. Да, с понедельника по четверг.

⁷ Н. Садунайте с 1974 г. собирала Хронику католической церкви, в 1975-1980 сидела в Мордовии и Сибири, ещё в советское время в США были выпущены её книги «Под прицелом КГБ» и «Под опекой доброго Господа». После независимости работала в организации Caritas.

⁸ чётки

Кладет трубку; гудки выключенного телефона; снова звонит телефон

Добрый день. Контора пристава. Нет, сегодня его не будет. Не знаю. Позвоните в приемные часы.

Кладет трубку; гудки выключенного телефона; снова звонит телефон

Контора пристава. Чем могу помочь? Нет, сегодня не будет. Он на аукционе.

Кладет трубку; гудки выключенного телефона; снова звонит телефон

Контора пристава. Его нет. С понедельника по четверг.

Пауза

Да. Он действует по законам нашей республики. *(Короткая пауза)* Да, гарантирую.

Пауза

Гарантирую, он — исполнительный, добросовестный пристав.

Пауза

У него, как и у многих, семья, дети. Никогда не интересовался. Я только его помощник.

Пауза

Нет, по пятницам он исполняет другую государственную обязанность.

Пауза

Да, вы правы, по пятницам он — законный государственный палач.

Пауза

Какое образование должен иметь государственный палач? *(Короткая пауза)* У него есть сертификат, утвержденный Советом по охране государства от внутренних врагов, номер 00125687. Он висит у нас на стене. И сейчас вижу.

Пауза

Как — какая-то бумажка? Если хотите, могу по факсу выслать вам копию. В порядке исключения.

Пауза

Обязанность? Обязанность пристава — защищать граждан государства от врагов.

Пауза

Да, здесь вы, конечно, совершенно правы, врагов много.

Пауза

Нет, это не личные враги господина пристава.

Пауза

Клара?! Это ты? Странно слышать твой голос. После стольких лет. А господин пристав вчера говорил, что кто-то должен нас проверять, поэтому я подумал... *(Короткая пауза)* Хотя мы не боимся газетной клеветы. Все могут быть спокойны, мы ничего не боимся.

Пауза

Я рад, что ты наконец позвонила, но я действительно не интересовался, не знаю, как он осуществляет наказание.

Пауза

А почему мне должно быть интересно, как он рубит голову или впрыскивает яд?

Пауза

Ты совершенно напрасно сравниваешь человека с курицей. Даже совершившего преступление.

Пауза

Я вовсе не равнодушный, я даже не опаздываю на работу. Ты же меня знаешь, я никогда не опаздывал.

Пауза

Семьи все еще нет, но уж извини, это мое дело. Мое. Если только это ты можешь сказать после стольких лет! Всего доброго!

Бросает трубку; гудки выключенного телефона; снова звонит телефон

Контора пристава. Это опять ты? Много себе позволяешь. И вообще — чего ты хочешь? Если ты опять звонишь по поводу тех денег, так я все отдал, но я никогда не вмешивался в личные дела господина пристава и не потерплю, чтобы сейчас кто-либо вмешивался в мои. Впрочем, я прекрасно знаю законы.

Пауза

Почему я избегаю называть его палачом? *(Короткая пауза)* Ну, не смей людей. А почему следовало бы? Это не основная его обязанность. Меня это не касается.

Пауза

Как он работает? *(Короткая пауза)* А зачем тебе знать? *(Короткая пауза)* Ты устроилась в государственный аудит? А может, в какой-нибудь журнал мод с глянцевого обложкой? Газетчики любят копаться в отбросах и мешать работать. Так слушай, если тебе интересно: господин пристав долго выслеживает должников, а потом, в нужный момент, пускает в ход меч правосудия. Конечно, на несомненном правовом основании.

Пауза

Он часто говорит, что его призвание — восстанавливать истину посредством уничтожения долгов.

Пауза

Ну да, и приговоренных, которых суд посылает в его требовательные руки. Но об этом, я уже говорил, знаю не много.

Пауза

Пойми наконец: работа палача и работа пристава во многом очень похожи. И здесь нет ничего общего с какой-либо ненавистью.

Пауза

Нет, совсем не шучу, оба законным цивилизованным образом восстанавливают справедливость.

Пауза

Может ли он уснуть, убив чьих-либо мужей или родителей, братьев или женихов? Клара, ну откуда мне знать? У меня полно других забот.

Пауза

После каждой пятницы он приходит на работу в новом костюме, как если бы получил премию. Я при самом большом желании не мог бы их менять так часто. Иногда он даже пахнет опьянительными, наверно, дорогими, мужскими духами, хотя я в них совсем не разбираюсь. Мне не по карману. Однако запах, поверь, одурманивающий. Когда он уходит, все наши кабинеты так пахнут мускусом или, не знаю, еще чем — просто невозможно остаться и работать сверхурочные.

С оттенком мечтательности

Господин пристав... Знаешь, если бы я был женщиной, думаю, он бы мне понравился. Очень. Мы были бы образцовой парой справедливости. Может, в нашем государстве даже не осталось бы этих проклятых должников, и мы могли бы жить где-нибудь на берегу моря, завели бы небольшое, очень небольшое, хозяйство и выращивали бы овец... Помнишь, я в детстве всегда мечтал об овцах... Мне бы нравилось их стричь, вцепившись в шерсть цвета грязного снега... Господину приставу, наверно, тоже...

Пауза

Понятно, это только предположения. И, знаешь, мне все равно — сладкие они или при- скорбные. Сейчас меня занимают только постоянные дела, алименты, иски, штрафы, долги и кодексы. И так ничего не успеваю. Двойной бутерброд с сыром, который каждый день приношу на работу, на следующее утро чаще всего отправляется в мусорный ящик. *(Короткая пауза)* Кровь? *(Короткая пауза)* Пятна крови? *(Короткая пауза)* Какие пятна крови?

Пауза

Мне кажется, это ты что-то кроваво путаешь! Это очень чистый, необыкновенно гигиенич- ный мужчина. Он умывает руки, закончив работу с каждым клиентом.

Как бы про себя

Видела бы ты его ногти! А какие мужские и сильные у него руки! Всякий раз с ним здоро- ваясь, я даже побаиваюсь.

Пауза

Признайся, ты наверно никогда его не встречала?

Пауза

Молчишь. Ну, так я и думал. Когда-нибудь познакомлю. Его справедливость уже стала ле- гендой. К нему обращаются члены Сейма, Правительства, предприниматели, и даже круп- ные, иностранцы. Ты серьезно собираешься о нем писать?

С обидой

Полагаю, что тебя очень мало заботит настоящая истина и настоящая справедливость, пред- ставителем которой является господин пристав.

Пауза

Если уж говорить откровенно, господин пристав — человек очень тонкой натуры, когда-то он даже писал стихи. К сожалению, работа с преступниками окончательно разрушила его поэтические способности. Однако он, как и я, никогда не говорит о крови, это только часть его работы, я сказал бы — часть его государственного долга. Примерно, как у типичного журналиста — острый язык, карандаш, бумага или диктофон.

Пауза

Позволь спросить у тебя как у сестры — почему ты настроена против нашей настоящей справедливости? Мало ли что когда писали наши газеты. Ты ведь знаешь их принцип — если истории нет, можно ее придумать.

Пауза

Ну, твоя версия справедливости довольно странная... ты как бы на стороне этих... должников.

Пауза. С улыбкой

Дорогая, откуда я могу знать, давил ли он в детстве лягушек, поджигал ли кошек, мучил ли кроликов у соседа? Ты знаешь, я точно этого не делал. *(Короткая пауза)* Откуда ты все это вытаскиваешь? И что это может изменить? Теперь он — господин, господин пристав.

Пауза

Скажи мне, почему это должно меня волновать? Не понимаю.

Пауза

Я только работаю у него. Он мне платит жалование.

Пауза

Нет, мы не друзья — ни хорошие, ни плохие.

Пауза

Нет, могу поклясться, он не такой. Я вижу, как дрожат его руки в понедельник, когда он приходит в контору и листает новые списки приговоренных. У него захватывает дыхание. Но, ты не поверишь, какие красивые, какие красивые в этот миг его глаза! Я, конечно, стараюсь внимательно не смотреть, но, может быть, они бывают полны слез... Очень может быть.

Пауза

Да, он волнуется. Да, он хочет как можно быстрее выяснить, где они, приговоренные, прячут свои деньги. Да, он мог бы лично сам производить обыски. Да, он мог бы сам перетряхивать жалкие, да, жалкие их жилища, ибо тот, кто должен, тот и виноват, а кто виноват, тому непременно следует назначить наказание — спасти этого несчастного. Подобным образом Церковь спасает падшую душу. Грех надо смыть, искупить покаявшись. С болью покаявшись.

Пауза

Ты не понимаешь, господин пристав — человек редкой чести. Он часто говорит, что если его дети нарушили бы закон, он первый осуществил бы достойное преступления наказание.

Пауза

Ты не видела, как дрожат должники, когда понимают, что они застигнуты и что их преступление словно по мановению перста божьего обнаружено, обнажено, раскрыто и ввысь взвывает знамя справедливости. Только тогда они осознают все свое ничтожество, всю тяжесть своей вины, и истина триумфально, одним точным ударом топит их как слепых щенков.

Пауза

Люди часто жалуются на неэффективность власти, на партийные кланы, на их нежелание познать свой с высокой горы пасомый народ. Я думаю, я даже уверен, что господин пристав вполне мог бы быть нашим президентом, он по фотографиям знает всех должников, как заботливая мать замечает мельчайшие их недостатки. Его превосходительство видит их насквозь как облупленных, а в этом государстве, которое со всех сторон как моль едят должники, это самое главное, сейчас это — самое главное дело.

Пауза. Иронично

Клара! Успеваешь записывать? *(Короткая пауза)* Не забыла включить диктофон? *(Короткая пауза)* Нет? Все вспомнишь? Слово в слово? Ну, смотри!

Пауза

О чем мы говорили? Ах, да. Если тебе интересно, иногда мы всю ночь просиживаем в конторе, чтобы обнаружить скрытые деньги должников в каком-нибудь, пусть и маленьком, банке в захолустье, а утром накладываем арест на счет и, конечно, на имущество.

Пауза

Да, не скрою, это умилительно, это похоже на таинственный религиозный ритуал или сказку, которая заканчивается победой истины. Принцесса выходит замуж за красавчика принца, который был превращен в змея, и получает полцарства.

Пауза

Нет, мы не получаем полцарства, но исполнительные издержки остаются нам. *(Короткая пауза. Наслаждаясь своим красноречием)* Хотя бы так с нами рассчитываются за вычисление долгов, почтовые расходы, ночной труд, бессонницу, наконец, если хочешь, за муки, которые доставляют нам должники.

Пауза

Да, это изнурительная неблагодарная работа, но нам обоим она доставляет наслаждение славно исполненным долгом.

Пауза

Есть ли у господина пристава совесть? *(Короткая пауза)* Я хорошо расслышал?

Пауза. Кашлянув, красноречиво

Клара, совесть, как и костюм, он любит говорить, — основные его атрибуты, его жизненно важные составные части, без которых он был бы простой конторский стулотер. Слава богу, его отец, дед и прадед тоже были приставы. Как ты думаешь, кто как не приставы лучше всего понимают потребности общества? Не думаю, что ошибусь, если скажу, что только они обладают особым санитарным слухом. Кто как не приставы чистит племя этих эмигрантов и лодырей, мошенников и негодников, освобождает его от задолжавших неудачников...

Пауза

Господин пристав...

Пауза

Не перебивай меня, если хочешь создать себе хотя бы приблизительный портрет господина пристава... *(Короткая пауза)* Господин пристав является также руководителем единственного в мире — такого рода — агентства «Свет совести». Если хочешь знать, это агентство днем и ночью заботится о регистрации должников, их опеке и наблюдении за ними. Кто еще мог бы так усердно работать в этом государстве, охваченном равнодушием и жадностью?

Пауза

Да, ты права, так могут работать только люди с очень чистой совестью, у нас самих никогда не было и нет никаких долгов и, как ты уже наверно понимаешь, деньги мы зарабатываем самоотверженным трудом. В деньгах ты, кажется, не очень разбираешься.

Пауза

Пойми, ни мне, ни господину приставу не важно, кто совершил преступление — всеми забытая старушка, одинокая мать, пьяный подросток или десять лет не встающий с кровати больной. Наш девиз: чистая совесть в чистом государстве. Любой, подчеркиваю, любой ценой.

Пауза

Кто? *(Короткая пауза)* Пенсионерка? *(Короткая пауза)* Какая пенсионерка?

Пауза

В какой газете? А, не важно, все они одинаково врут.

Пауза

Да, помню, помню — два месяца не платила за услуги телекоммуникации, и общество БП, то есть «Бог и партнеры», попросило нашей помощи. Мы помогли, хотя обычно маленькие долги нас не интересуют.

Пауза

Девяносто пять литов шестнадцать центов. Долг.

Пауза. *Равнодушно*

Говоришь — одинокая, бездетная, беззубая, с дрожащими руками, старая, очень старая женщина. У тебя фотографическая память? Поздравляю, никогда не замечал. *(Короткая пауза)* Таких людей много.

Пауза

Не обижайся, но мне ее история не интересна. Ну и что, что она, как ты говоришь, где-то в Машюнай выращивала куриц, торговала грибами и ягодами? *(Короткая пауза)* Ну и что? У нее, конечно, не было необходимой для мелкого предпринимательства лицензии, это не наше дело, но государство не получало налогов. А это уже неправильно. Тебе ведь тоже должники не милы?

Пауза

Мы попробовали ей помочь. Попытались объяснить, какую жестокую ошибку она делает, не платя своих долгов. *(Короткая пауза)* Господин пристав заработал на ней всего тридцать литов. Только тридцать. Кажется. А может, тринадцать. Надо посмотреть в бумаги.

Пауза

Какие сребреники Иуды?

Пауза

Кто этот Иуда? *(Короткая пауза)* Из Сейма? Сегодня как нарочно оттуда звонили. Грызутся как бешеные собаки. *(Короткая пауза)* Не знаю. К нам, во всяком случае, письменно никогда не обращался. *(Короткая пауза)* Похоже, ты просто не понимаешь, какая ответственность — выполнять такую работу.

Пауза

Да, читал, с ней случился инфаркт, но господин пристав в этом нисколько не виноват. Газеты как всегда ввали, ты же знаешь, им нужна только однодневная слава и сенсация. Я знаю журналистов, которые из отца и матери выжали бы последние соки, только бы насладиться страданием, которое вызовет публикация в утреннем номере газеты. Это клевета, Клара. А за клевету даже сестру...

Бросает трубку; гудки выключенного телефона; снова звонит телефон

Опять ты? Слушай, я трачу попусту драгоценное время. Думал, ты, после стольких лет, хочешь поговорить, что-нибудь объяснить мне. Ведь я из-за тебя, прекрасно знаешь, потерял все. *(Короткая пауза)* Нет, венка господин пристав не послал, пойми, мы не можем сочувствовать должникам, мы их наказываем. Но прежде всего они сами себя наказывают, нам оставляя окончательный удар справедливости.

Пауза

Чему тут удивляться: очередная газета опять пишет очередную неправду. Они любят ее тиражировать. *(Короткая пауза)* Это не было доказано, а ведь каждое преступление необходимо доказать. Для обвинения необходимо правовое основание. Господин пристав не купил ее землю за один лит. Не купил! *(Короткая пауза)* У тебя есть доказательства? Ах, перестань. Насколько я помню, ты всегда вела себя по-детски. *(Короткая пауза)* Ну и что, что его брат — член Европарламента? Ну, подумай сама, это смешно.

Пауза

Конечно, мне очень жаль эту несчастную гражданку, но, с другой стороны, ее история — хороший урок всем, которые злостно избегают оплачивать свои долги. Подчеркиваю — свои, не мои.

Пауза

Как — иногда невозможно?

Пауза

Если хотя бы один гражданин не платит своих долгов, кто-нибудь в государстве голодает, — так любит говорить господин пристав.

Пауза

Доверяю ли я господину приставу? Вне всякого сомнения. Глазом не моргнув. Я же говорил: он, его отец, дед, может и прадед... Все — приставы, и какие! *(Короткая пауза)* Справедливость по принципу семейного подряда. Из поколения в поколение. Сама видишь. Господин пристав — это звезда нашего века!

Пауза

Нет, нет! Хотя господин пристав и называет меня «помощником, какого у него никогда больше не будет», не думай, что моя жизнь такая уж легкая! После того, как одолжил тебе эти проклятые деньги, я все потерял. Все, что имел. И душевное спокойствие попало в тот же пакет потерь. Я тебя не упрекаю, нет, но жизнь моя изменилась. До сих пор земля возвращается под ноги только когда перешагиваю порог конторы пристава.

Пауза

А ты знаешь, что значит столько лет не ходить ни в какой ресторан, работать как помешанному, жить как прокаженному, почти не иметь друзей и копить, копить для какой-то другой жизни, которая, может быть, никогда не придет? Каждый день видеть глаза господина пристава... Но видела бы ты, какие красивые, какие красивые у него глаза!.. Уж не могу и поверить, что когда-нибудь, в один прекрасный день... Э, о чем это я? Тебя, как я понимаю, занимает почему-то только грязное белье, да, много таких, которые могут его дорого продать публике. *(Короткая пауза)* Всего доброго, милая сестрица.

Бросает трубку; гудки выключенного телефона; снова звонит телефон; наконец снимает трубку

Слушай, не хочу больше слышать никаких грустных поучительных историй о пенсионерах, инвалидах, одиноких матерях, покинутых сиротах и ветеранах войны с нестабильной психикой. Наслушался. Кроме того, прекрасно знаешь, что случилось со мной, когда я одолжил тебе эти проклятые деньги.

Пауза

В конце концов, если хотя бы в одной из этих историй и содержится частичка, две или даже три частички правды, я действительно здесь ни при чем. Совершенно. Могу тебе поклясться: я служу государству, не приставам. Мы оба преследуем одну цель. И законы, между прочим, я прекрасно знаю.

Пауза

Ну и что тут такого, если судья помогает адвокату, пристав — судье, адвокат — нотариусу и наоборот? Братская взаимная помощь праведных, больше ничего. Если, скажем, ты работаешь в магазине и тебе понадобились спички — ты же не идешь за ними в другой магазин, это было бы смешно, не так ли? Потому и адвокат связан с судьей так, как пристав со всей правовой системой. Общее кровообращение, так сказать. Но если бы ты спросила о моем личном мнении, я сказал бы, что в этом аквариуме только приставы — золотые рыбки. *(Короткая пауза)* Не отрицаю, юстиция, как и рамки законов, не лишена погрешностей. Знаешь, даже медики иногда смертельно ошибаются. Однако долги сознательно злостного характера — умышленно совершаемая ошибка, которую надо немедленно вырезать, как лопнувший гнойник. *(Короткая пауза)* Это для меня не новость: все случаи исключительные, все считают себя жертвами, всем хочется откусить кусок пирога побольше. А самый вкусный, без всякого сомнения, — у соседа.

Пауза; насмешливо

Говоришь, господин пристав обидел одного тебе и мне хорошо знакомого человека? *(Короткая пауза)* Он тоже пенсионер? Едва на ногах держится? Руки дрожат? *(Короткая пауза)* Ты меня пугаешь, но мне не страшно. Почему? Потому, что я знаю правду.

Несколько утомленным голосом

Ну, разве что он тоже был из этой касты должников. *(Короткая пауза; смеется)* Об этом мы уже много и подробно говорили, девушка, а может уже — госпожа Клара? Ты не звонила мне целых три года.

Пауза

Ты утверждаешь, что это не связано ни с какими долгами, ни с какими деньгами? Все в этом мире связано с деньгами. *(Короткая пауза)* И ты не собираешься ничего писать про господина пристава? *(Короткая пауза)* В самом деле, Клара? *(Короткая пауза)* Так зачем ты меня допрашивала как двенадцатилетнего мальчишку на первой исповеди? Зачем? *(Короткая пауза; как бы самому себе)* Господин пристав недавно проговорился, что в контору должны звонить из какой-то влиятельной газеты по случаю его юбилея. Кажется, я все перепутал. *(Короткая пауза)* Гм.

Пауза; забывшись, пытается продолжить разговор

Этого человека...

Пауза

Выбросили со второго этажа?

Пауза

Вытолкнули? Кто вытолкнул?

Пауза

Клара, не понимаю, при чем здесь господин пристав? И кто этот оказавшийся в больнице человек, которого мы оба знаем?

Пауза

Клара. *(Короткая пауза)* У тебя такое красивое, редкое имя. *(Короткая пауза)* Я истосковался по тебе.

Пауза

Вчера я встретил на улице твою подругу Виду, ну ту, из твоего класса, и она мне сказала, что ты тоже в больнице. Больше она ничего не знала. *(Короткая пауза)* Ты в детстве довольно часто болела. Простуда, ангина, воспаление ушей... И родилась ты, едва ловя воздух. Этого ты, конечно, не можешь помнить — на пуповине был узел. Мама когда-то нам рассказывала, помнишь? Если бы чуть опоздали, у меня не было бы сестры.

Пауза; как бы что-то заподозрив

Ты, правда, в больнице? *(Короткая пауза)* Только что оправилась после комы? А, поэтому твой голос такой слабый.

Пауза

Где? В больнице святого Иакова?

Пауза

Постой, постой. *(Короткая пауза)* Ты хочешь сказать, что это тебя господин пристав вытолкнул со второго этажа? Какой вздор. Господи! Ничего не понимаю.

Пауза; взяв себя в руки

Ведь у тебя никогда не было никаких долгов, я бы тебе не позволил занимать. Ты никому не была должна. Никому, только мне. Ты всегда была хорошей девочкой... А этот старый, мучительный долг... Теперь уже можем об этом поговорить? *(Короткая пауза)* Тогда, чуть более трех лет назад, я одолжил тебе все свои сбережения, заложил квартиру в банке, остался голышом, и если бы не господин пристав, я жил бы на улице. Я очень хотел помочь тебе, Клара... Помнишь, как ты просила, почти молила денег на эту новую небольшую двухкомнатную квартиру в центре города, неподалеку от твоей работы? *(Короткая пауза)* Несчастливая любовь совсем тебя сокрушила: аборт, депрессия, бессонница, лекарства, много всяких лекарств. Но никакой квартиры ты тогда так и не купила, потому что опять была влюблена. Я был рад. В самом деле. Я никогда не видел твоего нового избранника, хотя ты всегда называла меня самым любимым, единственным братом. Ты таинственно улыбалась, когда я спрашивал о

его профессии, возрасте, увлечениях; говорила, что он мне понравится. В мыслях я в этом несколько сомневался. Ты обещала взять ссуду и сразу начать выплачивать долг. Скверный, большой, черный долг, который, как огромное море чернил, залил нас обоих. Потом ты исчезла. Отказалась общаться со мной, а квартиру так и не приобрела. Не вступала ни в какие разговоры. Пару месяцев я чуть не каждый вечер пытался тебе позвонить, всегда в такое время, когда ты уже должна была вернуться с работы. Ты никогда не поднимала трубку. *(Короткая пауза)* Клара, Клара. *(Короткая пауза)* Я так давно тебя не видел.

Пауза; спохватившись, очень спокойно, как бы себе

Дай разобраться. Надо восстановить логическую последовательность событий. *(Короткая пауза)* Мне давно не дает покоя одна, казалось бы, несущественная мелочь, однако, она странным образом терзает мне сердце. У меня из ящика стола исчезла *(короткая пауза)* когда-то подаренная твоя фотография.

Пауза; рассказывает как бы себе самому

Такая красивая фотография. Очень красивая. Ты только что окончила школу, высокая, светловолосая, еще даже не подозреваешь, что станешь дизайнером-модельером. Отец обнимает тебя за плечи на фоне пурпурного бархата в одном из наших любимых фотоателье. Вы оба выглядите очень счастливыми. Словно пара новобрачных. *(Короткая пауза)* Ты всегда была у отца любимицей. Меня он... *(короткая пауза)* не любил. Не знаю почему. И уже никогда не узнаю. *(Короткая пауза)* Я любил маму. Теперь уже могу сказать, что я был единственной ее любовью.

Пауза

Эта фотография лежала в ящике стола, на самом дне, и один раз, когда я второпях искал какие-то документы, пристав, господин пристав, случайно увидев ее, спросил — кто эта кошечка?

Пауза

Клара, моя сестра — ответил я, ничего не подозревая. *(Короткая пауза)* На обороте фотографии был записан твой домашний адрес.

Пауза

Ты тогда сняла новую квартиру и хотела, чтобы я как-нибудь зашел. Помнишь, ты хотела показать купленную в кредит дорогую, кажется, голландскую, мебель, очень похожую на ту, что была у нас в детстве. Коричневую, из натуральной кожи, очень удобную... *(Короткая пауза)* Это было еще задолго до нашей ссоры. Мы не общались три года, Клара. *(Короткая пауза)* Ты ничего не объяснила, не хотела мне ничего говорить. Я знал, чувствовал, что у тебя уже нет этих проклятых денег. И вдруг фотография исчезла, как будто ее и вовсе не было.

Пауза

Скажи, что с тобой? Болезнь не опасна?

Пауза

Теперь уже нет? *(Короткая пауза)* Последствия комы непредсказуемы?

Пауза

Постой, но откуда ты знаешь господина пристава? *(Короткая пауза)* Говори! Не молчи! Рядом с тобой на кровати альбомчик с фотографиями ваших совместных поездок и ручка с клеймом «Свет совести»? Ведь это учреждение господина пристава! А, так вот откуда ты узнала наш телефон!

Пауза

Нет? Ты давно с ним познакомилась? *(Короткая пауза)* Здорово, мой пристав и здесь впутался. *(Короткая пауза)* Еще одна женщина. *(Короткая пауза)* Клара, моя единственная Клара. *(Короткая пауза)* На пирушках в конторе он мне на ухо рассказывал все ту же занудную историю о коллекции трусиков, но я никогда не хотел слушать про эти женские дела. И твоя одежда тоже в этой коллекции?! Господин пристав! *(Короткая пауза)* Что все это значит?

Пауза

Может здесь какая-то роковая случайность, ошибка, проделка воображения? Ведь у тебя серьезное сотрясение мозга? *(Короткая пауза)* У тебя не было галлюцинаций?

Пауза

Ты три года дружила с этим таинственным юристом ангельской наружности? *(Короткая пауза)* Вчера попросила врача выслать на мой адрес его письма? Боже! *(Короткая пауза)* Шикарные рестораны? *(Короткая пауза)* Совместные поездки? *(Короткая пауза)* Выходные в Лондоне? Ты понимаешь, что ты говоришь?

Пауза

Так это он был твой таинственный возлюбленный?

Пауза

Да может ли так быть?

Пауза

Мне уже давненько не по себе. Ничего о тебе не слышал, думал, живешь как всегда, и вот...

Пауза

Господин пристав? Еще не верю. Не верю.

Пауза

Родимое пятно над правой бровью? *(Короткая пауза)* Да, это он. Это он. *(Короткая пауза)* Необыкновенно красивые глаза.

Пауза; себе

Она спала с господином приставом, моим приставом. *(Короткая пауза)* Еще одна! Боже мой! Он ее любил! Может быть, любил! *(Короткая пауза)* Алло! *(Короткая пауза)* Да, слышу. *(Короткая пауза)* Говоришь, он всегда ... деньги дурачков, ты нашла его письма другим женщинам? Какой циник! *(Короткая пауза)* И вот они кончились... Хочешь сказать...

Пауза

А потом он тебя вытолкнул? *(Короткая пауза)* За что? Чтоб молчала? Но что ты ему сделала? Ведь ты — моя Клара, моя сестра, ты никому ничего не должна.

Пауза

Прости, я выпью воды. Больше не можешь говорить, ты устала?

Долгая пауза

Клара, бедная моя Клара. Бедный мой пристав. Немедленно бегу в больницу.

Пауза

Как не пустят? Я — брат. *(Короткая пауза)* Брат.

Пауза

Приду ровно в три. *(Короткая пауза)* Постой, кто-то открывает двери. Кажется, это он, мой господин пристав. *(Короткая пауза)* Да, это он. Прости.

Бросает трубку; телефон начинает гудеть — затихая, будет гудеть до конца пьесы

А. это Вы, господин пристав. Завтра пятница, пришли, как заведено, познакомиться с новой жертвой. *(Короткая пауза)* Как всегда, вкусно и дорого пахнете, карманы полны денег и, конечно, фотографий с адресами красавиц. *(Короткая пауза)* В выходные поедете к морю или в горы? *(Короткая пауза)* Возьмете с собой какую-нибудь новую девицу? Такую свежую, непосредственную! *(Короткая пауза)* Может быть, даже блондинку. Еще одну блондинку. Вы ведь не знаете, так и не знаете, что такое настоящая, настоящая любовь! Не знаете, не знаете! *(Короткая пауза)* Скажите Кларе, скажите, что я ей простил. А у вас такого помощника уже никогда не будет.

Короткая пауза; выстрел

Конец.

Перевел с литовского Андреюс Коницкис

Ирина Лебедева

В границах комнаты привычной

Как хорошо моей душе
в границах комнаты привычной,
как на поляне земляничной
или на травах в шалаше.

Следить, как дни сменяют дни,
смотреть, как свет у них неярко,
как чередой груженных барок
сквозь время тянутся они.

И жизнь осмыслить и понять,
преодолеть, что было скрыто,
и разглядеть в лучах зенита
купанье красного коня.

Я маму мою

Трещит в печурке дров смолье —
я маму мою,
сухое тело у нее,
мое — тугое.

И я веду по красоте,
что стала хрупкой,
неощутимую для тел
мягчайшей губкой.

Я окуну ее в слезу,
в ночную строчку,
вот так купала я в тазу
когда-то дочку.

На смуглых старческих кистях
все жилки прямо...
Она теперь — мое дитя,
а я ей — мама...

Запрягаю волоском паутинки кузнечиков
да сверчков, —
потакаю давней своей привычке,
пестую заморочки, плету косички,
обожаю скромность венериных башмачков,
не желаю и слышать про царские
черевички.

Помню, был вокзал — муравьиная суета,
как легко в его сутолоке уединиться
и смотреть, не веря, как будто друг другу
сниться...
и — большая спина сиреневого кита —
улица, мокрая от дождя ночного, лоснится...

А на кончиках пальцев — слепые безумные
мотыльки,
мечутся, тычутся в скулы и в шею,
за воротник куда-то,
и, обессилев от нежности, каждый атом
жаждет навек приручиться и есть с руки,
а деловитый месяц секирой ката
в небо вколачивает звездные медяки —
этим добром ночная сума богата...

Чувство играет с разумом в поддавки,
измеряя рубец на сердце куском шпагата.

Жизнь осязаемо плотна,
многообразна и шершава:
в переплетеньях полотна
таит булавочное жало.

А то сквозит на ветерке
бельем развешанным соседским,
или мелькнет в мужской руке
смешною складочкою детской.

Екклесиаст

Засыпан каперсами сад,
отяжелевший спит кузнечик,
перстами солнечными мечен
зеленокожий виноград.

И удлинившуюся тень
теперь привязывать не надо —
она и так чуралась взгляда,
закрытых окон, толстых стен.

А голос — тот, издавека,
кому теперь принадлежит он?
Не насыпать в ладони жито,
кто наблюдает облака.

Все на круги. Чего я жду?
сгустилось время, но не лечит.
Лишь сонно шелестит кузнечик
травой забвения в саду.

Хаджибеевский лиман

Трамвай катил за город, где земля,
не скованная панцирем брусчатки,
хранила все следы и отпечатки,
и травы, и цветы, и тополя.

Где солнце, нимб усталый наклоня
над толпами бесчисленных растений,
чертило рядом пепельные тени —
изнаночную сторону огня.

Мы перешли шоссе, за ним лиман
в глаза ударил нестерпимо-синим,
сверкающим, как плащ на Прозерпине,
как грань сапфира с царского клейма.

Заглянешь вглубь — там рыба мелюзга
толчется миллионом скользких телец,
родив непрекращающийся шелест,
как будто струйкой сыпется лузга.

Вдоль берега, по линии границ,
бесформенные глыбы взгромоздились,
почудилось на миг, что здесь гнездились
гигантские породы древних птиц.

Был весь пейзаж настолько вне времен,
вне нас, одетых в джинсы и сандалии,
и призраки неясные блуждали,
и звуки непроявленных имен.

День угасал. Лягушачьи хоры
ликующие гимны возносили
Божественному гению и силе,
по прихоти творящему миры.

Дождь

Дождь был — венецианский дож.
Не счесть колен в его породе.
С лицом заточенным, как нож,
но столь учтив и тонкокож,
что ноготки бросало в дрожь
и черноглазый куст смородин.

Без сил, на цыпочки привстав,
с покорным вздохом «аллилуйя»,
прикрыли ветошкой листа
незагорелые места,
подставив грешные уста
под злое жало поцелуя.

Как он касался лепестков —
почти себя не обнаруж!..
А рядом стадо облаков —

семь герионовых быков —
парное пили молоко,
лбы наклонив к ближайшей луже.

Любовь — искусство, ремесло?
Игра природы благосклонной?
Сводил с ума болиголов
густой испариной стволов,
был флоксов обморок лилов
и душен опиум пионов.

Шиповник

Пуская стрелы первых гроз,
в июне небо ликовало,
и дико цвел шиповник, алый
от сладострастья пчел и рос,
сосредоточив изнутри
густых оборок маркизета
неискушенный облик, цвета
румянца утренней зари.
Над красотой, что так колка,
хрупка, как спесь аристократа,
стояли волны аромата,
как грозовые облака.
А я нарушила покой
двух роз, до ярости пунцовых,
неотменимости концовок
воздав преступною рукой.

Накануне / Аркадий Гайдар

Сергей Сенковский

Гайдар шагает в...

Столичными издателями сейчас рассматривается готовая к выходу книга пермского исследователя Сергея Сенковского «Красные неуловимые мстители дьяволята, или Сплошные тройки эксцентрики». Ниже — приводятся ее фрагменты, связанные с Аркадием Гайдаром. На не вошедших в публикацию страницах книги среди прочего подробно анализируется «гайдаровская матрица» в концептуалистской и постмодернистской культуре: В.Бахчанян, А.Бондарь, Э.Булатов, О.Васильев, А.Володарский, А.Грузовиков, К.Звездочётов, И.Масодов, В.Пелевин, Н.Фоменко и проч.

Лавина экранных эпизодов покорения американского Дикого Запада крутыми коровьими пастухами (ковбоями) да их неустанной борьбы со спивающимися местными селянами (индейцами, мексиканцами, эскимосами) создаёт отдельный киножанр — вестерн («Вест» англ. «Запад»). Истерн — восточный вариант («Ист» — «Восток»). В этой обойме и полукомедийная экранизация

незаконченной повести красного конника Аркадия Гайдара, («пастуха» по-украински, т.е. «ковбоя») «Бумбараш» 1971 при участии ветерана-фэкса А.Народницкого, участника основной отечественной группировки стиля — питерской ФЭКС (в прессе три официальных расшифровки: Фабрика ЭКСцентрики, Фабрика Эксцентрических Кино-Съёмок, Фабрика ЭКСцентрического актёра).

Под влиянием порой называемого первым истерном эксцентричного фильма «Красные дьяволята» с троицей беспризорников (два мальчиша + отважная девчонка) возникает самостоятельное детское движение внутри пионерского, позднее разделяемое воспитателями по функциям на три. «Зарница» даёт волю «дьяволятской» игре в «войнушку». «Красные следопыты» используют разведчицкий потенциал Мишки Следопыта с компанией для патриотических целей. Тимуровцы воплощают анонимную партизанскую помощь взрослым. Последнее движение берёт название из трилогии 1939-41 А.Гайдара «Клятва Тимура», «Командант снежной крепости», «Тимур и его команда». Первый киносценарий (и книга по нему) про новоявленного завоевателя (умов) Тимура воспринимается властями «в штыки», как попытка создать альтернативу пионерской организации. Но вскоре уже всю работу на государство. В кинопроекте с другом-одесситом А.Разумным, бывшим режиссёром-эксцентриком 20-х, А.Гайдар затевает «Тимура и его команду» и вскоре даёт герою имя своего сына вместо первоначального — Дункан (в честь есенинской жены-плясуньи да жюльверновского корабля). В «Клятве Тимура» режиссёра-эксцентрика Л.Кулешова по сценарию совместно с А.Гайдаром дети грозят наступающей войне (до этого дуэт успевает подготовить закрытый из-за войны сценарий «Командант снежной крепости», вторую часть трилогии с теми же героями). В свою последнюю повесть «Архаровцы» («Амба полосатый») бывший теоретик имажинистов С.Григорьев вводит А.Гайдара с тимуровцами на войне 40-х, «когда игрушкам пришёл конец», юные герои вершат свои взрослые подвиги, получают настоящие медали.

Дебют эксцентричного писателя Л.Соловьёва в кино — совместный с актёром-эксцентриком И.Пырьевым сценарий экранизации «Будьте такими» («Аллюр два креста» («РВС» (три варианта)) 1930 для режиссёров А.Ай-Артыана и В.Шестакова. А.Гайдар пишет другу: «Если тебе случится встретить афишу, приглашающую в кино на

фильм «Будьте такими», то плюнь и пройди мимо, ибо фильм этот не что иное, как обезображенный режиссёром мой рассказ «РВС», за право испохабить который я получил от Совкино энное количество неполноценных, увы, динаров». Загадочный РВС оказывается Реввоенсоветом (Революционно-Военным Советом (три варианта краткости). Украинские мальчиши Димка (играет травести Н.Голоулина) да почти цыган — беспризорник Жиган (С.Гусев) спасают от врагов раненого красного комиссара (Я.Рыков, будущий Ал.Пархоменко на экране). Книжка недолго дожидается другого киновоплощения.

А.Ай-Артыан продолжает экранизировать А.Гайдара даже после отъезда из Москвы на кавказскую родину, ставит «Каро» 1937 по мотивам «Школы». Повесть отдельной книгой выходит в 1930, это один из трёх вариантов. Предыдущие «В дни поражений и побед» 1925 да «Маузер» 1928. Как «Обыкновенная биография» в 1929 выходит сокращённый вариант «Школы», в 1931 под тем же общим названием пишется незаконченное продолжение автобиографической эпопеи, которая в планах поглощает в переработанном виде не удовлетворяющие уже автора предыдущие беллетристические «пробы пера».

Героя книги зовут Борис Гориков (Сергей Горинов (три варианта с первоначальным авторским именем Аркадий Голиков из вступительной заметки «Обыкновенная биография в необыкновенное время»). Гимназистом бежит к красным, белые принимают его за своего, из-за ошибки героя гибнет напарник-разведчик Афанасий Чубук, добровольцем из табора приходит будущий «неуловимый мститель» Яшка Цыганёнок, гордо называющий себя красным цыганом, но уходит к махновцам с группой друзей самый лихой разведчик Федька Сырцов (бежит из-под ареста). «В дни поражений и побед» показывает героя победителем зелёных отрядов, которые травят колодцы, затевают заговоры для прихода С.Петлюры, в бою гибнет атаманша Сонька, верная жена-соратница атамана Битюга, звезда кабарэ, «бывшая петроградская «этуаль» Софья Ни-

колаевна Тольская» (пародия на жену-соратницу яснополянского графа-битюга Софью Николаевну Толстую-Берс). Это первое опубликованное в прессе творение автора (ещё А.Голиков), весьма доработанное тремя питерскими прозаиками круга «Серапиевых братьев» (С.Семёнов, М.Слонимский, К.Федин), которые на поступление рукописи заявляют: «Писать Вы не умеете, но писать Вы можете и писать будете».

Первая из трёх экранизаций «Школы» оказывается кавказской. А.Чубука называют Чибух, Бориса — Каро, у остальных местные имена, ибо действие переносится в Армению, воюют красные с тамошними националистами-дашнаками. Три сорежиссёра С.Тайц, С.Торосян и будущий биограф террориста С.Камо парижанин Э.Карамян (Карамиян, Мелик-Карамян (три варианта)).

Только под видом сказки с суровых 30-х становится возможным изложение «больших дел» («Сказка о Мальчише-Кибальчише» А.Гайдара, «Сказка о громком барабане» С.Могилевской, «Сказ про Красную звёздочку» Н.Богданова). «Дьяволята» уходят, поступает «Дьяволиада».

Гайдаровская «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» про юных будёновцев, успешно воюющих вместо погибших родичей против взрослых буржуинов, про главную военную тайну (всем известную), до самых почти 60-х воспринимается исключительно в пафосном духе. Появляется в газете «Пионерская правда» 1933 и тут же отдельной книжкой со страшноватыми рисунками пиетера В.Конашевича (Главный Буржуин нависает гоблином пещерным, все мальчиши в кепках-пиджаках городских гопников, лишь Кибальчиш дополняется красной цыганской рубашкой). Сказка целиком затем входит в повесть «Военная тайна» 1934 про бдительных пионеров в крымском лагере, где её рассказчик гибнет. В ответ на возмущённые письма читателей автор сравнивает своего героя с общенародным: «Конечно, лучше, чтобы Алька остался жив. Конечно, лучше, чтобы Чапаев остался жив... Но этого в жизни не бывает».

И вдруг суровая сказка играет новыми гранями, наполняется эксцентрикой да живостью, приближается к «красным дьяволятам», когда получает дозу левизны от военных плакатов-лубков. Первый опыт подобного синтеза замечается в анимационном фильме «Сказка о Мальчише-Кибальчише» 1958 А.Снежко-Блоцкой с тремя текстовиками — Я.Аким (песня), А.Гайдар (сюжет), Л.Соломянская (первая официальная гайдаровская жена из трёх описываемых гайдаровцами, арестантка 30-х, сценарий). Игровой отряд Кибальчиша состоит из трёх мальчишей, его семья — тоже из трёх, птичья семья — из трёх. Хороший гонец три дня не пьёт, три ночи не спит, плохой гонец является трижды. У врагов три броневика, три танка. Похожи на Винимора (троица Вицин-Никулин-Моргунов) три вражды генерала (англичанин, немец, японец), двух из которых озвучивает Г.Вицин (его третья роль — дед садовник). Арестовывают Мальчиша три солдата, три самолёта атакуют у красных, три салюта Мальчишу от трёх пароходов, трёх самолётов да от пионеров. Для гротеска, контраста, эксцентричности усилены сюжетные линии врагов-буржуинов с Мальчишом-Плохишом. Актёры озвучки из эксцентриков кино да театра.

В 1966 выходит книжка «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове», где делает знаменитый комикс В.Лосин (в 50-х рисует в трио Лопемон с Е.Мониным да В.Перцовым — ещё ближе к лубку). После многократных переизданий да авторских вариаций (в т.ч. чёрно-белых и в три цвета) лосинский Кибальчиш — в большой будёновке не по размеру, красной рубашке, с занесённой саблей — становится главным визуальным эквивалентом образа. Влияет даже на спектакль 1967 «Мальчиш-Кибальчиш» в питерском театре кукол (художники В. и В.Ховралёвы, текст и постановка В.Сударушкина). Более угловатый да динамичный стиль А.Данилова в челябинской книжке 1987 ещё ближе ограниченной палитре военных «Окон РОСТА» (РОСсийского Телеграфного Агентства, чьи военные плакаты занимают многих леваков от матёрых В.Маяковского да В.Шершеневича

до одесского молодняка Э.Багрицкого да Ю.Олеши). Совместная графика Л.Киреевой с В.Мелещенковым в днепропетровском издании «Кибальчиша» 1984 ближе южнорусской ветви футуризма с его яркими цветами да игровым кубизмом. А известная художница Н.Гольц забрасывает иллюстрирование этой сказки после нескольких вполне интересных листов, утверждает, что это не для неё, слишком агрессивный материал.

Интересно, что поначалу писатель воспринимается как эксцентрик. С.Маршак вспоминает о работе в питерском Детгизе: «С Гайдаром было так. Я ему сказал, встретившись в Москве: «Вы человек талантливый, пишете хорошо, но не всегда убеждаете... Логика действий должна быть безупречной, даже если действия эксцентрические»... Приехал, мы засели в гостинице... Всё переписали вместе, и во время работы он восхищался каждым найденным мной словом. И вдруг позвонил мне: «Я всё порвал. Это не мой почерк. Я всё сделал заново». И принёс. Я был очень доволен. У него появилась забота об убедительных деталях. Сравните «Голубую чашку» с этим отвратительным «Мальчишем». Там — всё недостоверно». В журнале «Весёлые картинки» 1961 комикс И.Семёнова «Сказка про гордого Мальчиша-Кибальчиша, про измену, про твёрдое слово и неразгаданную военную тайну», где будёновки мальчишам по размеру, и всё пафосно, кроме буржуинов (смесь американских бизнесменов 50-х с фашистами, прислуживают им узнаваемые портретно конкретные белогвардейские генералы да фашистские дуче-фюреры, Плохиш — явно интеллигентский тощий мальчик).

Со своей обнажённой саблей да в будёновке Кибальчиш (в разных печатных изданиях да театрализованных детских праздниках) часто показывается в компании мирных шалунов КВЧ (Клуба Весёлых Человечков). Буратино, Незнайка и компания нисколько не боятся грозного Мальчиша с острой палкой (хотя это вам не гроздь ежевики!). Возможно, потому, что на тех же страницах (картинках (сценах)) часто присутствует добрый доктор Айболит.

У некоторых иллюстраторов 60-70-х более взрослые мальчиши — юноши, но Кибальчиш — всё так же в красной рубахе. О.Палёк в цикле «Старые сказки на новый лад» 1996 показывает, как юный бандит Кибальчиш помогает дедушке, который «с Камо банк брал. С Феликсом имущество кулаков экспроприировал. С самим Джугашвили сидел за бандитизм». Герой по доносу Плохиша получает милицейский расстрел после беспредела при переделе территорий да уничтожения бандой Кибальчиша белых пришельцев с Юга. Кибальчиш как вневременной растворившийся в пространстве герой приходит на помощь новым романтикам среди серой современности в интернетной прозе: О.Верещагин «Где ты, Мальчиш?», Ю.Иванова «Лунные часы», т.п. За три десятилетия 1965-85 в Свердловском театре кукол трижды инсценируется разными режиссёрами с разными героями-куклами один сюжет: «Военная тайна», «Мальчиш-Кибальчиш», «Смелая сказка».

В серии эстампов 1967 харьковского графика (с фамилией главного гайдаровского военного противника) Е.Соловьёва Кибальчиш достигает божественных высот — подобно Г.Победоносцу, длиннейшим копьём перечёркивает всю картинку, поражает с коня падающего под копыта толстого генерала. И шлем мальчишу впору, и щит, и конь, и форма красного кавалериста (в бело-чёрном варианте). Ироник Э.Успенский опасается, что найдётся «кто-нибудь, кто нарядит Кибальчиша в скафандр и запустит в космос — это будет страшно, этого нельзя допустить!»

«Кибальчишу» близок по духу «Сказ про Красную звёздочку» Н.Богданова 1973. То же издательство «Малыш» 70-х выпускает затем ещё три книжки автора в подобном стиле: «Будь готов — всегда готов!», «Всадник, скачущий впереди», «Гори, пионерский костёр!». Художник В.Трубович использует мягкую полупрозрачную акварель для изображения «наших», которые рисуются одной красной краской и как бы мерцают. При том каким-то дьявольски хитрым способом умудряются справляться со всеми много-

численными и очень яркими врагами, рисованными в духе левых плакатов да карикатур 20-х (цитаты из «Окон РОСТА»). Здесь С.Будённый да А.Гайдар, белые, зелёные, чёрные да прочие интервенты, мальчиши играют в пулемётную «войнушку» да сидят на деревьях в настоящей разведке. Дружба с А.Гайдаром приводит Н.Богданова с есенинской родины к писательству многих приключенческих (но не авантурных) книг про отважных мальчишей.

«Бешеным мальчишкой» прозывают с 1972 москвичи экспрессивный памятник кричащему Кибальчишу на Воробьёвых горах, который считается первым в стране памятником литературному герою. В одном из выпусков приключений «Клуба знаменитых капитанов» 1977 герои во главе с Л.Гулливером да К.Ф.И.Мюнхаузеном на цирковом слоне уходят от милицейской погони, спешат со своим салютом к сему памятнику. После посещения гайдаровской выставки с неожиданными «открытиями» типа: «В шестнадцать лет он командовал полком в легендарной дивизии Котовского».

Есть кибальчишковые воплощения в виде ёлочных игрушек, детских кукол, песен, сувенирных статуэток. Имя Кибальчиша и в 2000-х присваивают хоккейным турнирам, ансамблям барабанщиков, просоветским сайтам. Для правой прессы герой наряду с «красными дьяволятами» олицетворяет дух разрушительной «детской болезни левизны» в идеологии, искусстве, политике. Становится нарицательным, отрицательным, ругательным. В 2009 в Ижевске открывается историческое кафе «Мальчиш-кибальчиш» с детским городком на территории — ёлка в виде пограничного столба, пулемёт, качели, ледяная горка. Возникают литературные, публицистические, сценические развития темы в форме актуальных диалогов основных героев сказки, например.

Самым развёрнутым и самым эксцентричным при том вариантом жизнеописания главного героя остаётся фильм студии имени А.Довженко «Сказка о Мальчише-Кибальчише» 1964 в постановке Е.Шерстобитова с тремя текстовиками — А.Гайдар (сюжет),

В.Коркин (песня), Е.Шерстобитов (сценарий) плюс три куплета фолковой песни «Смело мы в бой пойдём». Снимается за три месяца в крымском пионерлагере. На обложке диска с фильмом часто помещают фото трёх Сергеев (главных актёров): С.Мартинсон (лучший фэкс в роли главного диверсанта Агента Дядины 518-ого), С.Остапенко (Кибальчиш), С.Тихонов (Плохиш). Первый появляется в группе благодаря последнему. Отлично играющий коварного «вождя краснокожих» (т.е. предполагаемого противника «дьяволёнка» Мишки Следопыта) среди опытных «гайдаймаков» (труппа Л.Гайдая) С.Тихонов во время кинопроб убеждает сомневающегося ветерана комедии в интересности проекта.

Очень красиво, со вкусом снятая лента некоторых зрителей пугает своей внутренней агрессией: «Дети воюют по настоящему!» Действительно, на призывы съёмочной группы к актёрам-мальчишам не очень-то бить противников — те серьёзно отвечают: «А зачем они на нашу страну напали?!» Ещё более усилена по отношению к предыдущим инсценировкам-экранизациям линия противника, эксцентризм приближается к высшим градусам накала, украинские приметы акцентированы. У Кибальчиша — никакой будёновки, зато красная рубаха, у Плохиша — чёрная (затем ещё и перематывается лентами патронов), смотрится как символика противостояния мира красных большевиков да чёрных анархистов. Буржуинская психическая атака (в цепи сам режиссёр) — парафраз каппелевской цепи фильма «Чапаев» (где тоже наступает сам режиссёр), форма отчасти стилизована под гитлеровцев 40-х. Три барабанщика в прологе, три гонца с первой плохой вестью, три раза призыв о помощи, мальчиши трижды просят огня, трое генералов пытаются, три гонца буржуинского разгрома, три красных знаменосца атаки, три всадника находят труп героя, желающий сдаться Плохиш гоняет троицу солдат. Почти мультипликацией смотрится конная атака — «красное на чёрном», как поёт в таких случаях «Алиса».

Один из трёх консультантов фильма — будёновский ветеран, генерал Н.Осликовский. Источник вражьей силы — граммофон, в ритме которого все двигаются, саксофон воет эксцентрик-джазом, пишмашинка стрекочет в чистом поле. Техника неведомого тогда вида (прототип компьютеров) в полевых диверсантских условиях, бомба подобна спутнику 1961 по виду. Враги ловят тень флага, не сам предмет, воюют с отражением. Можно рассматривать основной зрительный контраст как метафору в есенинском духе: город против деревни. Словесные конструкции под В.Маяковского («маловатый») вводятся в стилизованный гайдаровский сказ под питерско-пражско-парижского А.Ремизова (называет имагинистов своими последователями). Новаторские съёмки снизу панорамой. Подобно питерскому диктатору-эсеру А.Керенскому главный буржуин вершит побег в дамском платье. Лбом об пол, взрыв — и нет Плохиша. Будёновцы побеждают, во главе их скачет В.Чапаев (Б.Бабочкин) да П.Корчагин (В.Лановой) из одноимённых фильмов, с экрана вырываются в степи (другого экрана). Это третье явление комдива с лицом Б.Бабочкина на экране после «Чапаев» да «Чапаев с нами». Финальные фигуры красноармейцев на закате солнца вскоре вдохновляют финал «Неуловимых».

В фильме «Военная тайна» 1958 будущий Кибальчиш С.Остапенко играет Альку, который по сюжету рассказывает сказку о Мальчише. Таким образом, сказка трижды экранизируется. Больше потенциальная звезда С.Остапенко не снимается, становится известным математиком-преподавателем, эмигрирует в США. Его друзья по киношной троице главных мальчишей-друзей Р.Сабиров (снимается до 2000-х) да А.Харитонов (в титрах — Шурик, играет ещё в трёх лентах 60-х и уходит из кино, становится полковником). Плохиш С.Тихонов снимается в Одессе 1967 в своём третьем да последнем фильме — лирической детской комедии по питерской книжке Р.Погодина «Дубравка», вскоре связывается с блатными элементами, погибает под трамваем 1971,

о чём очень жалеет возлагающий на него большие надежды Л.Гайдай.

Сыну писателя контр-адмиралу Тимур Гайдару идея подобной эксцентрической постановки сначала весьма не нравится, он против экранизации, лишь реакция зрителей на премьеру переубеждает. Для артиста Д.Капки (заметен во всех одесских эксцентриадах А.Довженко), роль главного буржуинского генерала в «Кибальчише» становится сотой. Почти все актёры «Кибальчиша» играют в боевиках про одесских да прочих подпольщиков, партизан да казацки древности.

В 1973 петроградский гений Борис Юрьевич Понизовский создаёт театр «Гулливер» в Кургане, где воплощает часть своих идей. Кроме первого в стране спектакля по обзорному А.Введенскому, ставит более привычный репертуар в непривычном решении. Тогдашняя курганская художница (затем питерский режиссёр) Е.Вензель вспоминает в телепередаче эксцентричную инсценировку «Кибальчиша»: «У нас не было буржуинов никаких, а были воюющие силы природы. Перекати-поле было вражеской силой. Там сражались туча-медведь и облако-корова. Весь текст был заменён частушками. То есть вообще ничего не осталось от Гайдара, кроме идеи и смысла».

Питерцы писатель И.Келлер (урождённый одессит, с родителями-актёрами живёт в Тифлисе, колесит по стране) да композиторша К.Кацман в разное время оседают на Урале (Пермь-Свердловск), где в 1969 премьеры их оперы «Мальчиш-Кибальчиш». Мордастые дяди томно закатывают подведённые глазки, размахивают огромными саблюдами, выпускают рулады из-под будёновок. Новая редакция оперы успешно перезагружается в 1976. В статье «Мальчишам 70-х» Э.Берестецкая радуется: «Изумительная книга... прочитана заново и так, что приоткрылись новые, неведомые доселе чёрточки Мальчиша-Кибальчиша и его друзей... Не случайно, покидая после спектакля театр, юные слушатели напевают: «Буржуины пусть узнают — мальчиши не зря живут, мальчиши не подкачают, мальчиши не подведут!»

В 20-х И.Келлер входит в активную дружески-творческую троицу Келигир (по первым слогам фамилий) с такими же актёрами-драматургами-поэтами Б.Липатовым (Р.У.Ли) да В.ГИРШГОРНОМ (В.ГОРНОМ). Вместе они в УЛИТА (Уральская ЛИТературная Ассоциация) да екатеринбургской левой театральной студии К.Степанова-Колосова, откуда молодняк с 1924 разъезжается по столицам, пополняя левые молодёжные группы. Г.Мормоненко-Александров да И.Пырьев-Алтайский в московской Перетру. Остальные на Неве: троица С.Герасимов, О.Жаков, П.Соболевский в ФЭКС, их соседи по комнате Келигир да ещё троица — Б.Абрамсон, В.Курдов, А.Модестов — в писатели да художники. Рецензенты альманаха УЛИТА отмечают: «Не обошлось здесь дело точно так же, как и везде в провинции, без имагинистствующих».

В.Гиршгорн с И.Келлером (как Завихрайский-Райский) пишут (частично играют или ставят) успешные комедии «Лисица на рассвете» 1928 (по мотивам американца О.Генри в питерском МОТе) да «Ордер №505» 1923 в екатеринбургском кабаре МУХА (МУзыканты, Художники, Артисты (Г.Александров приводит вариант ХЛАМ)). Келигир учатся на Неве у фэкссов, посещают литературные студии близких ЛЕФу да ОБЭРИУ поэтов. Совместно (вдвоём или «на троих» без обозначения общего псевдонима) пишут романы (повести) «Красного Пинкертона» 1923-8, три из которых становятся известны: «Бесцеремонный Роман» («17-й — 19-й» («Роман Владычин» (три варианта)), «Вулкан в кармане», «Универсальные лучи» («Сорванец Джо»). Близики по стилю три малоизвестные сольные вещи И.Келлера меньшего объёма — «Боевики», «Вредители», «Сергей Градов». В острых сюжетах Келигира действуют чешский профессор-чудак Тадеуш Пряник, сыщик Шерлок Пинкерстон, заокеанский рабочий «красный дьяволёнок» — шустрый сирота Джо, лучи смерти, негр-разведчик, эсеры-подпольщики, эмигрантка-диверсантка, прочие пародийные переклички с фэксами, фильмами Л.Кулешова да И.Перестиани.

Между похождениями ищущего дворянский клад О.Бендера да «Бронзовой птицей» А.Рыбакова появляется третьим (не лишним) детектив «На графских развалинах» 1957 с тремя сценаристами («махновец» И.Болгарин с режиссёром В.Скуйбиным по повести А.Гайдара). Троица отважных мальчишей — Валька (С.Морозов), беспризорник-сирота Митька Дергач (А.Новиков), Яшка (Вал.Ерофеев) — сразу после гражданской войны помогают чекистам (милиции в книге) обезвредить возвращающихся за спрятанными белогвардейскими сокровищами бывшего графа (питерский потомственный актёр В.Сошальский) с бандитом-налётчиком Хрящом (известный комик Б.Новиков). Песню в вагоне поёт ЧОНовец (боец Частей Особого Назначения) В.Трошин, поющий и в «Неуловимых мстителях».

Украинская «Дума про казака Голоту» («РВС» («Реввоенсовет» (три варианта)) 1937 — вторая попытка экранизировать гайдаровскую книжку по отредактированному автором сценарию режиссёра И.Савченко. Прообразом первых страниц — описанная в дневниках автора сцена под Гуляй-полем. В украинском селе Ново-Гайдар милиционером служит будущий махновский атаман Терезов. Возможно, здесь истинная разгадка писательского псевдонима. Троица ребят — красноармейский сын Сашко (гайдаровский Димка (приезжий из Питера) переименовывается в честь А.Довженко, арт. К.Тыртов), приезжий городской Васья Жиган (арт. Л.Шехтман) да смешной (в немецком островерхом железном шлеме) малыш Суслик (Димкин братишка Топ в книге, акт. В.Селезнёв) — спасает красного комиссара от трёх зелёных злодеев: дезертир Головень (А.Гречаный), атаманы Козолуп (Н.Старостин) да Левко («гайдаймак» Н.Горлов — атаман Кандыба из «Неуловимых»). В ролях К.Нассонов, украинец Н.А.Соколов, будущая легенда Ф.Раневская (с Дона). Музыку к «Думе про Голоту» пишут трое — будущий автор опер про будёновцев да казаков-разбойников С.Потоцкий плюс два брата Покрасс (из трёх известных братьев-композиторов, что служат в Первой Конной, джазе да эксцентричных кабаре).

С.Кудрявцев отмечает в книге кинорецензий три ленты: «Дума про казака Голоту», «Бумбараш» и «Школа» являются экранизациями повестей А.Гайдара, не чуждого романтического пафоса. А по сюжету всё это отчасти перекликается с «Красными дьяволятами» и «Неуловимыми мстителями», разумеется, более приключенческими и даже эксцентрическими лентами».

Крымская «Будёновка» 1976 И.Вознесенского по сценарию Е.Митько «на темы А.Гайдара» (титр), неудачный опыт продолжать коллажировать в духе «Бумбараша», хотя поклонники объявляют экранизацией комиксов С.Кузьмина с Гришуткой-разведчиком. Фильм про семилетнего Гришку (артист Д.Замулин) в трио с Васькой Забродой (С.Тегин, снимается ещё трижды, эмигрирует в Израиль) да совсем негероической бойкой девчонкой, которую, правда, тут же изгоняют из отряда деревянными винтовками-саблями. В селе сменяются то белые, то красные, мальчиши встают на сторону последних, спасают раненого командира, стоят под прицелом пьяного белого офицера. Приключений меньше, чем патетических монологов, но комическое офицерство присутствует, как и актёры «Неуловимых».

Исполнитель главной роли Д.Замулин так же малоинтересно снимается немало до конца 90-х, появляется и в ленте той же команды «Остаюсь с вами» 1981 И.Вознесенского по сценарию Е.Митько о последних днях А.Гайдара. В фильме три Гайдара: А.Грачёв изображает зрелого партизана, А.Ростоцкий — юного героя в эпизодах воспоминаний, Д.Гайдар (потомок) — Тимура.

На советском киноэкране три актёра в роли А.Гайдара. В «Остаюсь с вами» А.Грачёв (затем экранный К.Ворошилов). Известный по лирическим комедиям (но и поздний «гайдаймак», и молодой В.Ленин на экране) питерец А.Мягков играет А.Гайдара от первых рукописей 20-х до войны 40-х в «Серебряных трубах» 1970 Э.Бочарова с «Неуловимыми» актёрами. Юного А.Голикова в «Конец императора тайги» 1978 да «Остаюсь с вами» играет актёр-каскадёр, потомствен-

ный киношник (даже гибнущий на съёмочной площадке) А.Ростоцкий.

Истерн В.Саруханова про таёжных партизан минусинского казака И.Соловьёва по сценарию Б.Камова с П.Лунгиным «Конец императора тайги» озвучивает (как и «Зелёный фургон») закадровый А.Джигарханян, белый штабс-капитан из «Неуловимых». Оттуда же А.Бахарь (снова белым скачет), Д.Столярская, некоторые другие, а играющий злодея-атамана И.Краско считает его на самом деле благородным разбойником, защитником крестьянства. Лихо разделяется с его отрядами в хакасской тайге 1922 восемнадцатилетний командир конников ЧОНа, чуть повзрослевший «дьяволёнок» с повадками А.Ростоцкого. На экране 80-х А.Ростоцкий часто притворяется последним русским царём, борцом с басмачами, белым или красным партизаном. Он же — отец героини одесской драмы про предвоенные 30-е «Лето на память» 1987 по дневникам-письмам да трём рассказам А.Гайдара (третья встреча актёра с писателем).

Нынешние публицисты правого лагеря бездоказательно, но активно обвиняют А.Голикова в садистских игрищах на трупах невинных крестьян (буквально), ледяных пирах над сбрасываемыми в прорубь, массовых пулемётных атаках на безоружную толпу. Более отвечающие за свои слова краеведы-историки таких фактов не отрицают, но творится безобразие без участия юного командира, вскоре отстраняемого от чина да отданного под суд за самочинные расстрелы заподозренных в пособничестве «лесным братьям» (о дореволюционных коллегах которых писатель А.Гайдар пишет позже с таким сочувствием). Больше всех старается утопить красного командира в чужой крови В.Солоухин в романе «Солёное озеро» 1994, выдаваемом за документальное расследование. Благородного атамана-защитника трудящихся И.Соловьёва преследует А.Гайдар под именем комбата Горохова на страницах романов сибиряка А.Чмыхало «Отложенный выстрел» 1981 да «Седьмая беда атамана» 1994. Совсем в другом качестве А.Гайдар появляется в повести «Про

тех, кто в пути» О.Верещагина, когда главному герою становится гадко, или под именем Арсений Гай в повести Л.Кассиля «Дорогие мои мальчишки».

На советском телеэкране А.Гайдара изображают три актёра — П.Луспекаев («Белое солнце пустыни», «Три толстяка»), О.Окулевич, А.Пузырёв. Вся эта троица в одной роли без особенно портретного сходства (по примеру В.Маяковского в ТНТ (Театре На Таганке)) в одном «Двадцать седьмой неполный» 1970 — телефильме по спектаклю питерского БДТ (Большой Драматический Театр) по пафосной пьесе Ю.Принцева про А.Гайдара.

Три книжки Ю.Принцева о боевой юности А.Гайдара: «Всадник, скачущий впереди», «Гори, гори, моя звезда», «Командир полка». В последней три рассказа, где юный герой-гимназист арестовывает спекулянтов, помогает чекистам раскрыть заговор белых заговорщиков-шпионов, чуть не гибнет от ночного ножа из-за угла, удивляет троицу деревенских ребят новой игрой, в финале: «Много лет спустя известный писатель А.Гайдар записал...: «Молод я был очень. Семнадцати лет я командовал полком. Командовал, конечно, не как Чапаев. Помню, однажды снял я маузер, отстегнул саблю и пошёл с ребятишками в рюхи играть!» На передней обложке герой в трио с будёновцами на конях едут на читателя этакими «мстителями» из заставки фильма. Похожая книжка у профессионального гайдароведа Б.Камова «Мальчишка-командир», подобны другие повести-рассказы для детей о А.Гайдаре у него и Н.Богданова, С.Григорьева, Б.Емельянова, Л.Кассиля, Э.Корпачёва, В.Малюгина, К.Паустовского, Рув.Фраермана, проч. Если герой по сюжету сам уже не мальчиш, то непременно окружает ими себя. Пример подаёт, как людей убивать да дома жечь. Ибо патриотизм.

Пёстрая книжка стихов В.Фёдорова «Чудесная коробка» 1987 наполняется доверху сказочностью да юмором. Среди всего этого вполне по-сказочному «Про храброго Конника. Памяти А.Гайдара», где герой бесштертен, ибо постоянно реинкарнируется

в других (в украинском, кстати, пейзаже): «Никакая пуля хлопца не берёт. Коннику пятнадцать непокорных лет... Как махнул он шашкой — юнкерам беда! Хлопец тот бесстрашный мчался сквозь года. Написал он книжку — интересней нет!.. Может, это сказка, а быть может, бль». На ярких иллюстрациях питерца С.Калачёва (красный вихревой фон) отважный мальчиш то скачет будёновским знаменосцем, то пешим трубит тревогу, а за ним — троица (два будёновца с папахнутым атаманом а-ля Будённый-Чапаев). Следующим стихом идёт «Не плач, трубач!», где «Малыш-кавалерист, малышкиноартист... А где же верный конь? Где шашка? Где огонь?»

Кинорежиссёр Е.Карелов дебютирует совместно с будущим любителем комедий да партизан гражданской войны Ю.Чулюкиным дипломным «Дымом в лесу» 1955 по рассказу А.Гайдара про шпионов-диверсантов, раненого советского лётчика да отважного помощника-мальчиша (дебютант Г.Сайфулин — будущий Н.Махно на экране). Также Е.Карелов известен комедиями да телефильмами о гражданской, в т.ч. «Пусть светит» 1960 по рассказу А.Гайдара 1933 про комсомольца-разведчика Ефима (Л.Харитонов), с подружкой Верой во главе оравы малышей партизанящего до подхода красных.

«Школа мужества» 1954 — вторая экранизация гайдаровской «Школы» с мотивами автобиографии да рассказа «Пусть светит» (линия Верки). Три источника для сценария С.Розена (у него это один из трёх революционных боевиков на Украине) с К.Семёновым.

«Школу мужества» проходят трое из «Неуловимых» (Р.Быков, Э.Геллер, В.Колпаков) да три «гайдаймака» (В.Басов, М.Пуговкин, В.Уральский), вечный одессит М.Бернес играет А.Чубука. Дебютант В.Горелов (мордастый Яшка Цыганок в красной рубахе) позднее ещё в трёх лентах воюет за красных, а в «Большой — малой войне» изображает махновского идеолога П.Аршинова, при том ведущий актёр столичного ТЮЗа (как не стыдно!).

Дебютант питерец Л.Харитонов играет Бориса Горикова с ориентацией на портре-

ты автора (даже папаха хрестоматийная), затем становится одним из кумиров 60-х, много геройствует в комедиях да сказках, в т.ч. у Л.Гайдая. Махновца Федьку Сырцова в «Школе мужества» хорошо изображает дебютант В.Захарченко, мастер эпизода — более полутора сотен ролей (в т.ч. детективы, комедии, приключенческие ленты о борьбе белых-зелёных-красных-чёрных). Ученики-ассистенты М.Ромма с С.Юткевичем, режиссёры «Школа мужества» В.Басов и М.Корчагин, это их первый настоящий фильм (после фильма-спектакля) да последний совместный — М.Корчагин погибает в авиакатастрофе. В.Басов становится одним из главных в мэйнстриме. При том сам В.Басов — великолепный актёр, из любого эпизода в мелодраме делает шикарный эксцентричный характер. Актёрский дебют — белым офицером в своих «Крушении эмирата» да «Школе мужества».

Третий экранный вариант гайдаровской «Школы» (впервые под таким названием) М.Ильенко ставит в Одессе 1980 в трёх сериях: «Беглец», «Запевала», «Чубук». Ан.Б.Кузнецов в роли А.Чубука продолжает жизнь Ф.Сухова из «Белого солнца пустыни». Д.Харатьян играет гимназиста-максималиста из «Зелёного фургона», который здесь уходит к белым, а не красным. Москвич-детдомовец М.Егоров в главной роли, до того светится в трёх фильмах, затем уходит из кино, подполковник милиции. В красной рубашке, но усат и чуть старше, чем в «Неуловимых» Яшка Цыганок (молдавский актёр С.Финити, дебют на экране ординарцем Г.Котовского «По волчьему следу»). Будущего махновца удалого красавца Федьку здесь не очень убедительно изображает питерский В.Ильичёв — в 90-х американский эмигрант с женой-балериной, до того один из самых востребованных кинокомиков, постоянно снимается в Одессе.

У А.Голикова три сестры да красный комиссар-отец, в 14 лет мальчиш дебютирует как актёр (роль гусара в студийной гоголевской инсценировке) да солдат ЧОНа. С 17 комполк. Почти год воюет в кубанских горах-степях с бело-зелёными повстанцами

да грузинскими националистами. За якобы самовольные расстрелы хакасских селян отправляется на принудительное лечение психику, отставляется от столь любимой им армии. После питерского писательского дебюта в прессе перебирается к старым товарищам в Пермь как журналист 1925, здесь возникает псевдонимом Гайдар (вначале без имени). Официальный вариант с подачи друзей-лефов типа Л.Кассиля — от тюркского «всадник впереди всех». Поклонники поддерживают версию родственников про аббревиатуру в духе близкой автору мушкетёрской игры: Голиков Аркадий Де Арзамас. Третий вариант происхождения — в памяти автора и ярко описываемых махновских местах, где воюет будущий писатель, есть названия селений Гайдар (Хайдар).

Печатает А.Гайдар записки путешественника, очерки, подписи к карикатурам, рассказы, стихи, фельетоны (за них попадает под суд), много странствует, в т.ч. по Востоку, после переезда в столицу — отдыхать-поработать всегда стремится в Одессу. С началом новой войны писатель радостно бежит на фронт как военный корреспондент, попадает в окружение, отказывается вернуться на самолёте в столицу, погибает в бою 1941 в составе партизанского отряда около украинской деревни. Подробности гибели очень противоречивы, но героизм присутствует во всех вариантах. Пулемёт в руках — почти во всех. Хотя во время войны чекисты распространяют версию о предательстве, переходе скрытого «врага народа» к открытым.

Пермские детективные повести диологии 1926-7 «Жизнь ни во что» («Лбовщина») да «Лесные братья» («Давыдовщина») А.Гайдара в 30-х пытается объединить в одну (третьим ингредиентом публикаторы 80-х вставляют рассказ «Предатель» (именно это издание я дарю интересующимся, в т.ч. трём гайдаровским популяризаторам 2010-х — А.Кудрину, М.Мальцеву, А.Родионову)). Реальный материал про боевиков-партизан революции 1905, называющих себя беспартийными анархо-коммунистами (хотя сотрудничают с тремя партиями — большевики, максималисты, эсеры), после подавления городского

бунта превращаются в лесных разбойников да героически гибнут от предателей-провокаторов. В подавляющих лбовщину частях офицерит будущий вождь каппелевцев, а также брат танцора-авангардиста питерских кабаре (с актёром В.Мейерхольдом в арлекинаде) да парижских «Русских сезонов» — М.Фокина, который даже в мемуарах причисляет себя к анархистам. Герои у А.Гайдара под своими именами, но не во всём следуют архивному изложению событий, много романтизации в духе «дьяволят».

Бывший питерский лейб-гвардеец А.Лбов, атаман жиганов Мотовилихи, с первых страниц называется «дьяволом» для казаков. Или: «Это не человек, а чёрт какой-то!» Да и сами себя партизаны зовут порой дьяволами. Четвёрка питерских посланцев, среди которых Демон (после тяжёлого ранения раздваивается с помощью боевика-самозванца). Возглавляющий связанное со лбовцами мотовилихинское подполье реальный большевик И.Смирнов у А.Гайдара становится Николаем. Возможно, подсознательно, но явно под влиянием известного руководителя одесского большевистского подполья, коллеги Г.Котовского. Три брата Давыдова (Алексей да Иван атаманы, Василий — совсем «дьяволёнок») партизанят в отряде при тесных контактах со лбовцами, атаманы гибнут почти со всем отрядом, младший брат в гражданскую бьёт колчаковцев. Комичные мелкие чиновники в гоголевском духе. Романтичные роковые истории с дамами, одна другой загадочней. Таинственные старцы. Переодетые-загримированные террористы. Троица бродячих комедиантов помимовольно в эпицентре интриги. Сходящий с ума факир, которого все поочередно пытаются повесить.

Повестями интересуется имажинист А.Таиров, по сведениям пермско-питерского историка Л.Юзefовича КАТЕТ (КАмерный ТЕатр Таирова) рассматривает А.Гайдара третьим в ряду М.Булгакова да Вс.Вишневского с пьесами о гражданской. Дальше проекта, похоже, не идёт. Три пермских улицы называются в честь лбовцев (А.Лбова, М.Стольников, И.Фокина). Больше всего для увековечения лбовцев делает Б.Назаровский — лучший

пермский друг да биограф А.Гайдара, арестант 30-х, директор Омского драмтеатра. Ещё при жизни А.Лбов становится легендарным героем, а сразу после казни совершенно мифологизируется, отрывается не только от конкретного человека, но и от правдоподобной географии.

На фестивале «Белые ночи в Перми-2012» (клонированное питерское название) историк левых движений А.Кудрин (К.А.-НОН (Поликлет (три варианта))) в серии публичных лекций «Историческая и художественная реальность лбовщины» подводит итоги своих многолетних архивных изысканий да блогерских публикаций (которые я давно советую ему издать книгой). Очерчиваются связи с тремя громкими боевиками-большевиками Артёмом (Ф.Сергеевым), С.Камо, Я.Свердловым. Описываются пантомимы площадного балагана да бульварные книжки в пинкертоновском духе о герое, где он дьявольски хитро уходит от полицейских да казаков в Париже да Питере, в Сибири да Финляндии.

Демонстрируются историком рассказы-повести-романы трёх дореволюционных беллетристов: Б.Никонов, В.Осинский, П.Орловец. Последний в романе «Лесные братья». Три героя: Лбов, Савицкий и Азеф» 1910 вводит в дело ещё и знаменитого в революцию 1905-7 лбовского тезку да единомышленника А.Савицкого, белорусско-украинского разбойника-эсера. П.Орловец под тремя фамилиями (также Антонов, Дудоров) успешно выпускает сказки, стихи, японские фронтовые корреспонденции, советские детские книжки про ожившие паровозы (с художниками-конструктивистами да эксцентриками). Более всего нашумел многочисленными брошюрами, где три великих западных сыщика на русской почве (Н.Пинкертоном, К.Фрейбергом, Ш.Холмс) распутывают совершенно фантомасовские злодеяния. Чего стоит, например, «Тайна Фонтанки» с всплывающей посреди имперской столицы вражеской субмарины?! Вновь сводит А.Лбова с Е.Азефом екатеринбуржец А.Шатрабаев в повести «От Робин Гуда к Фигаро» 2009.

А.Гайдар, будущий автор журналов «Затейник», «Мурзилка», «Пионер» поначалу противится своему превращению в детского писателя, которое идёт грубой редакторской правкой-сокращением. Письмо в газету «Правда» про книжку «РВС»: «Эту книгу теперь я своей назвать не могу и не хочу. Она «дополнена» чьими-то отсебятинами, вставленными нравоучениями, и теперь в ней больше всего той самой «сопливой сусальности», полное отсутствие которой так восхваляли при приёме повести... Слащавость, подделывание под пионера и фальшь проглядывают на каждой её странице. «Обработанная» таким образом книга — насмешка над детской литературой и издевательство над автором».

В пермском ТЮЗе 70-х С.Либман ставит гайдаровскую «Школу» под программным названием «Весёлое время» (пьеса М.Бременера), в главной роли Владимир Быков (как недолгий столичный подросток-киноактёр 1966-8 сотрудничал с известными эксцентриками). Ранее в духе ТНТ пермский НТМ (Народный Театра Молодёжи, будущий ТЮЗ) под руководством Л.Футлика ставит популярный у мальчишей новаторский игровой спектакль «Гайдар и его команда» 1964 по разным произведениям автора с актёрской импровизацией, выходом в зал, диалогом со зрителем.

Подобным стилем славен екатеринбургский левый молодёжный театр КОМАР (КОллектив МАшин Ротации), с которым сотрудничает А.Гайдар в три месяца своей здешней жизни 1927 — как отдельными советами на репетициях, так и текстами совместных эстрадных обзоров. Из Перми в Екатеринбург А.Гайдар перебирается по приглашению главреда (ГЛАВного РЕДактора) «Уральского рабочего» Вл.Филова (М.Вострогина) — газетного фельетониста-юмориста 20-х, поднимателя вслед за В.Шершеневичем барнаурской сцены (руководитель театра кукол с 1944), автора ростовского «Кукиша ничевока» да разбросанных по алтайским архивам очерков-повестей-стихов (в основном — не напечатанных), трёх приключенческих романов про казаков-разбойников.

В 1938 после доноса рассыпают набор печатающейся уже в «Пионерской правде» истории отважного сына репрессированного своими же коммуниста, мальчиша-победителя настоящих шпионов — «Судьбы барабанщика». Тогда гайдаровские книги утилизируют по библиотекам да сжигаются, автор в ожидании ареста отстраняется от друзей, чтоб те не пострадали. Благодаря заступничеству экс-партизана А.Фадеева на тот раз обходится «всего лишь» нервным срывом.

Начинает А.Голиков со стихов, но тексты времён расцвета имажинизма не на виду. Перепечатают сейчас военные баллады-песни с середины 20-х. Лишь в поэме «Пулемётная пурга» 1926 среди имажинистских синкопических ритмов попадают и подбавляющие образы: «Глаза солдат в обоях лица зажигались огнями, как порох... когда солнце бронь снега било... разделённый баррикадами лет, веков, помню я февральский дым... пулемётным гиканьем пугали пургу, хохотали в зелёные глаза... Идёшь ты, иду и я! В огонь, в воду... на чёрта, на дьявола... Не хочешь? Точишь нож в спину из офицерских отрядов».

Подолгу живёт автор в подмосковном дачном Кунцево, ходит в гости в дом Э.Багрицкого, вокруг которого бурлит проектами-стихами-спорами неофициальное сообщество бывших одесситов-авантюристов с заплывом начинающих столичных поэтов-романтиков. Три варианта так и не закрепившегося названия, употребляемого в узком кругу устно да в эпистолярных: ККК (Кунцевская Коммуна Квартирантов), «Одеколон» (ОДЕсская КОЛОНИЯ), «Остров». Гайдарский стиль складывается в окружении «полуимажинизма», т.н. «орнаментального» письма «серапионов», их питерских учителей (А.Белый, Е.Замятин, А.Ремизов) да пришельцев-одесситов. Потому у писателя прорываются неожиданная ирония в пафосных сценах, сказовые интонации (чистый М.Зощенко в «Пересекретничали», «Сорок вопросов», «Табель о рангах», некоторых других фельетонах, ремизовские обороты в сказках), мелькают вдруг яркие имажинистские образы посреди суровой прозы.

Примеров много: «Скреплённый раззолоченными винтиками чиновничьих пуговиц, улыбался город уютными занавесочками морозных окон». «Двигаемся мы вперёд, как плуг по целине. То есть с таким напряжением пласты белогвардейщины переворачиваем — сказать трудно. Но зато когда уже перевернём, то баста — лягут и не встают». «Часы, тяжёлые, солидные, едко смеялись лицом циферблата и, точно умышленно, затягивали минуты. Сдерживали ход тяжёлых стрелок. Для того, чтобы дать возможность сомкнуться кольцу молчаливо враждебных стен и сжать мёртвой хваткой последних трёх из «банды», разгромившей бархатный уют пальмовых комнат». «Топор революции рубит корни, соками от которых питалось кулацкое хозяйство». «Пусть поднимется щетина острых карандашных пик... пулемётным огнём исходящих бумажек и валами тяжёлых цифр могут отбить кавалерийскую атаку инспекторского эскадрона». «Трубы заводов стволами зенитных орудий направлены к небу». «Объявить здорового человека сумасшедшим в сущности не так трудно. Стоит только обратить внимание окружающих на ту или иную привычку человека, на его походку, на странную манеру как-то особенно громко сморкаться или на подозрительный способ зажигания спичек о подошву... В будущем, возможно, ярлык этот будет вполне соответствовать содержанию, ибо, если самого здорового человека... настойчиво изо дня в день объявлять сумасшедшим, то рано или поздно... по настоящему сойдёт с ума».

В письме приятельнице 30-х: «Глубоко заполночь с огромным удовольствием читал строка по строке и учился страшному, простому мастерству Гоголя». Более ослабленная манера писем детям, друзьям, подругам выдаёт массу текстов вполне в духе обзоров: «У нас здесь живут люди с двумя ушами. По ночам они ложатся спать, а днём их кормят сырыми яблоками, варёной картошкой и жареным мясом. Мыши здесь ночью не ходят, потому что всё заперто». «Придёт пора, надев трусы (какая благодать!), ты будешь целые часы на речке про-

падать, где в созерцательной тиши, премудро и одиноко, сидишь и смотришь, как ерши тревожат поплавок... Тилим-бом-бом! Тилим-бом-бом! От ночи до зари об этом пели под окном нам хором снегири». «Живу тихо, как волк... Недавно я сделал некоторые открытия. Усидчивая работа и одиночество навевает на человека волшебные сны». «Распустила две косы, смотрит кроха на часы! Можно ль мне узнать у вас, что сейчас, который час? И ответила мне кроха: «Я считать умею плохо. Или девять без пяти, или пять без девяти» (в оригинале пишется «маяковской лесенкой»). «Я, вероятно, скоро умру, потому что ем очень мало — только за обедом: две тарелочки супу, четыре котлетинки, тарелочку рисовой каши, два пирожинца, три яблочка, блюдечко с кремом и стаканчик молочка или чаю». «Огонь слепит глаза, дым лезет в горло, и хладный червь точит на людей зубы». «Чёрное море очень глубокое, и если поставить сто домов один на другой, то всё равно потонут. В этом море водятся разные злые рыбы, весёлые дельфины, блестящие медузы, а коровы в этом море не водятся, и кошки с собаками не водятся тоже».

Интересно задумываемую, быстро пишущую повесть «Бумбараш» («Талисман («Семён Бумбараш» (три варианта)) 1937 А.Гайдар бросает после выхода в чём-то похожего «Семёна Котко» одессита В.Катаева, категорически отказывается внимать советам друзей по дописыванию. Второй по главности тут — племяш героя, отважный разведчик мальчиш Иртыш. Повесть входит в сборник «Огненные годы» серии «Мир приключений» 1986 вместе с подобными «В дни поражений и побед» А.Гайдара, «Красными дьяволятами» да «Зелёным фургоном». В той же серии на следующий год — томик шести пермских гайдаровских истревов «Лесные братья».

У А.Гайдара пьеса или сценарий про белогвардейцев да краснопартизан «Прохожий» («Старуха и офицер»), а также в незначительности успешные истерны да истребы про гражданскую войну, форма которых порой определяется по-разному (повесть, рассказ, роман — три варианта): «Бандитское

гнездо» (махновцы), «Бомба», «Василий Крюков», «Всадники неприступных гор» («Рыцари неприступных гор» с троицей героев, два друга да подруга на Кавказе да в Азии), «Гибель 4-й роты» (покрасневшие махновцы), «Конец Лёвки Демченко», «Лёвка Демченко», «Никчёмная смерть», «Обрез» (дружба с махновцами), «Орудийный ключ» (троица красных камикадзе), «Патроны» (целый отряд белоказаков побеждает мальчиш Гришутка), «Перебежчики», «Поход», «Серёжка Чубатов», «Советская площадь», «Тайна горы» (белоказаки, краснопартизаны, американские шпионы, фантастические приборы), «Угловой дом» (оборона втроем от белых юнкеров в дамском пансионе, гибель боевой подруги с пистолетом в руках), «Ударник».

Среди прочей гайдаровской прозы: «Авторитетные слова», «Адмотделу Пермского исполкома», «Бензин. Керосин. Лигроин» (тройная формула), «Берись за оружие, комсомольское племя!», «Бригадир товарищ Волков», «В добрый путь!», «Война и дети», «Глина», «Голубая чашка», «Горячий камень», «Дальние страны», «Из тысячи и одной ночи», «Кама», «Краткое описание жакта №196 с некоторыми отвлечениями в области мировой истории», «Маруся» (дочка убиваемого диверсантом командира-пограничника, не атаманша), «Метатели копий», «Мост», «Мысли о бюрократизме», «На почве национальной ненависти», «Ночь в карауле», «Отрезанный ус», «Пасхальный фельетон», «Проводы», «Проклятая дочь», «Профсоюзные испанцы XIV века», «Пути-дороги», «Ракеты и гранаты», «Распушенность», «Р-романтики», «Рыбаки», «Серёжа, выдай!», «Синие звёзды», «Сказка о бедном старике и гордом бухгалтере», «Случай массового гипноза», «Смерть примиряющая», «Совесть», «Судьба барабанщика», «Таинственный незнакомец», «300 робинзонов», «3000 вольт», «У переднего края», «У переправы», «Хватит гвоздей», «Человек на верёвке», «Четвёртый блиндаж» (два смелых мальчиша с подружкой), «Чук и Гек» («Телеграмма»), «Шёл солдат с похода, зашёл солдат в РИК», «Шумит Мудьюга», «Шумит ночной Марсель», «Ярлык», др.

Вослед окончательно переходящим к белым бурнашам (бывшим анархистам из «Неуловимых») украинские киношники тут же запускают «Бумбараш» 1971. Главный герой которого мечется между белыми, зелёными, красными. Сценарий Е.Митько интересно объединяет мотивы нескольких ранних повестей-рассказов А.Гайдара разного объёма да настроения. Худсоветом киностудии готовый фильм объявляется «глумлением над идеалами революции», чудом выходит из-за попустительства столицы, становится одним из главных да любимых народом про гражданскую войну. Первоначально на главную роль удачно пробуетея М.Кононов, после неоднократного удачного выступления в подобном амплуа, лучшим из которых становится питерский «Начальник Чукотки» 1966. Затем режиссёр приглашает В.Золотухина из ТНТ (из-за песен). Имя героя Семён в фильме не упоминается, даже близкие обращаются по фамилии Бумбараш. Обаятельный А.Хочинский (будёновский разведчик О.Дундич питерского ТЮЗа) поёт-стреляет за лихого цыгана Лёвку Демченко, являющегося из цикла ранних рассказов. Яшка тоже есть, но не цыган, а смешной пафосный комсомолец в троице главных героев (уже не мальчишей), его исполнитель А.Белина, ещё в трёх первых фильмах, помимо этого, красноармействует на украинской гражданской, да и до сих пор никак не утихомирится — то казак древности, то красный 20-х, то партизан 40-х.

В.Василенко в роли племянника Бумбараша (слабо развитая линия Иртыша из первоисточника). Е.Васильева — атаманша с патефоном Софья Николаевна Тульчинская из повести «В дни поражений и побед», но более одинокая, эксцентричная да подробно показываемая (карикатура на атаманшу из парижской богемы Марусю Никифорову). Хорошие эксцентрики из «Неуловимых», с Одесской киностудии да ТНТ: Л.Данчишин, Н.Дупак, Л.Дуров, И.Матвеев, Л.Перфилов, Р.Ткачук, А.Филиппенко, др.

Хитовые песни Ю.Кима (Михайлова) на музыку В.Дашкевича не уступают по стилю да запоминаемости мотивам того же

композитора в телесериале о Ш.Холмсе. Обилие песен да непреходящая популярность дают возможность по мотивам фильма делать театральные мюзиклы «Страсти по Бумбарашу» 1974 — текст Ю.Кима на основе троицы писателей (себя, А.Гайдара, Е.Митько), афиша представления в Самаре 1997 воспроизводит малевичевскую «Конницу», спектакль столичного театра «Табакерка» О.Табакера воспроизводится телеспектаклем 2002 (реж. В.Машков, Бумбараш — Е.Миронов).

Гайдаровскую прозу болгарин Н.Рашеев берётся экранизировать после исключения из ВГИКа за антисоветчину, разъездов наладчиком по Колыме, работы на молдавском да пермском телевидении, трёх короткометражек. После ставит в основном комедии с постоянным мотивом подмены одного другим. Сорежиссёр «Бумбараша» питерский фэкс А.Народицкий с 20-х снимает документалистику, мультфильмы да поучительно-приключенческое детское кино в Питере, в 40-х воюет в истребительном отряде, затем оседает на Украине.

Под названием «Бумбараш» 1971 — сборник не очень боевых маленьких рассказов-стихов главных на тот момент советских детских писателей: А.Волков, Л.Кассиль, Н.Носов, мн.др. Имя «Бумбараш» с 1991 получает центральная боевая газета РКСМБ (Революционного Коммунистического Союза Молодёжи Большевиков). Очень показательно. Ведь гайдаровский персонаж не похож на красного «легендарного героя», мечется между разными силами эпохи, склонен к анархии. С наступлением капитализации общества 90-х новая левая молодёжь всё больше поддаётся обаянию гайдаровских книг да «красных дьяволят». Последнее определение часто используется прессой да телевидением для обозначения (то злобного, то иронического, то снисходительного) юных активистов-протестантов.

Комсомольцы постсоветского образца, молодые анархисты, коммунары, максималисты, маоисты (поклонники системы с родины «дьяволёнка» Ю-Ю), нацболы (НА-

ЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКИ, так ранее называют эмигранты конных боевиков Г.Котовского да С.Разина), некоммунисты, ревкоммунисты, троцкисты активно проводят акции в пёстрых костюмах то ли махновцев, то ли «мстителей», с массовой в одеяниях селян времён «той единственной гражданской» (бабы, мужики, попы): карнавальные шествия, театрализованные митинги, «уползание от налогов» (буквально) по столичной площади, «марши мракобесия», тому подобное. Зелёно-красные, зелёные, красные, красно-зелёные, красно-коричневые, красно-чёрные, чёрные, чёрно-красные, т.д. Разнообразие оттенков да группировок не уступает 20-м.

Близкий нацболам по взглядам немецко-украинский москвич М.Елизаров (похожий лицом на некоторые портреты А.Гайдара 30-х) киношник, певец, прозаик, на концертах заявляет о намерении писать гайдаровскую биографию. В эмоциональном эссе-предисловии к гайдаровскому сборнику «Обрез» 2012 внимательный читатель М.Елизаров, прошедший периоды и обожания, и отрицания, делится: «Впервые о Смерти я услышал от А.П.Гайдара... В тот вечер я постарел на целую детскую жизнь. Меня прежнего не стало. С подоконника спрыгнул маленький смертник и конспиролог. Отныне были Тайна, Смерть и Твёрдое Слово... Я уже... выпускником филфака, отозвался о «Мальчише и Военной Тайне» циничными словами: «некрофильский пафос». Называл «самой готической историей в советской литературе». Задавался саркастическим вопросом, почему не развилось массовое движение «кибальчишей», мрачных постсоветских готов в красноармейских одеждах. Можно ли вообразить себе что-либо более готичное, чем будёновка — остроконечный суконный шлем с алым пентаклем, френч или шинель с красными клапанами-разговорами?... Новое гайдароведение — «психиатрическое» — сформировалось в начале 1990-х... Кровь невинно убиенных натекла в «Википедию». «Зверства» Гайдара проросли, как сорняки, по всей Сети. Выполоть это враньё уже невозможно».

Керим Волковыский

Лодка

Вот стихи человека, который провел в Перми всего несколько лет. Школьником: 1955 — 1964. Тогда в Пермском университете работал его отец, профессор-математик Лев Израилевич Волковыский. Потом Кериму досталась довольно причудливая биография — он жил в Ташкенте, Москве, Черноголовке, остановился, наконец, в Цюрихе... Однако судьба — стихами Беллы Ахмадулиной — навеки нарекла его «мальчиком из Перми». В ее стихотворении 1965 года «Слово» мальчики-поэты большой страны, волнуясь и завидуя (как же! Сама Белла вслушивается в слова какого-то мальчишки!) читали:

И впрямь — в Перми живёт ребёнок странный,
владеющий высокой и пространной,
невнятной речью, и, когда горит
огонь созвездий, принятых над Пермью,
озябшим горлом, не способным к пенью,
ребёнок этот слово говорит.

Об этой истории прозаик Анатолий Королев написал в 1984 году повесть «Ожог линзы». Ахмадулина, оказалось, запомнила Керима Волковыского на всю жизнь. Прошло более 40 лет, в 2007 году она побывала в Перми и написала стихотворение «Спас Полунощный» — договорила свой разговор с мальчиком под куполом Пермского кафедрального собора, где «реет ангел деревянный». Конечно, мальчика своих стихов она во многом придумала. Но он был, мальчик, которому тоже, кажется, досталось слово.

Марина и Владимир Абашевы

Сын Перми

По реке Каме
бегают баржи.
По реке Сылве
сплавляют плоты.
А река Чусовая стоит на страже
Своей собственной особой красоты.

Три реки в городе,
а ручейков сколько.
Холмов и оврагов —
не пересчитать.
Застревает молодость — комком в горле.
Как тут не скажешь: ... твою мать!

Мужики шустрые
на троих скинулись.
Прячется за тучами
хмурый рассвет.
Пермь дремучая, принимаешь сына, что ль?
Отвечай, не раздумывая: да или нет?

Пермь, 1962

Простуда

Память моя умерла.
Больно царапает рот
Острый осколок стекла.
Кровь по губе течёт.

Не загустела пока,
Капельку крови слизну
Кончиком языка
И проглочу слюну.

Боже, но как же так,
Рыбка в мутной воде,
Мой путеводный знак,
Исчезла, и быть беде.

Кто-то сюда идёт
По дырочкам потолка.
Что-то произойдёт,
Знаю наверняка.

А может, неясный страх,
Всего лишь мелкий испуг.
И рыбка бьётся в руках —
Жалобный влажный звук.

А что, если переплыв
Этот бездонный день,
Я выживу, полюбив,
Мою смешную болезнь.

Тише, быстрее на дно,
В тонкую мякоть сна.
Кто-то чужой давно
Подслушивает у окна

Черноголовка, 1972

И вот ко мне являться стали сны.
Стеклянные, наполненные болью,
По очереди: цвет, и боль и люди.
Но главное мученье — это речь.
Я не потел, не вскрикивал, не выл,
А просыпался тихо и угрюмо
В час медленного бархатного утра.
Мороза не было. А снег всё шёл и шёл.
Ну что такое? День растёт, как гриб,
В кошмаре белом. Брызжут червяками,
Друзья, знакомые, случайные машины,
Я всё жую — не в силах проглотить.
И всё отчаянней пытаюсь что-то вспомнить,
Необходимое, почти как расставанье,
Почти как валенок-
уютный, тёплый, сонный,
Почти... ну лезет же такая чушь

1981

Поздняя осень. На берегу озера

Болтается лодка
около причала:
справа — налево.
слева — направо.

Кто эту лодку
пригнал к причалу?
Привязал верёвкой,
а сам отчалил?

Никого нету.
Никто не подскажет.
Только низкое небо
тучами мажет.

Только чёрный ворон
важно гуляет.
И дождик холодный
его не донимает.

На берегу липы
собрались толпою
и судачат тихонько
промеж собою.

Я на этой лодке
улечу на небо
и забуду сразу,
где я был, где не был.

И забуду сколько
и кому я должен,
виноват ли в чём-то
или всё, как положено.

Прохудилась лодка,
дырявое днище.
Глубокое озеро:
утонешь — не сыщут.

Цюрих, 2012

Критика / Молодая пермская поэзия

Евгения Князева**20-летние: поиск собственной поэтической идентичности***

Многие из 20-летних, о творчестве которых пойдет речь в данной статье, проявили себя на тонкой пленке поэтической культуры Перми конца первого десятилетия нового века. В это время культурная жизнь города заметно активизировалась. Достаточно вспомнить о двух российских фестивалях поэтических чтений «А-Либитум» (2007, 2008 гг.), во время которых прошли слэмы с участием ведущих авторов из Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Нижнего Тагила, Кыштыма и других городов. В рамках отборочного тура фестиваля в 2008 году работали творческие мастерские. В роли мастеров оказались преимущественно иногородние авторы, имеющие уже некоторую известность и публикации в ведущих литературных журналах. Андрей Пермяков развесил на них такие творческие «ярлычки»: «нервная наблюдательность Арсения Ли, нежнейшее обращение с каждым словом Аллы Поспеловой, синтаксическая мощь Яниса Грантса, отменная метафоричность Андрея Цоя, экспрессия и свежесть образов Сергея Ивкина» [Пермяков].

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-13-59001 а/У

В 2009 году Перми показали «Живую Пермь», в частности живых слагателей стихов, которые выступали в качестве памятников самим себе, декламируя стихи у мемориальной доски Алексея Решетова. В том же году прошел первый фестиваль «СловаNova». На одной из его поэтических площадок был организован «Уральский треугольник» — чтения пермских поэтов и мастер-класс Леонида Костюкова (критика, члена жюри Всероссийской независимой литературной премии «Дебют»).

Ранее молодые таланты вызревали сами либо в литературном объединении «Тропа» под руководством Федора Вострикова, выставляя на суд собственные сочинения на ежегодном конкурсе начинающих авторов памяти пермского журналиста Валерия Дементьева. С 2005 года на базе технического университета стал проводиться еще один конкурс — «Узнай поэта». В 2008-м он приобрел статус межвузовского, затем Приволжско-окружного. Инициатором проекта оказалась выросшая в «Тропе» Ольга Роленгоф, а художественным руководителем — преподаватель философии ПГТУ Наби Балаев. Задумывая конкурс с тремя номинациями («Лирика», «Гражданская поэзия» и «Поэтическое кредо»), учредители преследовали цель — создать публичную поэтическую площадку, с которой молодой автор мог бы заявить о себе. В жюри в разные годы входили пермские поэты, сегодня относящиеся к поколению 30-летних: Павел Чечеткин — председатель Пермского отделения Союза российских писателей, лауреат молодежной премии «Триумф» (Москва, 2004); Владимир Кочнев — лауреат премии «Дебют»; Сергей Богомягков — победитель второго российского фестиваля поэтических чтений «А-Либитум» в номинации «Иная речь» (Пермь, 2008), Георгий Звездин — дипломант регионального фестиваля литературных объединений «Глубина» (Челябинск, 2008). Почти все они недавние победители «Узнай поэта» (например, Богомягков — в 2006-м, Кочнев — в 2009-м (номинация «Иная речь»)), в связи с чем очень сомнительной является их оценка «новобранцев».

В 2008-м конкурс «вывел в свет» шесть поэтов, чьи имена сегодня на слуху, по крайней мере, среди пишущей пермской молодежи. В номинации «Гражданская поэзия» это Дмитрий Михеенко, Иван Козлов и Александра Тихомирова, в номинации «Лирика» — Екатерина Гашева, Вячеслав Хисамутдинов и Андрей Лапицкий. В 2009-м Козлов получил вторую премию, а Лапицкий два года подряд попадал только в список лауреатов. Остальные «играли в молчанку».

Дмитрий Михеенко (р. в 1983-м) на момент вручения ему премии уже считал себя бардом и был лидером группы «Blues-собеседник». Он писал тексты для песен, не скупясь на эпатаж и претензии к миру, лежащему под ногами «филологического мальчика» (Михеенко учился на филологическом факультете ПГУ).

Его лирический герой живет в городе, который «поет погребальную песню». В нем каждый помнит про смерть. Поэт перефразирует известное пионерское: «Кто тут готов? Будь готов!» Девочка не ждет романтического принца, ее друг — наркоман, и она плачет. Здесь явно присутствует аллюзия на известное стихотворение Б. Окуджавы «Голубой шарик»: «Девочка плачет: шарик улетел./ Ее утешают, а шарик летит». Но если у Окуджавы трагизм ситуации основывается на безвозвратной утрате «воздушного» детского счастья, то у Михеенко разыгрывается социальная драма идущих «ко дну» («и головой в глубину»). Сам герой «социально зол», потому что не имеет ни прав (кроме «ГАИшных»), ни свободы («наша воля — вольер»). Ему, вслед Пушкину, хотелось бы стать «вольной птицей», но не ради свободы как таковой, а чтобы «гадить стихами куда захочу...» (эта строка перекликается с известным Михеенко мотивом «может это я хожу и гажу», принадлежащим рок-барду Вене Д'ркину, т.е. уже покойному Александру Литвинову).

Самое примечательное стихотворение Михеенко — образец ролевой лирики под названием «Прыщ» — напоминает повесть Гоголя «Нос» и его героя майора Ковалева: «Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашним вечером вскочил у него на носу; но, к величайше-

му изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место!» Герой Михеенко, правда, не может решить, где он «сидит»: «на чьем-то нежном теле» (первая строфа) или «на лице у сотен, тыщ» (вторая строфа) — но исчезает взаправду: «...век прыща, увы, недолог» (опять же аллюзия на Окуджаву: «Кавалергарда век недолог»).

Внимателен Михеенко и к обычному «дяде Васе». Вспомним Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет» — и любовь шестидесятников к простым советским людям. Дядя Вася изо дня в день «квасит» и сидит «в никотиновом дыму», но воображаемое собственное величие простирается аж до луны. Описание мыслимого немислимого дается в духе «Василия Теркина» Твардовского (и сходство имен, и четырехстопный хорей, и повествовательная интонация, и частые анафоры — тому подтверждение): «Вася на рейхстаг залазит / Вася по луне идет, / и на танке тоже Вася / за собой людей ведет».

Другой поэт, который обязался быть гражданином, — Иван Козлов (р. в 1989-м), студент-журналист ПГНИУ, экс-обозреватель интернет-газеты «Соль». В 2009-м был принят в товарищество «Сибирский тракт», а в 2010-м попал в шорт-лист конкурса «ЛитературРентген». Участвовал в фестивалях «СловаNova», «Живая Пермь» и «А-Либитум».

Поэзия Козлова «питается» массовой культурой. Например, советской (как и у Михеенко), но детской. Так, песенка «Точка, точка, запятая» вызывает к жизни текст «Ливень приносит асфальту плохие вести...» Но если первая проникнута духом «строительства» Человека из челоуечка («Просто надо быть правдивым, / Благородным, справедливым, / Умным, честным, сильным, добрым — / Только и всего!» (Ю. Ким)), то у Козлова этот «примитив» не несет оптимистического заряда в «прекрасную» вечность. Дождь смывает нарисованное мелом, и автор только вздыхает: «Упокой, Господи <...> его душу». Желание приютить всякого если не у Бога за пазухой, то хотя бы в строке осталось.

Иногда Козлов пытается «переварить» и современную поп-музыку. Многим известен его вольный пересказ песни музыкальной группы «Иванушки International» «Кукла». Горькое осознание конца детства и невозможности возвращения в него, «положенное» в основу сюжета автором оригинала Александром Шагановым («Куклу отдадут соседке! / Отдадут, не спросят, отдадут»), сменяется у Козлова страшилкой, помещенной в нарочито нестрашный контекст с убаюкивающей бдительность интонацией: «Не волнуйся, всё в порядке, / Просто чёрные перчатки / Ищут улицу твою и твой подъезд» или «Мы нашли твою квартиру. / Не пугайся и не прячься под кровать». Поэт пытается нарисовать жуткую картину города, превратившегося в кукольный театр: «В темноте шипят паяцы, / Куклы-Черви копошатся / В костяных марионетках наших тел. / Кукла-Старость, Кукла-Время. / Кукла Ночь придёт за всеми...» Прощаясь с куклами детства, взрослый герой тоже становится куклой. Для него наступает «Время ночь».

Любопытно, что все это уже было в пермской маргинальной литературе 1970-80-х (например, у Анатолия Королева и Виталия Кальпиди): и подобный образ города, и мотив кукольности человека. В первом крупном романе Королева «Дракон» рассказывается о приключениях рыцаря в городе — табакерке, райке, театре, где люди — картонные куклы, марионетки, за ниточки которых дергает Творец-кукольник. Неоднократно акцентируется внимание на том, что действующие лица участвуют в театральной постановке. У Кальпиди сам город оказывается куклой, управляемой кем-то «Черным», «архитектором-циркачом», шутком, переплетающим ниточки слов, монтирующим кусочки различных текстов и культур. И, кстати, часто тоже идет дождь: «Плеснет с небес картонная вода, / и прочая расклеится погода». Симптоматично, что пермяки продолжают восприниматься как куклы и у авторов более молодых. Достаточно вспомнить строки Чечеткина: «О, как я буду нависать²/ Над скопищем купюр и кукол».

Лирический герой Козлова страдает боязнью асфиксии: «я пережат <...> / Мне снова снится легион крылатых спрутов» (явная аллюзия на «Мглу» Стивена Кинга), «И чью-то

щупальца сплелись на дне бокала» (« $CHONO_2(CH_2ONO_2)_2$ »), «Слухи ходят, что после смерти в глазницах его краснели / То ли щупальца, то ли стебли каких-то чужих растений», «У него в конце той недели из горла полезло что-то...» («Молчу»). Встречается мотив удушения и у Михеенко: «Улицы петли давят на шею» («Город под Богом»). В стихах Козлова, помимо образа петли («Светлое завтра свисает петлей с потолка»), возникает и мотив сплетения («*Всё наше счастье, вся воля и весь оптимизм — / Только сплетение нитей на чьих-то руках*» («Колыбель для кошки»); «*Мы озябшими руками / Сплетались*» («На смерть Стива Джобса»). Инфантилизм смыкается с инфернальностью. Стихи Козлова населяют кикиморы, армии невидимок, смоляное чучелко, старухи — «пугающие женщины с полуистлевшей кожей». Они олицетворяют Пермь, выезжающую на дачи. Интересно, что у Кальпиди, наоборот, город «видится сквозь» метафору снега — «перхоть редковолосых старух». Пермь — «косоногая сатрапка, бабка, бросившая внуков». Шестилетний герой Козлова боится, что старухи его, как и грешников (так ему казалось), бросят себе в рюкзак. Повзрослев, он понял, что там «*Лишь вонь мешковины прелой / Дряблые клубни картофеля / Пустоты световые года*». И хорошо быть мертвым («Пусть никто не помнит, не скорбит, не ищет»), каждый день повторяя: «Никому не нужно ничего живого». В стихотворении «Деградиация» герой мечтает стать «талантливым мёртвым поэтом» и смотреть вокруг «пристальным взглядом убитой собаки». Кстати, о собаках у Козлова есть проникновенное стихотворение, в котором рассказывается, как они ждут «Холокоста». Образ убитого животного, всегда привлекавшего русскую классическую литературу, «обогатился» страшным социальным опытом XX столетия. Но почему-то не добавил веры в искренность современного молодого поэта.

Екатерину Гашеву (р. в 1990-м) заметили старшие товарищи по перу рано, ведь она внучка пермского поэта Бориса Гашева и дочь драматурга Ксении Гашевой. В 2003 году Катя стала финалистом всероссийской молодёжной «Ильи-Премии» (памяти Ильи Тюринина) в младшей группе. Начиная с 2001-го года, лауреатами и финалистами этой премии были молодые пермские поэты Арсений Бессонов, Павел Четчин, Денис Голиков, Роман Мамонтов, Евгений Усталов, Юлия Балабанова и Ольга Роленгоф. Сегодня Гашева пишет преимущественно прозу. В этом году ее включили в лонг-лист Независимой литературной премии «Дебют» за фантастическую повесть «Штабная».

Героиня ее стихов по-детски наивна и простодушна: то она запускает воздушного змея («бегу я по лугу, по лугу»), то смотрит, как на «лужайке вновь играют дети» или «Дети играют на краешке крыши», то вспоминает: «как в детстве вдруг». Гашева и в жизни продолжает играть в «помесь фантастики с блокбастером», выбрав роль Глории, предводительницы повстанцев. В стихотворении «Читая Толкина» она «пророчит» Изенгарду (одной из главных крепостей в Средиземье из книги «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина) разрушение, подчеркивая, что «мы»-то не сдадимся, наша внутренняя «крепость» неприступна.

Большинство стихов Гашевой алогичны (под алогизмом мы понимаем нарушение логических связей между фразами, движение речи по случайным ассоциациям, бессмысленность высказывания), «пересыпаны» грамматическими ошибками. Приведем в качестве примера стихотворение «Дедушке»:

*Знаешь, я вчера видела стрелки голубиных крыл,
Наверное, ты этот клапан во мне открыл.
И полился поток, не затих, не остыл,
Кровь этих тонких пальцев и этих сил.
Так и пишу эти письма на темноте,
Те же пробились листья, все те же, те.
Те же подружки, и те же качели скрипят,
Только вот мая уже не вернуть назад.*

*Что понимаем мы в мае? Ответь, скажи.
Это вскормленные солнцем летят стрижи,
Чертят на небе восьмерки и новый круг,
Словно распахнуты створки,
Как в детстве вдруг...
Где нам найти ответы?
Скажи, ответь...
Первая песнь к лету,
А дальше — твердь.*

«Стрелки голубиных крыл» не могут быть «клапаном», «поток <...> Кровь...» (вместо словосочетания «поток крови»), пальцы и силы — находиться в однородном ряду. Беспредложное управление в словосочетании «кровь <...> пальцев» неверно. Используется много неоправданных повторов указательного местоимения «те» (поэтому не ясно, о чьих подружках и качелях пишет автор: о своих или еще дедушкиных). Почему нужно что-либо «понимать» в мае? Лирическая героиня хоть и задается этим вопросом, но сразу заменяет попытку ответа определением: «Это <...> стрижи», которые «чертят» разные фигуры, «Словно распахнуты створки» (неуместное употребление краткого причастия, не говоря уже о странном сближении образов «кругов» и «восьмерок» со створками). Финальный образ тверди оставляет в недоумении, т.к. он «дальше» «песни». Идеино-художественное целое текста не складывается из обрывочных «messages» внучки к дедушке, основанных на догадке об их поэтическом родстве.

Героине Гашевой постоянно хочется заходить куда-либо (хотя бы «на кухню») и выходить (например, «на балкон»), чтобы вдохнуть мира «одним глотком». Поэтому ее героиня все время ищет дверь: «*И снова над нами ясное небо — / Открытие двери, присутствие мысли*»; «*И распахнута дверь, / И рыдает в углу мирозданье*» (последняя строка напоминает финал стихотворения А. Ахматовой «В разбитом зеркале»: «*Несостоявшаяся встреча / Еще рыдает за углом*»). Мотивы разлуки и любви стали обязательным признаком гендерной принадлежности молодой поэтессы, ведь не зря Ахматова учила «женщин говорить».

Последнее вполне применимо и к поэзии Александры Тихомировой, своего рода «пункту по переливанию крови» с двухсотпроцентным содержанием женского счастья. Тихомирова уверена, что «они», ее герои, «будут все счастливы / герои на героине, герои на героинях» (каламбур, отсылающий к стихотворению «Феллини» лидера группы Александра Васильева «Сплин»: «Герой на героине, / Героиня на героине»). Поэтесса пытается вместить слишком много вещей в поэтический «грамм» текста, отчего получают содержательно неоправданные нагромождения однородных конструкций, напоминающие панк-зарисовки Егора Летова. Например: «*засыпала среди использованных презервативов, / прошлогодних корпоративов, / полупустых бутылок, аквариумных рыбок, / ароматизированных свечек, мармеладных сердечек...*»

Оставила свой след в стихах Тихомировой и советская детская поэзия. Текст «Сестра» начинается так: «*Детка, не плачь. / утонул твой мяч*» (звучит безысходность, сменившая утешение из текста про Танечку Барто). «*зачем он тебе, такой звезде? / зачем тебе он, когда рядом вагон...*» (возможно, тот, что «бежит, качается» из песни «Голубой вагон»). Основной лейтмотив стихотворения — просьба: помни свою нерожденную сестру. Тихомирова старается «заговорить» вину за проживаемую жизнь перед той, которой никогда не будет.

Кроме старательно выученных «уроков» российского музыкального андеграунда середины 1980-х — 1990-х, а также советского прошлого, Тихомирова пытается усвоить опыт поэтического авангарда последней трети XX века. Некоторые ее тексты можно считать по-

лиметрическими композициями. Ямб, задающий повествовательную интонацию, часто сбивается на хорей: «Я не знаю, что мне делать, я не знаю, как мне жить» (кстати, эти вопросы имеют широкое интертекстуальное поле, достаточно вспомнить популярную в свое время песенку В. Лебедева-Кумача «Если Волга разольется...»: «Я девчонка молодая, / Что мне делать, как мне быть?»). Да и само стихотворение Тихомировой «Разбитое стекло» сводится к мотиву, звучащему в вышеупомянутой песне: «Оттого я и страдаю, / Что не знаю, как любить». Неуверенность в себе («а смогу ли я, если мало кто смог?», «если я не смогу, то никто не сможет») является движущей силой творчества Тихомировой.

Впрочем, ее интересует и продолжение поисков ответа на набивший оскомину некрасовский вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?» — правда, в «разрезе женского платья»: «А страна моя, Россия, велика и непонятна (явный отсыл к тютчевскому «Умом Россию не понять»), / Нашим людям нужна память, на которой будут пятна».

Длинная строка с претензией на медитативность и «вольный» стих — отличительные визуальные признаки поэзии Тихомировой. Они еще раз подтверждают то, что поэтам «забалтываться донельзя» ничего не стоит: женщинам от природы дано повседневность заворачивать в фантики слов (вспомним сказанное Верой Павловой: «язык эрогенен, чтоб вынудить нас говорить»). А потом вприкуску пить чай, беседуя с подружкой так же доверительно, как раньше говорили с Богом в стихах.

Впрочем, слабый намек на Его существование есть в поэзии Андрея Лапицкого: «На первом плане любовь и... топеу». Девочки «кочуют» из текста в текст. Одну он пытается забыть, но «безуспешно», другая — белка, крутящаяся в колесе офисной жизни, третья — муза, затерявшаяся в толпе подруг, танцующих «в слезах над поэтом избитым» и с «кулыбкой прощенья» за человеческого изуверство. Лапицкий переигрывает на современный лад «Пророка» Лермонтова. Его герой идет к «людишкам» внушить им «законы / Вечной любви, кровотокающей светлой иконы» (только сомнительно, чтобы иконы жили по законам), но его, как всегда, не слушают и глумятся над ним.

Обыватели давно сменили веру: они сами тащат «Обыденности крест», окрашенный «краской густо / Телеэкранов, супермаркетов, проблем, / Которые, прожевывая с хрустом, / Проглатывают нас с тряпьем совсем». Городской житель у Лапицкого и сам не прочь совершить «Вселенский шопинг», иначе говоря, закупиться «шмотками»: «Пора менять!» Эта финальная строка стихотворения — своего рода издевка над самим собой, потому что вначале звучит призыв «Давай меняться!», т.е. менять себя, а вместо этого скидывается старая одежда.

В отличие от Лапицкого, Вячеслав Хисамутдинов громко заявляет о том, что для него поэзия — «попытка придать миру черты своей индивидуальности, сделать вклад в непрекращающееся создание вселенной». Однако, если внимательный читатель «суммирует» написанное о ней, то обнаружит вселенную Хисамутдинова серой, больной, недавно прооперированной, оплетенной паутиной, мокрой, склизкой и вязкой. Не случайно в ней копошится много насекомых («сороконожка / перебегает бензиновое пятно», страницы подобны мотылькам, «пальцы, словно жуки») и пресмыкающихся («дни, извиваясь, ползут змеей»). «Программой» у поэта, на наш взгляд, является «Баллада о любви», в которой «переписывается» картина запустения из сказки Ш. Перро «Спящая красавица». «Гроб хрустальный / давно не блестит», принца нет и не будет (вспомним отчаявшуюся ждать героиню Михеенко). Возможно, эта баллада является также смысловой «рифмой» «Песенки бродячего менестреля» («Принцесса спит сто лет») из фильма «Сказки старого волшебника» (слова А. Тимофеевского). У Хисамутдинова принцесса просыпается сама, и оказывается, что «после аборта». Она слышит только «стотонную пустоту» (Хисамутдинов любит эпитеты, построенные на оксюмороне, впрочем, он едва ли не единственный из молодых, кто решается постоянно работать с переносным значением). Героиня вопрошает: «Сколько

ещё дышать? / Сколько лежать...», — но в ответ лишь дурная бесконечность: «И не забыть, не уйти, не смять / этот звенящий пульс» (будто приговор по Блоку: «Все будет так. Исхода нет»).

Впрочем, часто звучащая в стихах безысходность распространяется на саму ситуацию, в которой продолжает пребывать пермская поэзия, в какой бы контекст она ни включалась и сколько бы ни пытались реанимировать ее пришедшие культуртрегеры. Количество не уехавших «завоевывать» столицу никак не переходит в качество поэтического высказывания. Как и двести лет назад, проблема не перестает быть той же: поэт хотел бы рассказать о себе иначе, чем это делали до него, но получается только клишированная реализация поэтического переживания. Вот и ходит он «по цепи кругом; / Идет направо — песнь заводит, / Налево — сказку говорит».

Нынешнее поколение 20-летних, действительно, то занимается перепевами услышанного, то бежит в детство, обжитое стихами советских писателей (видимо, в более зрелом возрасте читать в таком объеме уже не довелось: книжная культура не отягощает строки ни одного из рассмотренных нами авторов). Классическая «взрослая», а тем более авангардная поэзия остались незамеченными.

Важную роль продолжает играть стремление обрести чувство поколенческой общности (оно во многом измеряется индексом цитирования друг друга). Его формированию способствуют, прежде всего, региональные конкурсы (выход на всероссийский уровень — скорее попытка индивидуального «попадания» в современный литературный процесс), своего рода «ярмарки тщеславия», компенсирующие пустоту содержания (тематика и поэтический словарь, как правило, скудны) и скрывающие избыток избитых стилистических приемов. Организовать хаос и дезорганизовать шаблон получается у немногих.

¹ Мотив страха является сквозным (по текстам Козлова обильно рассыпаны слова «не бойся», «не пугайся», «как же страшно») и родом из детства (см. ниже стихотворение «Детство. Раннее утро субботы...»).

² Ср. у Кальпиди: «я налетел (курсив наш) на Пермь...»

Столкновение с прошлым

Алексей Иванов. «Псоглавцы». СПб: Азбука, 2011
Алексей Иванов. «Комьюнити». СПб: Азбука, 2012

Два новых романа Алексея Иванова — «Псоглавцы» и «Комьюнити» — имеют в своей основе единый авторский замысел: это романы о дэнжерологах — людях, фиксирующих и изучающих опасные элементы мировой культуры. В первом романе таким опасным элементом является образ святого Христофора — персонажа, изображаемого в старообрядческой религиозной традиции в виде псоглавца, то есть человека с собачьей головой. А в романе «Комьюнити» таким центральным смыслообразующим элементом является образ страшной болезни — чумы.

Замысел писателя становится понятным после

прочтения этих увлекательных, мастерски написанных романов, но особенно отчетливо он проявляется и обогащается смыслом в сопоставлении с той культурологической философской традицией, которую в свое время блестяще пополнил выдающийся польский писатель и философ Станислав Лем. Сорок с лишним лет назад, в 1969 году, автор этих строк, будучи студентом, встретил в журнале «Вопросы философии» замечательную статью С. Лема «Культура как ошибка». Впоследствии данная статья вошла фрагментом в грандиозный труд писателя, вышедший под названием «Философия случая». Оценить всю глубину и содержа-

тельность концепции Лема, изложенной в данной книге, еще тогда, в конце 1960-х, мне помог мой старший друг и наставник, профессор Пермского политехнического института Захар Файнбург, который был лично знаком с паном Станиславом, бывал у него в Кракове в гостях и написал несколько предисловий к его книгам, изданным в России.

Другим смысловым полем, в координатах которого следует рассматривать романы Алексея Иванова, является оригинальная культурологическая теория, изложенная американским социологом и публицистом Элвином Тофлером в его знаменитой книге «The Future Shock» («Футушоок», а точнее — «Столкновение с будущим»). Именно под этим, вторым названием книга Э. Тофлера была впервые переведена на русский язык в России, и сделано это было в середине 1970-х у нас в Перми по инициативе профессора З. Файнбурга, который тогда возглавлял не только кафедру научного коммунизма ППИ, но и лабораторию социологии того же института. А редактором

русского перевода данной книги был автор этих строк.

Могут спросить: что общего между социологической концепцией Э. Тофлера, одного из авторов теории «постиндустриального общества», и романами русского писателя А. Иванова? Ответу: сходство — в методике организации материала и в логике повествования. Если бы Иванов был русским англоязычным писателем наподобие Набокова, то два его романа, о которых идет речь, могли бы иметь общее название — «The Past Shock», то есть «Столкновение с прошлым».

Итак, о чем же рассказывается в романах «Псоглавцы» и «Комьюнити», и какого рода столкновение с прошлым описывается в них? Прежде всего — оценочный жанр. И тот, и другой роман написаны в жанре триллера, где сюжет построен как цепь чрезвычайно опасных приключений, в основе которых — фантастика, а порой даже мистика с элементами романа ужасов. В Голливуде, например, такие сюжеты давно определяют термином *horror* (ужас). Так что совершенно верно поступило издательство «Азбука», вынеся на обложку романа «Псоглавцы» ремарку от литературного обозревателя газеты «Русский репортер»: «Стивен Кинг в гостях у Алексея Иванова».

Своего знаменитого американского коллегу вспоминает и сам автор «Псоглавцев». Рассказывая историю

о том, как трое молодых реставраторов приезжают в глухую деревню, чтобы в заброшенной церкви спасти осыпающуюся фреску с иконой святого Христофора (Псоглавца), он сообщает: «Кирилл понял, что он боится этой деревни, как умный дрессированный сеттер, живущий в особняке лорда, боится гадюки из придорожной лужи. А все привидения — лишь овеществление его страха. Давно же известно, что лучшие романы ужасов сделаны из массовых фобий. Европа боялась наследия своего Средневековья, и родился готический роман с Дракулой. Америка мегаполисов боится маленьких городков, где черт знает что происходит, и Стивен Кинг становится королем. Русская провинция боится осатаневшей Москвы, и в бреду провинциалов рождается вампирская Москва «Дозоров». А он, Кирилл, боится деревни Калитино, затерянной в дыму торфяных пожаров. Здесь, в Калитине, для страха нет никакой «точки сборки»... кроме дикого здешнего Псоглавца. Который выжил, потому что очень прост: человек с башкой собаки, и все».

Чтобы понять и по достоинству оценить романы «Псоглавцы» и «Комьюнити», необходимо вспомнить, что существует герменевтика — наука о толковании многозначных текстов. Одновременно герменевтика может быть и своего рода истолковательным искусством. На

мой взгляд, приемами этого искусства как раз и пользуется Алексей Иванов в своих романах. Причем пользуется, надо сказать, широко, виртуозно и завораживающе интересно. Кстати, он делает это не только в романах. Мне уже приходилось писать о том, что, например, в своей книге «Хребет России» Иванов мастерски, именно в духе герменевтики истолковывает самые разнообразные сведения и тексты по географии, истории, этнографии Урала, выступая как чрезвычайно компетентный и внимательный культуролог.

В романах «Псоглавцы» и «Комьюнити» писатель вновь заявляет о себе как блестящий знаток истории культуры. Он в изобилии приводит тексты, которые герои его романов вылавливают из сети Интернет. Например, в первом романе это тексты, излагающие легенды и мифы о псоглавцах, а также исторические хроники времен церковного раскола, происшедшего в эпоху правления патриарха Никона. Рецензент издания «TimeOut Петербург» Наталия Курчатова так оценивает эту сторону романа: «Мифы в исполнении А. Иванова живы, трепетны, а иногда — по настоящему ужасны; книга — о могуществе и богатстве национального подсознания, которое способно на такие штуки...Итак, остерегайтесь ходить на заброшенные торфяные карьеры ночью, когда силы зла властвуют безраздельно!»

А в романе «Комьюнити» писатель излагает такие же обширные тексты о чуме — об истории чумных эпидемий, начиная с эпохи Средневековья и заканчивая нашими днями, когда чума вдруг... выплывает из интернет-портала комьюнити. В этом портале люди просто общаются друг с другом, обмениваются мнениями, дискутируют, а потом становятся жертвами чумы. Так, утонченный интеллектуал Генрих Дорн — один из тех, кто погибает от чумы первым — говорит: «У нас чума! Мы с вами участники комьюнити, которое зачумлено. Потому предлагаю просто принять факт: комьюнити наносит своим участникам ментальную травму... Участники комьюнити начинают видеть феномены чумы и этим доводят себя до катастрофы».

Катастрофа случается и с Глебом, главным героем романа «Комьюнити». Роман начинается с того, что Глеб, топ-менеджер крупной столичной IT-компании, участвует в похоронах своего друга на Калитниковском кладбище Москвы. Здесь он случайно обнаруживает могилу демона, который впоследствии выходит из могилы, долго преследует Глеба по всей Москве и на последних страницах романа убивает его. А происходит это потому, что Глеб по неосторожности читает текст, отчеканенный на демонической могиле. Текст оказывается роковым...

Итак, человек и текст... Проблему взаимоотношений с текстом, который может нести тяжелый ментальный груз, каждый из героев романа решает по-своему. Например, Глеб, сидя у компьютера, «читал, что там члены комьюнити нарыли про чуму, и думал, что эти розыски в Сети — не три воза копипаста, а гипертекст, сшитый сложными внутренними взаимосвязями. Судьба — сюжет, а её смысл — гипертекст... Тексты, слагающиеся в гипертекст, — это образы. Где брать такие тексты, всегда решает культура эпохи. Древние греки брали из своей мифологии. Люди Средневековья черпали из религии. Позитивисты обращаются к истории. Пользователь двадцать первого века лезет в «Википедию»... А для юзера Глеба Тяженко поиск объективности шел через ссылки и цитаты контента Web 2.0».

Продолжая эту мысль, можно заключить, что раз в культуре есть профессиональные поставщики текстов, слагаемых в гипертекст — например, писатели, то должны существовать и профессиональные читатели, то есть истолкователи этих текстов по законам герменевтики. Именно таким профессиональным читателем является, как правило, представитель той странной и редкой профессии, которая именуется «литературный критик» или, несколько иначе, «свободный философ», поскольку он обычно нигде

не служит и зарабатывает на жизнь тем, что читает, наблюдает, размышляет и пишет о прочитанном.

Конечно, многим людям такое занятие представляется крайне надуманным и вздорным. Люди бывают даже шокированы, когда узнают, что можно получать хорошие деньги, не создавая ничего «своего», а лишь... высказываясь о вещах, которые сделаны другими. Для плоского ума совершенно необъясним сам спрос на товар, поставляемый критиком, этим профессиональным «продавцом суждений». Для какого-нибудь инопланетянина, наблюдающего нас извне, сей факт также был бы загадкой, непостижимым феноменом нашей цивилизации, но тот, кто вхож в славную когорту посвященных, знает, что культура — эта драгоценная накипь, амбра, отложившаяся на скрижалях духа в ходе тысячелетий — состоит, в сущности, из текстов, постоянно зывающих к прочтению.

Да простят меня посвященные, но я все же сообщу, что текстами являются не только вывески, объявления и детективные романы, но также, несомненно, произведения живописи, музыки, архитектуры, научные трактаты, молитвы, нравственные заповеди, обычаи и многое другое. Более того, для изощренного ума ими могут быть, например, природные ландшафты, повадки зверей, погода, звездное небо, за-

пах цветка и даже формы женского тела. Неважно, кто именно является их создателем, автором — отдельный человек, народ, многомудрая природа или, допустим, сам господь Бог. Важно, что они имеют нечто сообщить нам, а значит, нужны люди, способные внимать заключенному в них смыслу. Ибо чем совершеннее текст, тем больше в нем тайн, ускользающих от неискушенного взгляда, и тем, стало быть, больше прав у профессионала, который вознамерился этот текст еще раз по-своему перечитать.

В отличие от примитивных любительских штудий, отягощенных излишней почтительностью, дело литературного критика, профессионального толкователя — дело веселое, преисполненное фантазии и свободы, оно всегда — дерзость и порыв, переступание запретов, правил и предрассудков, которые нагромождены вокруг текста и тем строже, чем более знаменитую биографию он имеет. Поэтому, на дилетантский взгляд, профессионал непочтительно относится к тексту: толкует его так и эдак, забирается туда, куда его никто не просил, хватается руками и даже пытается выворачивать ее наизнанку. Однако именно из таких актов порождения, умножения смысла, акт привнесения его в наш хаотичный безумный мир, который имеет роковую склонность безобразно

упрощаться и обесмысливаться, едва толкование текстов прерывается, рукописи прячутся под пуленепробиваемые стекла, в музейные ларцы, и великая интеллектуальная игра замирает.

Так, люди триста лет восхищались «Дон Кихотом» Сервантеса, превращали его в шедевр, неприкасаемый образец, и этим убивали. Истинным читателем и спасителем великой книги оказался безвестный выскочка Пьер Менар, настоящий мастер герменевтики, решивший, не меняя ни слова, написать этот роман еще раз, наполнив его совершенно другим смыслом — эту историю рассказывает знаменитый Хорхе Луис Борхес в одной из своих прелестных мистификаций под названием «Пьер Менар, автор «Дон Кихота».

А сколько раз глаза каждого из нас натыкались на корень дерева, уходящий в землю? Но лишь Рокантен, неприкаянный литератор из захолустного городка, а по сути — свободный философ, сумел понять эту обыденную вещь как текст, который еще никем не был по-настоящему прочитан, и разгадывание, толкование этого текста, его трагического смысла, сделалось центральным местом в знаменитом романе Сартра «Тошнота».

Для профессионального толкователя нет неинтересных вещей и явлений. Например, как-то раз один мой коллега написал глу-

бокомысленное эссе под названием «Очередь», и я ему искренне позавидовал. Мне бы, пожалуй, никогда не удалось осмыслить унылое многочасовое стояние в затылок друг другу как некий оригинальный текст, достойный философского анализа.

А вот талантливый писатель Алексей Иванов увидел икону святого Христофора с головой собаки — и прочитал это изображение как текст, из которого впоследствии родился гипертекст целого романа «Псоглавцы». Затем он взял чуму и многогранно истолковал этот трагический артефакт мировой культуры в романе «Комьюнити». Здесь чума становится не просто болезнью, а многозначным культурным явлением — сабджектом.

Вот что говорит об этом Генрих Дорн: «Сабджектом в дэнжерологии называется вещь, запечатлевшая в себе важную поведенческую стратегию определенной культурно-исторической ситуации. Аккумулятор большого объема информации. Я решил, что могила демона чумы является архивированным файлом с гигантским текстом о чуме... Мы обречены существовать рядом с чумой, то есть рано или поздно заразиться и погибнуть... Находясь внутри чумы, мы не можем быть по ней снаружи. Но мы должны что-то придумать».

Говоря о чуме как о культурно-историческом явлении, Алексей Иванов и его

герой Глеб, не могли, разумеется, пройти мимо знаменитого романа Альбера Камю, который так и называется — «Чума». По мысли А. Иванова, «главная загадка романа заключалась в том, что считать чумой. Буквально болезнь? Это нелепо. Фашизм, «коричневую чуму»?.. Критики решили, что чума Камю — комплекс экзистенциальных переживаний».

Точно так же чума у Алексея Иванова — это не просто болезнь. На страницах романа «Комьюнити» Глеб размышляет так: «Первая мировая война дискредитировала капитализм как общество разумного эгоизма. Гуманисты уповали на истинно гуманный строй — на социализм, но его развенчала Вторая мировая война. Немецкие национал-социалисты сцепились с русскими строителями социализма так, что камня на камне не осталось не только

от гуманизма, но и от веры: гуманизм не остановил и не мог остановить ни Гитлера, ни Сталина, а кочегары Освенцима и вертухаи Колымы лучше Канта доказали, что бога нет... Вот тут и появился экзистенциализм».

Что ж, уместно, я думаю, закончить словами литературного обозревателя Кларисы Пульсон, которая очень верно поняла horror, пронизывающий и роман «Комьюнити», и роман «Псоглавцы», и оценила его так: «Современная страшная сказка с интеллектуальным подтекстом — умная, жесткая, увлекательная, завораживающая. Автору удается сохранить тонкую грань между невозможной дикой реальностью и психологически достоверной фантазией. И неизвестно, что кошмарней — жизнь или вымысел. Продолжения не избежать!».

Остается надеяться, что продолжение, вышедшее из-

под пера Алексея Иванова, вскоре действительно появится и будет вновь радовать нас встречей с писателем. Я думаю, романы «Псоглавцы», «Комьюнити» и новый роман, название и тема которого пока никому не известны, должны в совокупности составить тот самый гипертекст, о котором писатель говорит в первых двух романах.

Кстати, о нем, о гипертексте, хорошо сказал все тот же Хорхе Луис Борхес в одном из своих интервью: «У меня нет большого произведения, которое объединило бы в нечто целое написанные мною фрагменты; возможно, однако, что эти фрагменты в совокупности составят нечто целое».

На мой взгляд, Алексей Иванов идет как раз по этому пути. Пожелаем ему успеха и сообщим: мы ждем от него гипертекст!

Владимир Пирожников

Всё — материал, всё — вещество

Олег Дозморов. *Смотреть на бегемота. М.: Воймега, 2012*

Уже на первой презентации книги, в Екатеринбурге, мнения читателей о названии нового поэтического сборника Олега Дозморова разделились. Профессор Уральского университета Л.П. Быков, например, своё неприятие объяснил тем, что в череде изящных, благозвучных «Пробел», «Стихи», «Восьмистишия» «Смотреть на бегемота» по-

истине неуклюже, громоздко и если не ужасающе, то во всяком случае, не рождает приятных ассоциаций. Другие же говорили, напротив, о привлекательности оригинального, запоминающегося названия. Между тем оно взялось не из ниоткуда.

Я полчаса промёрз на остановке.

О, если б там,
в рекламе, на билборде,
на листовке,
гиппопотам
изобразил осмысленное
что-то,
раздул ноздрю...
Ты мне сказал смотреть на
бегемота,
и я смотрю.

(«Ну что за день двадцатое апреля?»)

Мы читаем эти стихи, и покидает желание рассуждать об оригинальности или неблагозвучности названия книги, возникает другое — не желание, но даже необходимость: оставив в стороне «громкие вопросы», задаваться самими — здесь и сейчас — насущными. Например: как в этих стихах помещаются (совмещаются) повседневность и метафизика? Как становится возможным, что, начиная разговор о холоде и буднях, о холоде будней («рабочая неделя», «человек/ торчит, как пень, один на остановке, / другой бредёт, как тень его...», «пешком до магазина, / потом домой»), поэт договаривается до ветхозаветного животного, явленного как пример Божьего могущества Иову Многострадальному?

Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные

трубы; кости у него, как железные прутья; это — верх путей Божиих...

(Книга Иова, 40 : 10–14)

Как совершился скачок от «обожемой» (в 3-й строфе) к этому бегемоту, которого Он создал?.. — Поэтическая речь: её вина. Но последними строками стихотворения: «Ты мне сказал смотреть на бегемота, / и я смотрю» — объясняется, пожалуй, если не целиком, то в значительной степени, мировоззрение поэта и путь его лирического героя. Только в данном случае решается не вопрос веры-принятия (всё, что от Него, то правильно), но вопрос принятия неразрешимости бытия — мира и себя самого в нём. Да, «я смотрю», но прежде: «О, если б... гиппопотам изобразил осмысленное что-то...» И понятно ведь — нет, не изобразит...

Нарисованный гиппопотам приводит лирического героя к мысли о животном, которое является прообразом этого, настоящего. Рекламный гиппопотам происходит не из мифа (или, для верующего, — из первоначального мира, который и есть «верх путей Божиих», ибо всё в том мире исполнено Его замысла), но из мира бессмысленного, где человек ходит по кругу, где «жизнь тянется как чёртова резина». Совершая путь к библейскому бегемоту, лирический герой по примеру святого должен принять и

это тоже, ведь в этом мире он вынужден существовать. Но вопрос, произнесённый, застывает в воздухе: герою приходится сейчас смотреть не на символ даже, а в пустоту. Ибо что может означать рекламное изображение?.. Завтра он также придёт сюда, чтобы снова пережить не разговор с Ним, но Его молчание.

Эта неразрешимость принимается в отчаянной борьбе с самим собою, разделённым на того, кто должен «казаться приветливым» во чтобы то ни стало или, ещё хуже, быть «гражданином из офисного дна» — и того, кто «спросонья различает страх в душе». Важно вот что: герой О. Дозморова и в зеркале видит не себя, но другого, кем он внутренне не является. То предстаёт «...лицом / с предательски — вот так — дрожащим веком, / лысеющим мужчиною Олегом / в традиционном зеркале пустом»; то иронично отмечает приметы чужого отражения: «В зеркале — ланиты, очи, выя. «Здравствуй, ординарный человек...» — в первом случае с тревогой, во втором с иронией подчёркивается заурядность видимого, неинтересность его. Через самоиронию, часто горчащую, лирический герой и пытается принять непостижимость и неразрешимость собственного существования.

Смирись, всё это, в общем, тоже есть форма жизни на земле,

где ты прохожий,
а прохожий
мечтает только о тепле.

(Ars poetica)

Возвращаясь к вопросу о Боге, возникающем прямо или подспудно в связи с некоторыми стихами, — стоит сказать, что для О. Дозморова нехарактерно обращение к Нему. Но вопросы вообще для лирического героя суть форма установления связи с миром (герой постигает мир и самого себя через автодиалог), и они рассыпаны добрыми зёрнами на благодатной поэтической почве; редкая страница в «Смотреть на бегемота» обходится без вопросительного знака (кажется, он заменяет порой и восклицание, и многоточие).

И вот единственный разговор с Богом — стихотворение «Ты ему: постой, погоди чуток...», где мы снова увидим отсылку к Иову и где лирический герой задаёт сокровенный для него вопрос: «и душа что старое решето, / почему?» Но получает довольно насмешливый ответ: «ну и что?» Дальше тот, кто не назван по имени, показывает порядок своего мира, а в конце и вовсе оборачивается настоящим купцом: «Чем торгуешься? Свой покажи товар».

Но однажды лирический герой приблизится к невероятному для себя:

И утром в пешех облаках
висит
(мир не прекрасен, но
небезнадёжен)

такой простой, наивный
реквизит,
что Он — возможен.

(«Темнеет рано. Осень
словно вор»)

Впрочем, здесь нам важнее даже не «Он» (впервые с большой буквы), но замечание в скобках — оно результат борьбы, совершающейся в герое непрерывно, результат, который раз от раза должен перепроверяться.

Так, наблюдая за слепой в одном из стихотворений, написанных в Уэльсе (они составляют вторую часть книги) — «Бесчинствуют чайки. Воняет отлив», — лирический герой допытывается у самого себя: «о мире / ну что она знает?» — и тут же себе отвечает:

А я? Что я знаю? Что катер
идёт,
что море пылает, сетчатку
сжигая,
что, дико и страшно открыв
детский рот,
с улыбкой встаёт со
скамейки слепая,
что эти стихи никогда
не прочтёт.

Элегическая интонация проникает и в иронические стихи Олега Дозморова. Эгоцентричность, вообще свойственная поэтам, здесь не сопровождается ни каплей себялюбия, нет сетований о недостаточном признании так называемым большим светом, зато речь почти всегда о спросе с себя — о беспрерывном выяснении сущ-

ности «я» поэта в этом мире, отношений с ним. И даже если разговор о другом персонаже, то это прежде всего и по существу разговор о себе — точнее, разговор с собой. Вот он — и он кажется таковым, но вот я...

Друзья, вообразите сцену:
Россия, XXI век,
с утра мне долбит прямо
в стену
на бас-гитаре человек.

Живёт тут во втором
подъезде
псих, неудачник, музыкант.
С утра засаживает двести
и полирует свой талант.

Стоит потонуть сводящим
с ума и обозляющим звукам
в непривычной тишине ночи,
как на лирического героя тут
же обрушиваются вопросы:

И где он? Умер или спился?
Кто даст мне правильный
ответ?
Куда сосед запропастился?
И почему тех звуков нет?

Смешное от начала до конца стихотворение вдруг оборачивается настоящей тревогой. Был человек — и нет человека... Пусть даже существование его выражено так нелепо. Дело тут, впрочем, не в сочувствии, которое якобы пробудилось у лирического героя, но, скорее, в повисшем между других вопросе относительно самого себя.

«Сонет» (стихотворение о подключении стиральной машины), полный само-

иронии, демонстрирует, насколько короток для поэта путь из дольного в горнее, насколько скор прыжок, совершающийся вдруг для посторонних — но не для самого поэта, ибо последний всегда к нему готов. Всего одна фраза — финальная: «Стою в раздумьи бездны на краю» — и по ней мы понимаем, что этот прыжок осуществился. Так могут только поэты особой организации, Олег Дозморов — может.

Стихи происходят из любого чувства и почти из каждой мысли — важно найти лишь слова. Иногда кажется, будто О. Дозморов разыгрывает нас, например, когда пишет шутивное стихотворение о чайке, ко-

торая «натаскала дряни на стишок». Но когда мы прочитываем одно из самых, на мой взгляд, пронзительных «Лети, мотылёк...», то становится очевидно: шутка там и трепетная, тревожная раздумчивость здесь суть одно и то же. Неновый сюжет о гибели мотылька, летящего на свет, рождает такие строки:

а скорбную требу
сейчас отслужить по тебе
попрошу
старушку Евтерпу.

Она не заплачет, что ей
мотыльки?
Ей, в общем-то, пофиг,
что люди, что птички, что в
речке мальки.
Подумаешь, подвиг.

Это ядро стихотворения. Что бы поэт ни видел перед собой, о чём бы ни говорил с кем-то, какое бы действие ни совершал (всё — материал, всё — вещество), он занят на самом деле только одним — собственной речью.

Родная речь, отойди от меня,
поди прочь,
не приближайся ко мне,
я боюсь сейчас твоего огня,
между тем сгораю в твоём
огне.

Это тоже есть борьба и, пожалуй, самая страшная, потому что бесконечная, но именно в ней и формируется подлинное поэтическое слово.

Марта Шарлай

Путеводная проза

Евгений Касимов. Назовите меня Христофором: Книга повестей и рассказов. — Екатеринбург: Автограф, 2012

Книгу Евгения Касимова «Назовите меня Христофором» открывает повесть «Бесконечный поезд». Формально она представляет

собой цикл рассказов, посвященных воспоминаниям о родном доме и семье, первых детских впечатлениях и открытиях. Для незамутненного прожитыми годами взгляда все оказывается новым и удивительным. В своих рассказах Касимов старается сохранить присущую ребенку чистоту и непосредственность, ясность и цепкость восприятия. Именно стремление открыть мир заново, во всей его противоречивости, объединяет не только заглавный цикл, но и

все остальные разнообразные по тематике и форме произведения, включенные в книгу.

«Бесконечный поезд» написан с последовательным соблюдением правил модернизма. Повествование прерывает грохот поезда, который «рвется сквозь явь, сквозь зыбкий мерцающий полусон» с все возрастающей скоростью. Происходит постоянная смена рассказчиков и вместе с ними изменяется угол восприятия

действительности. Текст насыщен сложными фигурами речи, скрытыми и явными цитатами: «Он знал довольно по-латыни, чтобы написать больному рецепт», «Гости съезжались на дачу», «Да как вы смеете называться поэтом и, серенький, чирикать, как перепел?» Играя с «чужим словом», Касимов выступает не только как писатель-модернист, но и как талантливый читатель, воспитанный, в том числе, и на классической традиции.

Внешняя фрагментарность повести не нарушает ее внутренней целостности и обнаруживает в себе тщательно продуманную структуру. Центральные объединяющие образы прозы Касимова — путь, открытие, судьба, дом. Дом рассматривается им, как отправная точка всякого пути, будь то путешествие к синему болгарскому морю, мысленное возвращение к прошлому или исследование собственной души. Дом — краеугольный камень человеческой жизни: «Нельзя, чтобы каждое поколение строило себе свой дом. Дом должен быть один, вдруг понял он. <...> Хотелось продолжения собственной жизни, но не где-то там, вдалеке, — пусть успешной, даже победительной! — а вот здесь, на виду, простой, понятной, ясной, чтобы умирать было не страшно...». Путь — вся жизнь, и открытие, которое совершит осмелившийся стать Христофором, это многогранность и острота обы-

денной, казалось бы, жизни. Путь тесно связан с судьбой, они как бы обрамляют друг друга.

«Бесконечный поезд» — глубоко лиричное произведение, насыщенное точными эпитетами, осязаемыми метафорами и образами: «груда человеческого лома», «лицо распустилось морщинками», «стужа кинжально врывается в щели окон», «Движения их затормаживаются, загустевают, останавливаются. Резко прорисовывается старая, в желтых разводах гравюра, которая висит неподвижно несколько секунд, а потом размывается и гаснет, как волшебный фонарь».

В рассказах «Серафим», «Сашка и Мария», «Короткие ножи», «Парикмахер Яша», «Гипноз» усиливаются реалистические тенденции, возрастает интерес к социальной тематике. Пушкинского Серафима Касимов помещает в каменные кварталы захолустного советского городка, где ему читает свои стихи спивающийся маргинальный поэт Сандалов, которому постоянно не хватает мужества, чтобы «пройти свой путь». Параллельная сюжетная линия развивается на заседании местного литературного объединения, имеющего поразительное сходство с булгаковским МАССОЛИТОМ. Вторжение иррациональных сил в унылую повседневность, описанное в рассказе «Гипноз» также продолжает традиции реализма Булгакова. Но если выходки Во-

ланда и его компании разоблачают и вызывают едкую улыбку, то у Касимова случайное обнажение жизни оставляет героя, и вместе с ним читателя, в смятении: «он ощущал какие-то атмосферные изменения, чувствовал, что происходит что-то неладное в самом воздухе, что с фатальной неизбежностью — беззвучно и медленно, невидимо и неосознано, вздыбливается, надвигается, наползает какая-то чудовищная мгlistая, глыбистая лавина, подминая под себя большие и маленькие города и веси, всю-всю огромную территорию страны...»

Судьба как неизбежность изображена в рассказах «Сашка и Мария» и «Короткие ножи». В свои неполные шестнадцать Сергей — первоклассный боксер. Что может прервать его жизнь? Короткий нож в руках побежденного и озлобленного соперника? Нет, нож его не достанет, но мальчик все-таки погибнет, потому что такова его судьба. Сашка отличился в игре в городки совершенно случайно и напился от радости тоже случайно, и попался на глаза милиционеру тоже совершенно случайно. И вот мы видим, как он возвращается домой, «откинулся, как говорили на зоне». В описании его встречи с женой Касимов использует метод «айсберга». Все душевные терзания и перемены в жизни героев раскрыты через простые движения: «Они сидели друг против друга, молчали, не

чувствуя утреннего холодка. Сашка иногда проводил заскорузлой ладонью по коротко остриженной голове, Мария, не поднимая лица, иногда пожимала плечами». Ключ к тайнам парикмахера, не желающего надевать на праздник боевые награды, дается нам буквально в одном слове, фамилии Яши — Горнфельд.

Авторство повести «Фанза» Касимов отдает уже знакомому читателям Христофору Сандалову, а сам лишь добавляет к рукописи «небольшое предисловие от издателя», что позволяет провести параллель между «Фанзой» и пушкинскими «Повестями Белкина». Сандалов рассказывает о своей молодости, точнее об одном «сумасшедшем лете», когда они с товарищами по перу жили в заброшенном доме, писали стихи и иногда пировали, а иногда бедствовали. Поэт делится с читателем своим пониманием творчества: «А у меня всё просто. Просто длинное дыхание портрета в лёгкой раме окна. Просто движение ветви за окном. Просто свет небесный и тьма египетская. Просто путь». Несомненно, Сандалов выступает здесь выразителем точки зрения самого Касимова. В повести ярко выражена его особая восприимчивость, стремление наполнить текст окружающей жизнью: «...в это лето я написал много стихов, в которых всё это осталось: и ветра, и дожди, и жара, и мой дом, и гулкая комната

с открытым настежь окном и вылинявшими зелёными шторами, и огромные кусты смородины в саду».

Следующий цикл составляют лирико-философские произведения, в которых переосмысливаются вечные темы литературы: старость и смерть («Старуха»), война («Ветеран»), любовь, создающая и разрушающая («Больничный сад», «Последние посетители»), предательство («Кактус по имени Коля»), память («Никогда не возвращайся»). Не оставлен без внимания и неизменный для человека вопрос «Что есть счастье?» Касимов пытается ответить на него в жанре святочного рассказа («Время белого человека»). В понимании «сумасшедшем лете», когда они с товарищами по перу жили в заброшенном доме, писали стихи и иногда пировали, а иногда бедствовали. Поэт делится с читателем своим пониманием творчества: «А у меня всё просто. Просто длинное дыхание портрета в лёгкой раме окна. Просто движение ветви за окном. Просто свет небесный и тьма египетская. Просто путь». Несомненно, Сандалов выступает здесь выразителем точки зрения самого Касимова. В повести ярко выражена его особая восприимчивость, стремление наполнить текст окружающей жизнью: «...в это лето я написал много стихов, в которых всё это осталось: и ветра, и дожди, и жара, и мой дом, и гулкая комната

с открытым настежь окном и вылинявшими зелёными шторами, и огромные кусты смородины в саду». Следующий цикл составляют лирико-философские произведения, в которых переосмысливаются вечные темы литературы: старость и смерть («Старуха»), война («Ветеран»), любовь, создающая и разрушающая («Больничный сад», «Последние посетители»), предательство («Кактус по имени Коля»), память («Никогда не возвращайся»). Не оставлен без внимания и неизменный для человека вопрос «Что есть счастье?» Касимов пытается ответить на него в жанре святочного рассказа («Время белого человека»). В понимании «сумасшедшем лете», когда они с товарищами по перу жили в заброшенном доме, писали стихи и иногда пировали, а иногда бедствовали. Поэт делится с читателем своим пониманием творчества: «А у меня всё просто. Просто длинное дыхание портрета в лёгкой раме окна. Просто движение ветви за окном. Просто свет небесный и тьма египетская. Просто путь». Несомненно, Сандалов выступает здесь выразителем точки зрения самого Касимова. В повести ярко выражена его особая восприимчивость, стремление наполнить текст окружающей жизнью: «...в это лето я написал много стихов, в которых всё это осталось: и ветра, и дожди, и жара, и мой дом, и гулкая комната

ведения испытывает игрока, проверяет, как далеко может зайти человек в поисках неведомой награды. Вот он выигрывает дважды, а теперь непременно должен проиграть — интуиция его обманула. Но сюжет совершает неожиданный поворот, и герой, побывав в прошлом, а затем в будущем, получает главный приз — возвращение в настоящее.

Автобиографическая повесть «Записки русского путешественника» посвящена поездке автора в Париж. Город предстает перед читателем как мифологема, «город мечты», с его извечным дежавю, когда на улице все время встречаешь знакомых, открыточными достопримечательностями и чашкой кофе с неперменным круассаном. Но в то же время Париж Касимова имеет индивидуальные черты, переданные через его личное восприятие «себя в Париже» и «Парижа в себе», или увиденные глазами его русских знакомых, живущих во Франции.

Тему странствий по миру продолжают не собранные в цикл рассказы, представляющие собой мастерские зарисовки национальных колоритов разных стран — Венеции, Америки, Черногории. Образы дополняют неординарные фигуры персонажей: официантов, туристов, местных маргиналов. Открывая чужие страны, Касимов сравнивает их с Россией и тем самым придает своим произведениям ментальное измерение.

Завершает сборник повесть «Один день депутата Денисова» (последние восемь лет Евгений Касимов — депутат местного Законодательного собрания от фракции «Единая Россия»). Денисов необычный для русского сознания депутат: он не ворочает миллионами, не коллекционирует в своем гараже шикарные автомобили, не имеет многоэтажной дачи и любовниц модельной внешности. Утро депутата Денисова больше похоже на тяжелое пробуждение поэта Сандалова, чем на начало рабочего дня политика. Необычен депутат и тем, что не хочет врать избирателям, он осознает, как мало может сделать, во-

оруженный своей ничтожной властью, и страдает от невозможности помочь несчастным людям. Нет, Денисов не идеален, он способен идти на компромисс с собственной совестью и использовать запрещенные приемы предвыборной борьбы, но электорат оказывается во много раз грубее и бессовестнее своего избранника. Народ не принимает его, народ жаждет быть обманутым и считает, что кучу мусора у подъезда, которая образовалась по вине их собственной лени, должен убрать всемогущий представитель власти. Все герои Касимова выписаны с большой любовью, их горестям сопереживаешь вме-

сте с автором. Но почему-то именно депутата Денисова становится особенно жалко, когда и его настигает неумолимая судьба.

В книге «Назовите меня Христофором» Евгений Касимов сумел показать себя талантливым учеником русских классиков и виртуозно владеющим модернистской манерой письма прозаиком. В прозе ему удается органично сочетать эти два литературных направления. Поэтому вполне закономерно и заслужено книга «Назовите меня Христофором» стала лауреатом премии «Ясная поляна» в номинации «XXI век».

Кристина Суворова

Ангельский мяч

Юрий Казарин. Каменные элегии. Часть третья. Ангел. Птица. Человек. — Екатеринбург: Творческое объединение «Уральский меридиан», 2011

Небо — это свет и отчаяние.

Небо всегда бесконечно, даже если оно в итоге сворачивается в стеклянный шарик с взметающим-

ся крошечным снегопадом внутри. И посередине там обязательно ангел или дом. Степанная тоска, обморок вечного круга. Мир, преломляющийся сквозь. Воздух вокруг. Вода внутри.

Я люблю красивые слова. Потому что красивых слов и высоких парений, по моему, нам очень не хватает. Мир, в конце концов, на самом деле сиюминутен, зато один-единственный взгляд может стать константой постоянства. А рок-н-ролл на самом деле — дело возраста и вкуса, а не вечно жив.

Можно было бы с аппетитом брюзгливо перечислить еще кучу вещей, которые не вечны, но я не буду. Потому что тогда придется написать (произнести/подумать/представить) такую же кучу абсолютно некрасивых и скучных вещей. И при мысли об этом становится ну совсем уж скучно.

А ведь я начала с того, что красивых слов нам не хватает. Точней, красивые слова мы слышим часто и много, однако редко кто может сделать превратить КРАСИВЫЕ СЛОВА в ПРОСТЫЕ ВЕЩИ. А

не в ту выставку милейших, но бесполезнейших статуэток и финтифлюшек, которые часто нам дарятся в качестве проходного презента и вежливо выставляются на полочку. Чтоб стояло. Остается только периодически сдувать пыль.

Книга Юрия Казарина «Каменные элегии» (часть третья) — это тот самый исключительный случай, когда под обложкой — только Простые Вещи. Небо. Воздух. Боль. Снег. Звезды. Бог. Любовь. Красивые слова, но — имеющие смысл. В конце концов, смысл всегда имеют только простые вещи.

Сад напросился в дом.
Веткой открыл окно.
Что ж, посидим вдвоем,
Выьем свое вино.
Выьем его до дна,
И — лепесток на дно:
Бездна у нас одна.
Сердце у нас одно.
(«Сад напросился в дом»)

Хорошо ты сидишь у окна,
Значит — кто-то с другой
стороны.
(«Хорошо ты сидишь
у окна»)

В чарке древнего стекла
С круглым ликом иноверца
Луковица проросла —
Вот и лопнула, как сердце.
(«В чарке древнего
стекла»)

Мир «Каменских элегий» бел и древесен. Бел, как воздух, зимнее поле и яблочное цветение. Ветви прорастают в небо, соеди-

няя его с землей, как старая скрипящая лестница (ведь есть, есть такая в любом огороде, ты ее помнишь с самых-самых детских лет, и, пока ты растешь, она становится все меньше, все больше сама становится одним из садовых деревьев, часть пейзажа и, однако, — сломанное дерево, сломанное, чтобы стать вещью и — символом). Дом на отшибе. Затянутый снегом и ветром, как одиночеством. На этом снегу, в морозном воздухе, на замерзшей воде, на замершем в ожидании оконном стекле — яснее видны слова, которые только кажутся чьими-то следами:

У первых заморозков руки
В перчатках белых, как кино,
Где мой Печорин ждет
разлуки
С самим собой.
(«У первых заморозков
руки»)

Собаки, ангелы и кошки
По снегу ходят босиком.
(«Какая мгла, какая нега»)

Время выгнуло спину
Над водой без воды,
Где водили осину:
Видишь, в поле следы.
(«Слышу облака шорох»)

Воздух зимы держит
все существа между небом
и землей, как призрачную
черту горизонта, как мираж,
а значит, как единственно
возможную (потому что же-
лаемую) реальность:
Над землей — по воздуху,
по снегу

Проплывают девочка и кот,
Раскачав хрустальную
телегу
Орионом стянутых высот.
(«Над землей — по воздуху,
по снегу»)

Воздух держит челове-
ка, как вмерзший листок
во льду. Вода-лед-слезы-
дыхание, застывающее на
морозе белым шаром. Ша-
ром, поднимающимся всег-
да к небесам. Белым ябло-
ком, ангельским мячом,
брошенным снежком —
пойманным и отданным
обратно. Богом — чело-
веком — птице,
птицей — ангелу. Впрочем,
кто из них кто — неважно,
да и не нужно знать. Небо
и земля смешаны, как ветер
и снег:

И ангелы идут из школы,
Почти летя, почти пешком,
Разув глаза и босиком,
Зубря небесные глаголы.
(«Просторно. Холодно.
Светло»)

И окно со снегопадом
Не маячит над душой.
Только ангел долгим
взглядом
Смотрит в землю как
большой.
(«К изголовью,
к изголовью»)

Этот симбиоз (преобра-
жение? отражение? осоз-
нание?) Бога в человеке и
человека в небе гармони-
чен, причем гармоничен не
столько как покой, сколько
как боль и прозрение, про-
зрение не столько как боли,

но прозрение как прозрачная сладость печали:

В стену горох, в стену горох,
Ливень в последней своей
прямызне.

Это не птица защелкала —
бог

Заговорил во сне.
(«В стену горох, в стену
горох»)

Зиму перемолчишь,
Чтобы из белых дох
Снегом с покатых крыш
В полдень заплакал бог.
(«Душу спасет беда»)

Шелест ангельских крыльев — это не батист и молоко, но острие ножа, смерть — не разрушение, но ломкий лед ледяного ручья:

Там смерть кончается. За ней
Воздушные клубятся воды.
И сердце чувствует сильней
Божественную боль свободы.
Смерть обращается в любовь
И продлевает свет по кругу,
Где вербы бровь и Божья
бровь
Навстречу движутся друг
другу.
(«Какие ангелы с утра»)

И жизнь — это сад, в котором ангелы свисают с деревьев, как плоды, птицы летят, как ангелы, далекая женщина глядит на тебя откуда-то сверху, сквозь ветви, как звезда, как Бог или веселая сойка, а Бог — это вода, поэтому и так много ее, текущей и замерзшей, плачущей и молчащей, как — Слово. Слово есть Бог.

И Слово есть снег и воздух. Ангельский мяч.

Екатерина Симонова

Таежный роман

Александр Григоренко. Мэбэт. М.: ArsisBooks, 2011

Книга Александра Григоренко «Мэбэт» вышла в свет в 2011 году и немедленно получила признание литературных критиков. «Глубокий, волнующий, яркий» — написала о романе Галина Юзефович. Лев Данилкин назвал его «редчайшим образцом литературы-литературы», Андрей Анкудинов — «чи-

стой, правильной, профессиональной работой с мифоматериалом», Александр Чанцев — «подлинным эпосом». В свете многочисленных восторженных отзывов попадание «Мэбэта» в шорт-лист национальной литературной премии «Большая книга», лауреаты которой будут названы в ноябре этого года, кажется закономерным. Но в тоже время, столь высокая оценка первой крупной в жанровом отношении работы красноярского писателя и журналиста по-хорошему удивляет.

Первые главы романа, вмещающие рождение и взросление человека тайги, написаны размерным, возвышенно-отстраненным тоном героических баллад: «Мэбэт, человек рода Вэ-ла,

с ранних лет славился силой и храбростью». Он в одиночку ходил на медведя, а от вражеских стрел отмахивался «как от слепня — одним движением». За необыкновенную удачливость соплеменники прозвали Мэбэта «любимцем богов» и поговаривали о его родстве с высшими силами. Божья любовь «заменяла ему все богатства и давала все права». Мэбэт демонстративно пренебрегал племенными обычаями и законами: охотился в чужих угодьях, не обращался к шаманам, не почитал богов и старейшин. Любые проявления слабости были чужды ему от природы: любовь, сомнение, страдание, жалость — все эти чувства не имели власти над таежным «сверхчеловеком».

Постепенно развитие сюжета ускоряется, насыщается событиями и героями. Здесь и кража невест, и опьянение дурманящими грибами, и грандиозные битвы. Яркие, захватывающие эпизоды, размах которых к концу романа достигает поистине эпических масштабов, делают текст киногоеничным, сближают его с «Золотом бунта» и, в некотором роде, даже с произведениями типа «Властелина колец». Одновременно усиливается психологическая составляющая романа, которая проявляется, в первую очередь, через непростые отношения Мэбэта и его сына. «Человеколюбивый и богобоязненный» Хадко не может смотреть на мир свысока, чем разочаровывает отца. Совсем иначе Мэбэт относится к внуку, в котором видит продолжение себя. Сэвсэр «сломав сердце» любимца богов, пробудил в нем нежность.

В «Мэбэте» описана история четырех поколений рода Вэла, что придает книге черты семейной хроники, а вкупе с экзотическим колоритом и смешением мира реального и потустороннего, позволяет провести параллели с великим творением Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Пожалуй, этим и исчерпываются общие черты романа Григоренко и прозы магического реализма, являющиеся, впрочем, весьма поверхностными.

Тем не менее, стоит сказать несколько слов о со-

отношении творчества Григоренко с произведениями Алексея Иванова, которые особенно близки пермскому читателю. Объединяющим началом для этих авторов, помимо упомянутого обилия «экшна», является работа с этнографическим мифом, но принципы осмысления ими исходного материала существенно различаются. Если Иванов создает эпос о Пермской земле и связывает при этом легенды и реальные исторические события, то книгу его сибирского коллеги можно лишь со значительным упрощением назвать эпосом «о тайге». Скорее, «Мэбэт» написан «для тайги», то есть с учетом особенностей мироощущения человека тайги, и потому имеет шанс встать один в ряд с мифами, рожденными там, «в пространстве без границ, освященных кровью, во времени, не повинующемуся дисциплине цифр».

Образ тайги у Григоренко имеет космические масштабы: «Бездна разверзлась воронкой и со дна ее вдруг ударил свет <...> из вод вышла твердь и в середине ее мерцала зеленая звезда — то было вечное дерево. От него — сперва зелеными ручейками, тоньше волоса, потом рукавами, потоками — пошло зеленое и растекалось по некогда серой тверди. Зеленью мерцающей, переливающейся покрылась твердь — то был мир живых, названный Тайгой». В то же время, метафизическое пространство тайги надлено

конкретными чертами. Олены, нарты, чумы, обычаи войны, обряды выкупа невест и медвежьих праздников — эти и многие другие культурные артефакты указывают на принадлежность Мэбэта к ненецкому этносу, однако прямых указаний на это автор не делает, не желая, по всей видимости, ограничивать своего героя национальными рамками.

Всеобщность центральных образов и проблем романа наиболее полно раскрывается во второй его части, когда Мэбэт утрачивает всякую исключительность и осознает свою человечность. Случается это в момент наивысшего счастья: он победил убийцу своего сына — старого седого медведя. Охотник окрылен собственной неугасающей силой, удовлетворен мстостью и с радостью принимает мысль о том, что продолжателем его рода станет обожаемый внук.

Все рушится в одно мгновение. За «любимцем богов» приходит вестник смерти. Но Мэбэт не может покинуть этот мир сейчас, пока Сэвсер еще младенец. И дух внимает мольбам, дает человеку шанс вернуться в тайгу еще на несколько лет, чтобы прожить свою настоящую жизнь. Прошлая же была лишь игрой богов, любопытным экспериментом Матери, пожелавшей сделать хотя бы одного из людей абсолютно счастливым. Богиня оградила его земной путь от болезней, бедствий

и страданий, но те никуда не исчезли и с нетерпением ждут Мэбэта в одиннадцати чумах подобным чистилищу.

Роман имеет выраженную зеркальную структуру: переходя от одного чума к другому, герой возвращается назад, вглубь своей жизни. Каждый совершенный поступок теперь воспринимается им иначе: то, что казалось правильным и естественным оказывается ошибочным, незначительное — важным. Второстепенные персонажи рассказывают свои истории и предстают перед человеком тайги в новых обликах. Ценой невероятных усилий дается Мэбэту истина, скрываемая богами: «Мир несовершенен в своих основах, и потому нет человеку исхода из страдания. Страдание замыкает человека в пещеру и приваливает камень у входа. Будет человек биться о камень — и не сможет выйти». Но есть рука, способная отбросить любую глыбу, и Мэбэт должен возвестить о ней миру.

Единственное существо, не оставившее Мэбэта на пути по кругам вечных мук — его верный пес Войпель. По ту сторону тайги Войпель заговорил с хозяином человеческим языком, но Мэбэта это не удивило. Превращение убитого медведя в старца также кажется ему естественным. Таково вос-

приятие таежного человека: боги, люди и звери — равноправные обитатели бескрайнего леса. Подобными, подчиненными одним и тем же законам, они представлены не только в тексте, но и на иллюстрациях к нему. Пермская художница Наталья Корчемкина изобразила всех жителей тайги в единстве и гармонии. Они похожи как братья: с неба дух смотрит на человека, как на свое отражение, а волк и охотник обмениваются одинаковыми взглядами. Корчемкина нарисовала тайгу так, как это сделал бы живущий там человек, а Григоренко рассказал историю Мэбэта на его языке.

Стилистика романа проста, тропы лаконичны и неизменно связаны с зеленым океаном: «загудело, заворчалось нутро земли, будто проснулся огромный зверь и ярость бьет в нем», «вздрагнуло войско, как всей кожей вздрагивает олень, ужаленный десятком слепней», «сердце Хадне растает, как пригоршня снега в кипящем котле». Текст насыщен диалектными словами, но большинство из них понятны интуитивно — бесплотные, упала в тоску, малооленные, другие становятся ясны из контекста, например, пальма — древковое оружие для охоты на крупного зверя.

Самое потрясающее, что Григоренко не просто создал

эпос самой высокой пробы, аутентичный преданиям народов Сибири, как по форме, так и по содержанию, но как это не парадоксально, сделал его универсальным. Отчаянно пытающийся разгадать волю мироздания, избавиться от иллюзий и найти подлинное счастье, ошибающийся и страдающий, Мэбэт становится моделью «человека вообще», а роман — философской притчей. Переживание от прочтения последних глав нельзя назвать иначе, как катарсис. Этот редкий для современной литературы эффект тем и достигается, что история Мэбэта близка каждому читателю и невольно заставит задуматься: кто и что встретило бы в таежных чумах тебя? Как отличить истину от ее искаженного предрассудками отражения? Ответ на них Григоренко дает в простой и оригинальной форме, поэтому его роман действительно заслуживает самой высокой оценки.

«Мэбэт» — цельное и органичное произведение, вышедшее как будто из самых истоков литературы, из глубины веков, когда она имела форму всеобъемлющих мифов, помогающих человеку объяснить загадки Вселенной, но при этом актуальное, захватывающее и близкое современному читателю.

Кристина Суворова

Внутри и вне времени

Константин Комаров. *От времени вдогонку*. — Екатеринбург: *Творческое объединение «Уральский меридиан»*, 2012

Каждая эпоха выводит на авансцену своих героев, возможно, герой нашего времени именно такой — одновременно и «от» и «вдогонку» за временем. Именно эта «одновременность» происходящего становится ключевой метафорой новой книги екатеринбургского поэта Константина Комарова «От времени вдогонку».

Поэтическое слово у Комарова полифонично. В канву этого многоголосия гармонично вплетается и Маяковский, и Есенин, и Высоцкий. Правда, эти голоса выражены имплицитно, но их звучание легко можно различить, обладая даже минимальным читательским опытом. Образ «души, ломящейся в гортань» напоминает нам омонимичный образ Маяковского, «наступающего на горло собственной песне». Овеществление метафоры, которое так любил «горланглаварь», также свойствен-

но Комарову (в скобках заметим, что автор является исследователем творчества Владимира Маяковского):

Время истекает
Потом и слюной,
Кровью и стихами,
И тобой и мной,
Рюмкой и стаканом,
Чьей-то пьяной рожой.
Время истекает,
Да истечь не может.

Хотелось бы также отметить предельную насыщенность метафор Комарова. Каждый слог семантически нагружен, каждый выражает поэтическую идею автора. Поэтому и появляются такие строчки: «Любовь на два разряда делится — есть идеальная и одеяльная». Эта игра на понижение спасает лирического героя от центральной трагичности. Ироническое мировосприятие вообще свойственно уральской поэзии.

И даже продавщицы
шаурмы
Загадочны, как древние
шумеры...

От Есенина — запал хулигана-бунтаря и одновременно любовь к родине — древней и почти забытой. Высоцкий «Мой Гамлет» «проглядывает» лейтмотивом сквозь всю лирику Комарова:

В сплетенье слов немая
тишина,
В овал петли проглядывает
нота.
Схватить ее! Но плетть
занесена.
И петть пора, да не поется
что-то.

Это лейтмотив боли, неприятия времени человеком, и человека — временем. Отсюда и название поэтического сборника «От времени вдогонку» — очень личное, выстраданное, отражающее современность.

Автор обращается к глобальной, вечной категории времени. Казалось бы, в этом нет ничего удивительного. Но интересно то, что Комаров пытается отобразить эпоху современного «безвременья» и человека, который пытается догнать время, шагать с ним рядом, с одной стороны, а с другой — боится этой близости, потому что понимает: чем ближе он ко времени, тем активнее начинает смерть щекотать его за пятки. Именно в таком контексте следует понимать строки:

Я отдышусь. Попью водички.
Я не успел... И уцелел.

Упоминанием о трагедийной судьбе поэтов, «по собственному недосмотру», Константин Комаров весьма скромно вплетает свое

имя в ряд великих. Пускай. Именно этот поэтический драйв, напряженность стиха выделяют Комарова среди других:

Этот мальчик поэт, этот мальчик — он просто не вырос...

Он ни в чем не уверен, а значит, во всем неумерен, Только хочется, хочется, хочется не умереть, — Он из мальчиков тех, что совсем умирать не умели, Только умерли — так, как уже никому не суметь.

Чувственная физиологичность и даже телесность метафор поэта иногда режет ухо. Но позже начинаешь

проникаться обоснованностью такого поэтического решения. По точному определению автора предисловия к книге, уральского поэта Юрия Казарина, «время социальное, всегда скудное и примитивное в силу своей запланированности». Константин Комаров остро чувствует и переживает время — агрессивно и с примесью вынужденного восхищения.

Лирический герой Константина Комарова как вторую кожу чувствует пространство, поэтому движения человека вторят бегу времени, с одной стороны, а с другой — человек подобен утопающему, совершенно разучившемуся плавать, он барахтается в этой вязкой

материи времени. Он беспомощен и в своей беспомощности он вне времени — «от времени вдогонку».

Константин Комаров человечен и жив в восприятии происходящего, а это самое главное. Этим он и интересен. Его поэзия, несмотря на избыточную метафоричность, «пульсирует» и становится понятной. Комаров — это не просто «болеющий душой человек», это, прежде всего, ощущающий человек. Поэзия Константина Комарова будет интересна тем, кто привык не только плыть по течению, но и ощущать прохладу воды и вкус соли на губах.

Александра Сырбачева

Талант двойного зрения

Алексей Кудряков. Стихотворения. — Екатеринбург: Творческое объединение «Уральский меридиан», 2012

В первой книге стихов Алексея Кудрякова «Стихотворения» привлекают чи-

стый голос, естественность, камерность интонации и интеллектуальность.

Поэтическая вселенная Кудрякова — мир искусства, философии и культуры, сквозь призму которых осмысливается вещный, бытовой мир. Поэтический текст нередко синтезирует в себе семиотические коды нескольких видов искусств: музыки, живописи, графики, архитектуры, литературы.

Так, стихотворение «Листы мертвы, но шорох музыкален...», генетически вос-

ходящее к стихотворению Ходасевича «Перешагни, перескочи...» интегрирует в себе музыкальные и графические образы: с помощью звукописи в первой строке стиха создается ощущение шелеста осенней листвы, к этому образу подключается графический — «строка подобна линии брови». В целом, лирический герой ощущает мир как отражение искусства, как творческий акт:

И пусть у входа неподъёмный камень — перешагни, шепни, заговори.

И чудо совершится:
слишком мало причин у смерти уводить
на дно всё то, что наскоро запеленала
в тугое глиняное полотно.
(Листы мертвы, но шорох музыкален...)

Время, в котором живет лирический герой Кудрякова, не конкретно-историческое, а вечность, в которую точно инкрустированы приметы современности, впрочем, они не несут особой символической нагрузки в текстах уральского поэта, нередко лирический герой совершает жест оглядки в прошлое, в мир воспоминаний, с нежностью и тоской говоря об ушедшей юности.

За подкладкою времени — много чудесных вещей и весёлых словечек: шершавая, битники, вписка. Потому и живёшь, нахлебавшись несолоно щей; это было и есть, и не важно — далёко ли, близко.
(Олесе)

Но прошлое это не только и не столько объект ностальгических переживаний для поэта, это источник вдохновения, пережитые события служат импульсом для шага в будущее, а время — ушедшее, настоящее и будущее — измеряется не годами, а написанными стихами и умением мудро молчать, которое ценится с каждым годом все выше и выше:

И, опоздав на восемь строк, на полмолчания и выдох, ладонью трогаешь висок, теряясь в необъятных видах асфальта, зеркала, стены, где тень длиннее перспективы, и ре-бемолу тишины созвучны скрипок переливы.
(И, опоздав на восемь строк...)

Искусство — это та сила, по мнению Кудрякова, которая способна оживить, оплодотворить, наполнить смыслом пустоту:

Свет уплотняется вблизи окна: слышнее ксилофоны, флейты, домры. И вещи обретают имена и — формы!
(Июль. Несфокусированный взгляд...)

Кудрякова отличает обостренное, почти физическое чувство слова, ощущение его истинного смысла, слово в стихотворениях функционирует не как абстрактная лингвистическая категория, а как главное мерило бытия, поскольку мир, в котором живет лирический герой — мир текста:

отсутствовать и наблюдать, как убегает жизни тесто, стирая божью благодать с ещё не начатого текста.
(Топить чайники в молоке...)

Кудряков — поэт, умеющий видеть изнанку бытия, наделенный талантом двойного зрения:

... бензиновый след, подобный ветхозаветному чуду, что обесценилось по прошествии лет.
(Потому что нельзя прозой, и нотой выше...)

За талант двойного зрения, сближающий стихотворения Кудрякова с лирикой Георгия Иванова, поэт платит совершенной незащищенностью от мира, внутренней хрупкостью, которые, с другой стороны, есть признаки неизмеримой духовной силы, силы быть не только открытым, восприимчивым и чутким к миру, но и уметь преобразовать мир в творческий порыв, черпать из окружающей из приземленной реальности, вдохновение:

Начавшееся строфой оканчивается катастрофой (при наличии катарсиса), или же — удочкой Грофа, что одно и то же. Диван, пижама... И пугливое горе, не претендующее на точную рифму, бежит аллегорий, забивается мышью под черепную коробку.
(Начавшееся строфой оканчивается катастрофой...)

И тонким мироощущением, и одухотворенностью, и мелодичностью ритма, и свежей, ненавязчивой рифмой, обращенностью в мир культуры, и тонкой интертекстуальностью, стихотворения Кудрякова очень напоминают поэзию Георгия

Иванова, впрочем, влияние лирики которого на свой слог поэт и не отрицает. Кроме ивановского интертекста, в голосе А. Кудрякова можно услышать мотивы лирики и других поэтов: О. Мандельштама, Р. Фроста, В. Ходасевича и т.д., однако, ни в коем случае нельзя назвать

стихотворения уральского поэта подражательными, у Кудрякова уже сформирован свой уникальный стиль.

Стих Кудрякова мелодичен и хрупок в плане содержания и вполне традиционен в плане выражения. Именно это сочетание формы и содержания и при-

дает стихотворениям очаровательную классичность и традиционность, к которой прикасаешься с глубокой радостью после общения формально изощренными поэтическими текстами нашего времени.

Ольга Ловцова

Авторы номера

Антон Бахарев-Черненко родился в 1980 году в городе Губаха Пермской области. Учился в Таганрогском пединституте по специальности учитель русского языка и литературы. Участник поэтических фестивалей «Синани-Фест» (Ялта, 2009), «СловоNova» (Пермь, 2010, 2011), «Биеннале поэтов» (Москва, 2011). Публиковался в журналах «Знамя», «День и ночь», «Вещь». Стихи вошли в «Антологию современной уральской поэзии» (Челябинск, 2011). Награжден специальным призом премии им. Алексея Решетова (2011). Автор книги «Живи сюда» (Пермь, 2011). Издатель поэтической газеты «Свежак». Живёт в Перми и Таганроге.

Марюс Бурокас родился в 1977 году. Поэт, публицист, критик. Переводчик романов и стихов Чарльза Буковского. Автор нескольких стихотворных сборников. Ведет «Хроники закоренелого читателя» на портале Bernardinai.lt.

Индре Валантинайте родилась в 1984. Училась в Вильнюсском университете и Академии Художеств. Готовит передачи по культуре для интернет-ТВ. Победитель конкурса Первой Книги (2006), лауреат Премии Йотвингов (2012). Автор поэтических книг «Рыбам и лилиям», «Сказки о любви и прочем зверье» (2011).

Георгий Ефремов родился в 1951 году. Учился в Вильнюсе. Опытнейший переводчик литовской поэзии на русский язык (Сигитаса Гяды, Марцелюса Мартинайтиса, Йонаса Юшкайтиса, Айдаса Марченаса и многих других.) Преподавал в Литинституте им. Горького (1991-1996). Лауреат премии Ю.Балтрушайтиса (2006), премии им. св. Иеронима (2012). Автор восьми стихотворных сборников и книги «Мы — люди друг другу» (1991).

Юлюс Келерас родился в 1961 году. Вильнюсский поэт, драматург, фотограф. Окончил музыкальную школу и филологический факультет Вильнюсского университета, а также Иллинойский университет (1992, Чикаго). Автор восьми поэтических сборников, двух книг для детей, сборника пьес, одна из которых вошла в «Лучшие пьесы Европы 2008». Автор четырех фотоциклов и фотоальбома «Вильнюсские тротуары». В 1981-2011 получил восемь призов разных журналов и фестивалей. Организатор поэтических вечеров. Докторант Вильнюсского университета.

Евгения Князева родилась в 1975 году в Перми. Училась на филологическом и социально-гуманитарном факультетах Пермского государственного университета. В 2000-м году защитила диссертацию по теме «Метареализм как направление: эстетические принципы и поэтика». Работает доцентом на кафедре русской литературы. Пишет докторскую диссертацию по анаграмме в русской литературе 1980-90-х гг. Автор более сотни публикаций. Активно занимается журналистикой.

Андреюс Коницкис родился в 1956 году. Главный редактор журнала «Науйойи Ромува». Доктор философии, старший научный сотрудник Литовского института исследований культуры. Автор монографии «Философские идеи Оскара Милоша» (1996), сборника философских этюдов «Прежде всего — проснуться» (2006), ряда философских и культурологических статей и эссе. Переводчик художественной и гуманитарной литературы с французского, польского и русского языков на литовский.

Ирина Лебедева родилась в городе Мантурово Костромской области. Окончила филологический факультет Пермского государственного педагогического университета. Преподавала в вузе, в школе, работала журналистом. Публиковалась в журнале «Главная тема», альманахе «Осень и любовь», автор книги стихов «Наверх, по лунному лучу» (Киров, 2010). Живет в Перми.

Юлюс Саснаускас родился в 1959 году. Писатель, францисканский монах, ксендз костела бернардинцев в Вильнюсе. В начале восьмидесятых был репрессирован и сослан в Томскую область, село Парабель. Окончил Каунасскую семинарию (1992). Новициат проходил в Канаде. Ведущий католического радио «Малая студия». О направленности его эссе-проповедей говорит такой подзаголовок книги, как «Из богословия сквериков и переулков». В 2013 году в издательстве Ивана Лимбаха (Санкт-Петербург) должна выйти книга его эссе на русском языке (переводчик Томас Чепайтис).

Сергей Сенковский родился в 1968 году в Одессе. Вскоре вместе с семьёй переехал на Урал. Учился на историческом факультете Уральского государственного университета. Работал экскурсоводом, сторожем, корректором, печатался в свердловских и пермских газетах и журналах («Вечерняя Пермь», «Звезда», «Молодая гвардия», «Урал»). Живет в Перми и Санкт-Петербурге.

Анатолий Субботин родился в 1957 году в поселке Ныроб Чердынского района Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета (1980). Участвовал в поэтических группах «Времери» (1977), «Политбюро» (1989–1991), «Монарх» (середина 1990-х). С 1999 член Союза российских писателей. Публиковался в сборниках «Монарх» (Пермь, 1999), «Антология тишины» (Пермь, 2002), альманахе «Лабиринт» (Пермь), журнале «День и ночь» (Красноярск). Живет в Перми.

Томас Чепайтис родился в 1959 в Москве. Окончил Литературный институт им. Горького. Переводчик, эссеист, либреттист, куратор выставок, библиотерапевт. По совместительству — министр иностранных дел Республики Ужупис (с 1998). Издает газету «Глашатай Заречья» (выходит на пяти языках). Победитель конкурса «Хайку Вильнюсу» (2008). Пишет на русском, литовском, английском. С 1991 года живет в Вильнюсе.

Роман Юшков родился в 1970 году в Перми. Окончил географический факультет Пермского государственного университета. Доцент кафедры биогеоценологии ПГУ, активный общественный деятель Перми. Кандидат географических наук. Журналист. С 1996 года руководитель общественной организации «Зеленая Эйкумена». Лауреат Радебойльской премии мужества (2006). Живет в Перми.

Поддержка проекта была осуществлена Министерством культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2012. — 128 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Издатель:
Борис Эренбург

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Анна Лукьянова

Фото:
Юлюс Келерас из фотоальбома «Тротуары Вильнюса», 2010 (стр. 48, 49, 50, 55, 57, 61)

Иллюстрации:
Анатолий Френкель из цикла «Графика», 2011 (обложка, стр. 3, 11, 24, 76, 94,)

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу: senator@permplanet.ru

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator@permplanet.ru

© «Вещь», 2012

© Авторы, 2012

© Издательство «Сенатор», 2012

